

Эдгар Аллан По Ворон

Аннотация

Ни одно художественное произведение не переводилось на русский язык так часто, как это стихотворение Эдгара По. Первые русские переводы "Ворона" появились в 1878 г. А классическими считаются переводы, сделанные символистами: Бальмонтом, Мережковским, Брюсовым. Разумеется, "Ворона" переводили и в советское время и продолжают переводить до сих пор.

Интересно проследить, как искали переводчики русский эквивалент ключевому слову "Невермор". Андреевский в 1878 г. перевёл буквально: "Больше никогда!" Его современник Пальмин ограничился одним "Никогда". Брюсов и Мережковский последовали примеру Андреевского, Бальмонт – Пальмина. Оба варианта имели существенный недостаток: пропала фонетическая нагрузка, то есть два "р" ("Невермор!"), которые позволяли Эдгару По соединить речь человека и воронье карканье. В 1901 г. Жаботинский отказался от поисков русского аналога и оставил английский оригинал – "Невермор!" В 1960 г. появился новый русский эквивалент. Василий Бетаки отдал предпочтение "каркающему" "не вернуть". В 1988 г. Николай Голь нашёл ещё один вариант: "всё прошло".

В одном из последних переводов стихотворения у "невермор" появился как будто идеальный фонетический эквивалент – "приговор", но – увы! – в ущерб смысловому значению английского подлинника.

Эдгар Аллан По Ворон

(Сборник переводов)

Содержание

Edgar Allan Poe. The Raven (1845)
Ворон. Подстрочный перевод В. И. Чередниченко

Ранние переводы (1878-1887 гг.)

Перевод Сергея Андреевского (1878)
Перевод Лиодора Пальмина (1878)
Перевод Леонида Оболенского (1879)
Перевод Ивана Кондратьева (1880)
Прозаический перевод неизвестного переводчика (1885)
Перевод Льва Уманца (1887, опубл. 1908)

Переводы Серебряного века и довоенного периода (1890-1936 гг.)

Перевод Дмитрия Мережковского (1890)
Перевод Константина Бальмонта (1894)
Перевод Altalena (Владимира Жаботинского), 1-й вариант (не позже 1901, опубл. 1903)
Перевод Валерия Брюсова, 1-я редакция (1905)
Перевод Валерия Брюсова, 2-я редакция, 1-й вариант (1915)
Перевод Дмитрия Звенигородского (1922, опубл. 2009)
Перевод Василия Фёдорова (1923)
Перевод Валерия Брюсова, 2-я редакция, 2-й вариант (1924)
Перевод Altalena (Владимира Жаботинского), 2-й вариант (1930)
Перевод неизвестного переводчика (не позже 1934, опубл. 2009)
Перевод Георгия Голохвастова (1936, опубл. 1938)

Переводы послевоенного периода (1946-1976 гг.)

Перевод Александра Оленич-Гнененко (1946)
Перевод Михаила Зенкевича (1946)
Перевод Павла Лыжина, (1952, опубл. 2003)
Перевод Виктора Василенко (не позже 1956, опубл. 1976)
Перевод Нины Воронель (1956, опубл. 2001)
Перевод Василия Бетаки (1960, опубл. 1972)
Перевод Сергея Петрова (1968, опубл. 2003)
Перевод Михаила Донского (1976)

Переводы позднесоветского и постсоветского периодов (с 1984 г.)

Перевод Владимира Саришвили, 1-я редакция (1984, опубл. 1990)
Перевод Николая Голя (1988)
Перевод Виктора Топорова (1988)
Перевод Владимира Саришвили, 2-я редакция (1995)
Перевод Анны Парчинской (1998)
Перевод Веры Космолинской (1999)
Перевод Александра Милитарева (2000)
Перевод Игоря Голубева (2000, опубл. 2001)

Перевод Сергея Муратова (2003)
Перевод Геннадия Аминова (2004)

Edgar Allan Poe
THE RAVEN¹
(1845)

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
Over many a quaint and curious volume of forgotten lore –
While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
As of some one gently rapping, rapping at my chamber door –
"Tis some visiter", I muttered, "tapping at my chamber door –
Only this and nothing more".

Ah, distinctly I remember it was in the bleak December;
And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
Eagerly I wished the morrow; – vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore –
For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore –
Nameless here for evermore.

And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
Thrilled me – filled me with fantastic terrors never felt before;
So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating
"Tis some visiter entreating entrance at my chamber door –
Some late visiter entreating entrance at my chamber door; –
This it is and nothing more".

Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
"Sir", said I, "or Madam, truly your forgiveness I implore;
But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
And so faintly you came tapping, tapping at my chamber door,
That I scarce was sure I heard you" – here I opened wide the door;

–
Darkness there and nothing more.

Deep into that darkness peering, long I stood there wondering,
fearing,
Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before;
But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
And the only word there spoken was the whispered word,
"Lenore?"
This I whispered, and an echo murmured back the word, "Lenore!"
Merely this and nothing more.

Back into the chamber turning, all my soul within me burning,

¹ Воспроизведен текст оригинала, опубликованный в ричмондском "полуеженедельнике" "Семи-Уикли Экзаминер" (Richmond "Semi-Weekly Examiner") 25 сентября 1849 г. и перепечатанный Т.О. Мабботтом (см.: Collected Works of E.A. Poe / Ed. by T.O. Mabbott. Cambridge (Mass.), 1969. Vol. I. P. 364-369).

Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.
"Surely", said I, "surely that is something at my window lattice;
Let me see, then, what thereat is, and this mystery explore –
Let my heart be still a moment and this mystery explore; –
'Tis the wind an nothing more!"

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter,
In there stepped a stately Raven of the saintly days of yore;
Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed
he;

But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door –
Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door –
Perched, and sat, and nothing more.

Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
By the grave and stern decorum of the countenance it wore,
"Though thy crest be shorn and shaven, thou", I said, "art sure no
craven,
Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly shore

–
Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!"
Quoth the Raven "Nevermore".

Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so plainly,
Though its answer little meaning – little relevancy bore;
For we cannot help agreeing that no living human being
Ever yet was blessed with seeing bird above his chamber door –
Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber door,
With such name as "Nevermore".

But the Raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
That one word, as if his soul in that one word he did outpour.
Nothing further then he uttered – not a feather then he fluttered –
Till I scarcely more than muttered "Other friends have flown
before –
On the morrow he will leave me, as my Hopes have flown before".
Then the bird said "Nevermore".

Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
"Doubtless", said I, "what it utters is its only stock and store
Caught from some unhappy master whom unmerciful Disaster
Followed fast and followed faster till his songs one burden bore –
Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
Of 'Never – nevermore'".

But the Raven still beguiling my sad fancy into smiling,
Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird, and bust and
door;
Then, upon the velvet sinking, I betook myself to linking
Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore –
What this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird of yore
Meant in croaking "Nevermore".

This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom's core;
This and more I sat divining, with my head at ease reclining
On the cushion's velvet lining that the lamp-light gloated o'er,
But whose velvet-violet lining with the lamp-light gloating o'er,
She shall press, ah, nevermore!

Then methought, the air grew denser, perfumed from an unseen
censer

Swung by seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted floor.

"Wretch", I cried, "thy God hath lent thee – by these angels he hath
sent

thee

Respite – respite and nepenthe from thy memories of Lenore;
Quaff, oh, quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore!"
Quoth the Raven "Nevermore".

"Prophet!" said I, "thing of evil! – prophet still, if bird or devil! –
Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore,
Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted –
On this home by Horror haunted – tell me truly, I implore –
Is there – is there balm in Gilead? – tell me – tell me, I implore!"
Quoth the Raven "Nevermore".

"Prophet!" said I, "thing of evil! – prophet still, if bird or devil!
By that Heaven that bends above us – by that God we both adore –
Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore –
Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore".
Quoth the Raven "Nevermore".

"Be that word our sign of parting, bird or fiend!" I shrieked,
upstarting –

"Get thee back into the tempest and the Night's Plutonian shore!
Leave no black plume as a token of that lie thy soul hath spoken!
Leave my loneliness unbroken! – quit the bust above my door!
Take thy beak from out my heart, and take thy form from off my
door!"

Quoth the Raven "Nevermore".

And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the
floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted – nevermore!

BOPOH

Подстрочный перевод В. И. Чередниченко²

Однажды в мрачную полночь, когда я, слабый и истомленный,
размышлял / Над множеством причудливых и любопытных
томов позабытых
знаний – / В то время, как я покачивал головой (клевал носом),
почти дремля,
неожиданно (внезапно) слышалось постукивание, / Будто
кто-то тихо
стучался, стучался в дверь моей комнаты – / "Это какой-то
гость (визитер), –
пробормотал я, – стучится в дверь моей комнаты – / Только
это и больше
ничего".

Ах, я отчетливо помню, это было в суровом декабре; / И
каждый
отдельный угасающий уголек оставлял (букв.: производил)
свою тень-призрак на
полу. / Я сильно желал (я жаждал) [наступления] утра; я
тщетно пытался
позаимствовать / Из моих книг [способа] избавления от (букв.:
прекращения)
скорби по утраченной Линор – / По необыкновенной и
лучезарной деве,
которую ангелы зовут Линор – / Безымянной здесь навсегда.

Шелковый печальный неясный шелест (шорох), [издаваемый]
каждой
пурпурной занавеской, / Взбудоражил меня – наполнил меня
фантастическими страхами, никогда доселе не испытанными; /
Так что теперь, чтобы унять
сердечное волнение (букв.: утихомирить биение моего
сердца), я повторял
стоя: / "Это какой-то гость (визитер) у двери моей комнаты
молит впустить
[его] – / Какой-то поздний гость (визитер) у двери моей

² Опубликовано: Чередниченко В.И. Ворон. Подстрочный перевод // По Э.А. Эссе. Материалы. Исследования / Ред.-сост. В.И. Чередниченко, Ю.В. Лучинский. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. Вып. 3. С. 173-177.

Подстрочный перевод. [Под рубрикой "Неопубликованные и малоизвестные переводы"].

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Подстрочный перевод выполнен с текста оригинала ("The Raven").

В квадратные скобки [] заключены отсутствующие в оригинале слова и выражения, необходимые для связного изложения русского текста; в отдельных случаях они помогают прояснить смысл высказывания.

В круглые скобки () заключены:

1) слова-синонимы или близкие по смыслу выражения;

2) словосочетания, не употребляемые в русском языке или плохо вписывающиеся в контекст русского текста строфы (с пометкой букв.: буквально);

3) слова и выражения, помогающие прояснить смысл слов и выражений, употребленных перед скобками (с пометкой подразум.: подразумевается, имеется в виду).

комнаты молит
впустить [его]; / Вот что это и больше ничего".

Вскоре душа моя окрепла; и, не колеблясь долее, / Я сказал:
"Сэр, или
Мадам, искренне умоляю вас простить меня; / Но дело в том,
что я дремал, а
вы так тихо стучали, / Так слабо стучали, стучали в дверь
моей комнаты, /
Что я едва ли был уверен, что слышу вас" – тут (подразум.:
при этих словах;
говоря это; в этот момент) я широко распахнул дверь; / [А]
там тьма и больше
ничего.

В глубину темноты погружаясь (букв.: всматриваясь), долго я
стоял в
удивлении, в страхе, / В сомнении, грезя грезами, которыми
ни один
смертный не отваживался грезить до меня (букв.: раньше); /
Но безмолвие было
невозмутимо, и тишина не давала знака, / И единственным
произнесенным
там словом было сказанное шепотом (букв.: нашептанное)
слово "Линор?" /
Это [слово] прошептал я, а эхо пробормотало в ответ слово
"Линор!" / Только
это и больше ничего.

Возвратившись в комнату, [причем] вся душа во мне пылала
(горела), /
Вскоре я снова услышал постукивание, несколько более
громкое, чем прежде.
/ "Несомненно, – сказал я, – несомненно, это нечто у моей
оконной решетки;
/ Дайте-ка я посмотрю, раз так (в таком случае), что это там, и
расследую эту
тайну – / Пусть мое сердце успокоится [хотя бы] на
мгновение, и [я]
расследую эту тайну; / Это ветер и больше ничего!"

Тут я распахнул ставень, и [как только я сделал это], со
многими
взмахами и трепыханиями [крыльев] / [В комнату] вступил
величавый
(исполненный достоинства) Ворон священных дней
древности; / Он не сделал ни
малейшего поклона (подразум.: не выказал никакого
почтения), ни на миг не
остановился и не задержался; / Но с видом лорда или леди
взгромоздился
над дверью моей комнаты – / Взгромоздился на бюст Паллады

прямо над
дверью моей комнаты – / Взгромоздился и уселся (сел), и
больше ничего.

Потом, в то время как эта эбеновая (подразум.: черная) птица
претворяла
[плутовством] мое печальное настроение в улыбку /
Серьезной и суровой
благопристойностью своего вида (букв.: выражения лица,
которое она носила), / Я
сказал: "Хотя твой хохолок острижен и выбрит, ты, конечно,
не трус, /
Страшно мрачный и древний Ворон, приблудившийся с
ночного берега, / Скажи
мне, каким благородным именем ты зовешься (букв.: каково
твое
благородное имя) на Плутоновом берегу Ночи!" / Ворон
изрек: "Больше никогда".

Я был очень удивлен слышать столь явственно речь этой
несуразной
птицы, / Хотя в ее ответе было мало смысла и был он
(подразум.: ответ)
малоуместен; / Ибо мы не можем не признать, что ни один
живущий (букв.: ни одно
живое человеческое существо) / Еще никогда [доселе] не был
осчастливлен
созерцанием птицы [сидящей] над дверью его комнаты – /
Птицы или твари
[сидящей] на изящном бюсте над дверью его комнаты – / С
таким именем,
как "Больше никогда".

Но Ворон, одиноко сидящий на невозмутимом бюсте,
произнес лишь /
Одно это слово, как если бы излил он свою душу этим словом.
/ И
ничего больше не произнес он – и ни единым пером не
пошевелил, / Пока я не
пробормотал (букв.: едва ли больше, чем пробормотал):
"Другие друзья уже
исчезли (букв.: улетели) прежде – / Завтра он покинет меня,
как улетели мои
Надежды прежде". / Тут птица сказала: "Больше никогда".

Вздвогнув оттого, что тишина была нарушена ответом,
произнесенным
столь кстати, / Я сказал: "Несомненно, то, что он произносит –
это его
единственный ресурс и запас (подразум.: это все, что он
знает), /
Позаимствованный у какого-нибудь несчастного владельца

[Ворона], за которым
немилосердная Беда / Гналась все быстрее и быстрее, пока в
его песнях не остался
один припев – / Пока в погребальных песнях его Надежды не
остался этот
мрачный припев / "Никогда – больше никогда".

Но Ворон все еще продолжал претворять мое печальное
настроение в
улыбку; / [И] я выкатил мягкое кресло [поставив его] прямо
перед птицей,
бюстом и дверью; / Затем, опустившись на бархат [кресла], я
погрузился
в сплетение / Одной фантазии с другой, размышляя, что
(подразум.: какой
смысл) эта зловещая птица незапамятных времен – / Что
(подразум.: какой
смысл) эта мрачная, несуразная, ужасная, безобразная и
зловещая птица
незапамятных времен / Вкладывала в карканье "Больше
никогда".

Я сидел, поглощенный разгадыванием этого [слова], ни
единым звуком
не выдавая (букв.: не выражая) [размышлений] / Птице, чей
огненный взор
(букв.: чьи огненные глаза) прожигал теперь самую
сердцевину моей души;
/ Я сидел, провидя это и иное, удобно откинув голову / На
бархатную обивку
подушки, освещаемую сверху светильником (букв.: на
которой
торжествовал свет лампы), / Но к бархатно-фиолетовой
обивке, освещаемой сверху
светильником (букв.: на которой торжествовал свет лампы), /
Она [уже] не
прижмется, ах, больше никогда!

Затем мне показалось, что воздух сгустился, сделался
благовонным от
незримого кадила, / Которое раскачивали серафимы, чьи шаги
звенели на
мягком (букв.: ворсистом) полу. / "Несчастный! – воскликнул
я, – твой Бог
дал тебе – через этих ангелов послал тебе / Отсрочку –
отсрочку и непентес
от твоих воспоминаний по Линор; / Испей, о испей сей
добрый непентес и
позабудь свою утраченную Линор!" / Ворон изрек: "Больше
никогда".

"Прорицатель, – сказал я, – порождение зла, – [но] все же

прорицатель,
птица [ты] ль или демон! / Искуситель ли послал тебя, буря ли
забросила на
этот берег (букв.: сюда на берег), / Одинокого (несчастливого),
но все еще
неустрашимого, на эту пустынную заколдованную землю – / В
этот дом, объятый
Ужасом, – скажи мне честно, я умоляю – / Есть ли – есть ли
бальзам в Галаа-
де? – скажи мне, скажи мне, я умоляю!" / Ворон изрек:
"Больше никогда".

"Прорицатель, – сказал я, – порождение зла, – [но] все же
прорицатель,
птица [ты] ль или демон! / Во имя Небес, которые простерлись
над нами, во
имя Бога, которому мы оба поклоняемся – / Скажи этой
(подразум.: моей)
душе, обремененной скорбью, – в далеком Эдеме / Обнимет
ли она
святую деву, которую ангелы зовут Линор, / Обнимет ли
необыкновенную и
лучезарную деву, которую ангелы зовут Линор" [?] / Ворон
изрек: "Больше
никогда".

"Быть этому слову знаком нашего расставания, птица или
изверг! –
вскричал я, вскакивая, – / Возвращайся в бурю и на Плутонов
берег Ночи! (туда,
где буря и где Плутонов берег Ночи!) / Не оставляй ни
единого черного пера,
как знака той лжи, что засвидетельствовала твоя душа! / Не
нарушай моего
одинокчества! (букв.: Оставь мое одиночество ненарушимым!)
– покинь бюст
над моей дверью! / Вынь свой клюв из моего сердца, и
убирайся прочь от
моей двери!" / Ворон изрек: "Больше никогда".

И [вот] Ворон, более не летая, все еще (до сих пор) сидит, все
еще (до сих
пор) сидит / На (мертвенно-) бледном бюсте Паллады прямо
над дверью моей
комнаты; / Его глаза очень похожи на глаза демона, который
грезит (видит
сны), / Свет лампы, струящийся над ним, отбрасывает его тень
на пол; /
И моя душа из этой тени, что лежит колеблясь на полу, / Не
поднимется –
больше никогда!

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ (1878-1887)

Перевод Сергея Андреевского (1878)³

ВОРОН Поэма Эдгара Поэ

А(нато)лию Ф(едорови)чу Кони⁴.

Когда в угрюмый час ночной,
Однажды, бледный и больной,
Над грудой книг работал я,
Ко мне, в минуту забытья,
Невнятный стук дошел извне,
Как будто кто стучал ко мне,
Тихонько в дверь мою стучал –
И я, взволнованный, сказал:
"Должно быть так, наверно, так –
То поздний путник в этот мрак
Стучится в дверь, стучит ко мне
И робко просится извне
В уют жилища моего:
То гость – и больше ничего".

То было в хмуром декабре.
Стояла стужа на дворе,
В камине уголь догорал
И, потухая, обливал
Багряным светом потолок,
И я читал... но я не мог
Увлечься мудростью страниц...
В тени опущенных ресниц
Носился образ предо мной
Подруги светлой, неземной,
Чей дух среди ангельских имен
Ленорой в небе наречен,
Но здесь, исчезнув без следа,
Утратил имя – навсегда!

А шорох шелковых завес

³ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847-1918) - поэт, критик, юрист, автор первого перевода "Ворона" на русский язык.

Опубликовано: Андреевский С. Ворон. Поэма Эдгара Поэ. А(нато)лию Ф(едорови)чу Кони. [Посвящение] // Вестник Европы. 1878. № 3. С. 121-127.

Подпись: С. Андреевский.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

⁴ Анатолий Федорович Кони (1844-1927) - юрист, литератор, общественный деятель.

Меня ласкал – и в мир чудес
Я, будто сонный, улетал,
И страх, мне чуждый, проникал
В мою встревоженную грудь.
Тогда, желая чем-нибудь
Биенье сердца укротить,
Я стал рассеянно твердить:
"То поздний гость стучит ко мне
И робко просится извне,
В приют жилища моего:
То гость – и больше ничего".

От звука собственных речей
Я ощутил себя храбрей
И внятно, громко произнес:
"Кого бы случай ни принес,
Кто вы, скажите, я молю,
Прозящий входа в дверь мою?
Простите мне: ваш легкий стук
Имел такой неясный звук,
Что, я клянусь, казалось мне,
Я услышал его во сне".
Тогда, собрав остаток сил,
Я настежь дверь свою открыл:
Вокруг жилища моего
Был мрак – и больше ничего.

Застыв на месте, я впотьмах
Изведал снова тот же страх,
И средь полночной тишины
Передо мной витали сны,
Каких в обители земной
Не знал никто – никто живой!
Но все по-прежнему кругом
Молчало в сумраке ночном,
Лишь звук один я услышал:
"Ленора!" – кто-то прошептал...
Увы! я сам то имя звал,
И эхо нелюдимых скал
В ответ шепнуло мне его,
Тот звук – и больше ничего.

Я снова в комнату вошел,
И снова стук ко мне дошел
Сильней и резче, – и опять
Я стал тревожно повторять:
"Я убежден, уверен в том,
Что кто-то скрылся за окном.
Я должен выведать секрет,
Дознаться, прав я или нет?
Пускай лишь сердце отдохнет, –
Оно, наверное, найдет

Разгадку страха моего:
То вихрь – и больше ничего".

С тревогой штору поднял я –
И, звучно крыльями шумя,
Огромный ворон пролетел
Спокойно, медленно – и сел
Без церемоний, без затей,
Над дверью комнаты моей.
На бюст Паллады взгромоздясь,
На нем удобно поместясь,
Серьезен, холоден, угрюм,
Как будто полон важных дум,
Как будто прислан от кого, –
Он сел – и больше ничего.

И этот гость угрюмый мой
Своею строгостью немой
Улыбку вызвал у меня.
"Старинный ворон! – молвил я, –
Хоть ты без шлема и щита,
Но видно кровь твоя чиста,
Страны полуночной гонец!
Скажи мне, храбрый молодец,
Как звать тебя? Поведай мне
Свой титул в доблестной стране,
Тебя направившей сюда?"
Он каркнул: "Больше-никогда!"

Я был не мало изумлен,
Что на вопрос ответил он.
Конечно, вздорный этот крик
Мне в раны сердца не проник,
Но кто же видел из людей
Над дверью комнаты своей,
На белом бюсте, в вышине,
И на яву, а не во сне,
Такую птицу пред собой,
Чтоб речью внятной людской
Сказала имя без труда,
Назвавшись: Больше-никогда?!

Но ворон был угрюм и нем.
Он удовольствовался тем,
Что слово страшное сказал, –
Как будто в нем он исчерпал
Всю глубь души – и сверх того
Не мог добавить ничего.
Он все недвижимым пребывал,
И я рассеянно шептал:
"Мои надежды и друзья
Давно покинули меня..."

Пройдут часы, исчезнет ночь –
Уйдет и он за нею прочь,
Увы, и он уйдет туда!..."
Он каркнул: "Больше никогда!"

Такой осмысленный ответ
Меня смутил. "Сомнения нет, –
Подумал я, – печали стон
Им был случайно заучен.
Ему внушил припев один
Его покойный господин.
То был несчастный человек,
Гонимый горем целый век,
Привыкший плакать и грустить,
И ворон стал за ним твердить
Слова любимые его,
Когда из сердца своего
К мечтам, погибшим без следа,
Взывал он: "Больше никогда!"

Но ворон вновь меня развлек,
И тотчас кресло я привлек
Поближе к бюсту и к дверям
Напротив ворона – и там,
В подушках бархатных своих,
Я приютился и затих,
Стараясь сердцем разгадать,
Стремясь добиться и узнать,
О чем тот ворон думать мог,
Худой, уродливый пророк,
Печальный ворон древних дней,
И что таил в душе своей,
И что сказать хотел, когда
Он каркал: "Больше никогда?"

И я прервал беседу с ним,
Отдавшись помыслам своим,
А он пронизывал меня
Глазами, полными огня –
И я над тайной роковой
Тем глубже мучился душой,
Склонившись на руку челом...
А лампа трепетным лучом
Ласкала бархат голубой,
Где след головки неземной
Еще, казалось, не остыл,
Головки той, что я любил,
И что кудрей своих сюда
Не склонит больше никогда!...

И в этот миг казалось мне,
Как будто в сонной тишине

Курился ладан из кадил,
И будто рой небесных сил
Носился в комнате без слов,
И будто вдоль моих ковров
Святой, невидимой толпы
Скользили легкие стопы...
И я с надеждою вскричал:
"Господь! Ты ангелов прислал
Меня забвеньем упоить...
О! дай Ленору мне забыть!"
Но мрачный ворон, как всегда,
Мне каркнул: "Больше никогда!"

"О, дух иль тварь, предвестник бед,
Печальный ворон древних лет! –
Воскликнул я. – Будь образ твой
Извергнут бурей ночной
Иль послан дьяволом самим,
Я вижу – ты неустрашим:
Поведай мне, молю тебя:
Дает ли жалкая земля,
Страна скорбей – дает ли нам
Она забвения бальзам?
Дождусь ли я спокойных дней,
Когда над горестью моей
Промчатся многие года?"
Он каркнул: "Больше никогда!"

И я сказал: "О, ворон злой,
Предвестник бед, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи во имя божества,
Перед которым оба мы
Склоняем гордые главы,
Поведай горестной душе,
Скажи, дано ли будет мне
Прижать к груди, обнять в раю
Ленору светлую мою?
Увижу ль я в гробу немом
Ее на небе голубом?
Ее увижу ль я тогда?"
Он каркнул: "Больше никогда!"

И я вскричал, рассвирепев:
"Пускай же дикий твой припев
Разлуку нашу возвестит,
И пусть твой образ улетит
В страну, где призраки живут
И бури вечные режут!
Покинь мой бюст и сгинь скорей
За дверь комнаты моей!
Вернись опять ко тьме ночной!"

Не смей пушинки ни одной
С печальных крыльев уронить,
Чтоб мог я ложь твою забыть!
Исчезни, ворон, без следа!..."
Он каркнул: "Больше никогда!"

Итак, храня угрюмый вид,
Тот ворон все еще сидит,
Еще сидит передо мной,
Как демон злобный и немой;
А лампа яркая, как день,
Вверху блестит, бросая тень-
Той птицы тень – вокруг меня,
И в этой тьме душа моя
Скорбит, подавлена тоской,
И в сумрак тени роковой
Любви и счастья звезда
Не глянет – больше никогда!!

Перевод Лиодора Пальмина(1878)⁵

ВОРОН (Из Эдгара Поэ)

Раз в унылую полночь, в молчаньи немом
Над истлевшим старинного тома листком
Задремав, я поник головою усталой...
Слышу в дверь мою легкий и сдержанный стук:
Верно, в комнату просится гость запоздалый...
Нет, все тихо и немо вокруг.

Тьмою вечер декабрьский в окошко зиял,
От углей потухавших свет бледный дрожал,
Тщетно в книге искал я забвенья печали
О моей незабвенной, утраченной мной,
Что архангелы в небе Ленорой назвали,
Что давно позабыта землей...

Каждый шорох чуть слышный в ночной тишине
Фантастическим страхом, неведомым мне,
Леденил мою кровь, и, чтоб сердца биенье
Успокоить, сказал я: "То в дверь мою стук
Запоздалого гостя, что ждет приглашенья..."
Но – все тихо и немо вокруг...

⁵ Лиодор (Илиодор) Иванович Пальмин (1841-1891) - поэт и переводчик.
Опубликовано: Пальмин Л.И. Ворон. (Из Эдгара Поэ) // Сны на-яву. Собрание стихотворений Л.И. Пальмина / Изд. В.М. Лаврова и В.Л. Федотова. М., 1878. С. 522-526.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

В этот миг, ободрившись, сказал я смелей:
"Кто там: гость или гостя за дверью моей?
Я заснул и не слышал, прошу извиненья,
Как стучали вы в дверь, слишком тих был ваш стук,
Слишком тих..." Отпер двери я в это мгновенье –
Только тьма и молчанье вокруг.

Долго взоры вперял я во мраке густом,
Полный страхом, сомненьем, и грезил о том,
Что незримо и страшно для смертного взора,
Но в молчаньи один только слышался звук –
Только вторило эхо мой шепот: "Ленора!"
И безмолвно все было вокруг.

Весь волненьем тревожным невольно объят,
Только в комнату я возвратился назад,
Слышу, стук повторился с удвоенной силой.
Что бояться? не лучше ль исследовать звук?
Это в раму стучит, верно, ветер унылый...
Все спокойно и тихо вокруг.

Я окно отворил; вот, среди тишины,
Статный ворон, свидетель святой старины,
С трепетанием крыльев ворвался и гордо
Прямо к бюсту Паллады направился вдруг
И, усевшись на нем с видом знатного лорда,
Осмотрелся безмолвно вокруг.

Гордой поступью, важностью строгих очей
Рассмешил меня ворон и в грусти моей.
"Старый ворон! уже без хохла ты... однако,
Путник ночи, тебя не смирили года...
Как зовут тебя в царстве Плутонова мрака?
Ворон громко вскричал: "Никогда".

С изумленьем услышал я птицы ответ,
Хоть ума в нем и не было сильных примет,
Но ведь все согласятся с моими словами,
Что за дивное диво сочтешь без труда,
Если птицу на бюсте найдешь над дверями,
С странной кличкой такой: "Никогда"...

Но не вымолвил ворон ни слова потом,
Весь свой ум будто вылив в том слове одном.
Неподвижен он был, и промолвил в тиши я:
Завтра утром ты бросишь меня без следа,
Как другие друзья, как надежды былые!...
Ворон снова вскричал: "Никогда".

Как ответ мне, тот крик прозвучал в тишине;
Это все, что он знает, подумалось мне, –

Верно, перенял он у гонимого силой
Злой судьбы, чьих надежд закатилась звезда,
Панихиду по грезам – припев тот унылый:
"Никогда, никогда, никогда!"

Вопреки неотвязчивым думам моим,
Все смешил меня ворон; усевшись пред ним
В бархат мягкого кресла, я впал в размышление:
Ворон, вещий когда-то в былые года,
Ворон вещий и мрачный, какое значенье
Скрыто в крике твоём: "Никогда"?

Так безмолвно я в думам моих утопал,
Птицы огненный взгляд в сердце мне проникал,
В мягком кресле прилеж я спокойно и ловко,
А на бархат свет лампы чуть падал, о да!
Этот бархат лиловый своею головкой
Не нажмет уж она никогда!

Вдруг отраднo мне стало, как будто святым
Фимиамом незримый пахнул серафим...
О несчастный! я молвил, то мне провиденье
Шлет отраду в приют одинокий сюда!
О Леноре утраченной даст мне забвенье!...
Ворон снова вскричал: "Никогда!"

О пророк, злой вещун, птица ль, демон ли ты,
Ада ль мрачный посол, иль во мгле темноты
Пригнан бурей ты с берега грозного моря,
О, скажи, дальний гость, залетевший сюда:
Отыщу ль я бальзам от сердечного горя?
И вещун прокричал: "Никогда!"

Птица ль, демон ли ты, все ж пророк, вестник злой,
Молви мне: в царстве Бога, что чтим мы с тобой,
В отдаленном раю, сбросив бремя печали,
Не сольюсь ли я с милой, воспрянув туда,
С чудной девой, что в небе Ленорой назвали?
Птица вскрикнула вновь: "Никогда!"

Птица ль, демон ли ада – воскликнул я – прочь!
Возвратись же опять в мрак и в бурную ночь!...
Не оставь здесь пера в память лжи безотрадной,
Одинокий приют мой покинь навсегда,
Вынь из сердца разбитого клюв кровожадный!
Ворон крикнул опять: "Никогда!"

И над дверью моей неподвижно с тех пор
Блещет ворона черного демонский взор,
В бледных лампы лучах силуэт его темный
Предо мной на полу распростерт навсегда,
И из круга той тени дрожащей огромной

Не воспрянет мой дух никогда!

Перевод Леонида Оболенского (1879)⁶

ВОРОН Поэма Эдгара Поэ

В угрюмый, мрачный ночи час
Сидел я, не смыкая глаз,
Над грудой книг, один, больной,
С моей гнетущею тоской...
И вдруг неясный слышу звук,
Как будто в дверь раздался стук!
И сердце замерло во мне:
О чем? Кого мне ждать извне?
Ее уж нет! кому прийти?!
То путник, сбившийся с пути,
Набрел на запоздалый свет...
Кого мне ждать? возврата нет!

Зимой то было: за стеной
Метели раздавался вой,
Светил камина огонек
На мой уютный уголок,
Мерцанье красное кругом
Он разливал под потолком;
Но ни тепло, ни кучи книг
Любимых, умных, но сухих
Моей тоски не облегчат.
Ленора! где твой кроткий взгляд?
Зачем очей небесных свет
Угас? Зачем возврата нет!?

Но отчего ж стеснилась грудь?
Зачем не в силах я вздохнуть?
И шорох шелковых завес
Меня уносит в мир чудес?
Кого я жду? Зачем испуг?
О чем забилося сердце вдруг?...
Я стал рассеянно шептать,
Чтоб сердце бедное унять:
"Кого мне ждать? Кому прийти?
То путник, сбившийся с пути,
Забрел на запоздалый свет:

⁶ Леонид Егорович Оболенский (1845-1906) - поэт, прозаик, критик, философ, издатель, переводчик.
Опубликовано: [Оболенский Л.] Ворон. Поэма Эдгара Поэ // Свет [новый формат]. 1879. № 11. С. 257-262.
Подпись: Л.О.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Кого мне ждать? – Возврата нет!"

И звуки тех бессвязных слов
Мне бодрость возвратили вновь.
Я, с дрожью в голосе, сказал:
"Кто там? кто в дверь мою стучал?
Простите, если долго вас
Я ждать заставил в поздний час:
Так легок был ваш тихий стук,
Что этот смутный, слабый звук
Казался мне каким-то сном
Иль грезой в сумраке ночном".
Я встал и двери отворил,
Но мрак кругом один царил,
И буря выла мне в ответ,
А я шептал: "Возврата нет!"

И снова страх объял меня:
Вдали ни звука, ни огня...
И снова смутною толпой
Восстал в душе видений рой:
Погибших счастья минут,
Которых люди не поймут.
Но вдруг среди чудных, сладких грез
"Ленора!" где-то раздалось.
Я задрожал, но понял вдруг,
Что это сам сказал я вслух,
Что эхо принесло ответ
Средь тьмы ночной... Возврата нет!

Опять присел к камину я,
Но вновь стеснилась грудь моя:
Я слышал ясно, что теперь
Стучат сильнее, но не в дверь,
Стучат в закрытое окно,
Звенело жалобно оно.
Шептал тревожно я опять:
"Кто б это мог в окно стучать?
Есть непременно кто-то там!
Кому ж стучаться по ночам?
Не страх ли это? Отдохну,
Тогда загадку я пойму,
Быть может, это только бред,
Иль ветра вой... Возврата нет!"

Я поднял штору у окна,
И вот ко мне, как ночь темна,
Большая птица ворвалась
И тихо в комнате взвилась.
То черный, мрачный ворон был,
Как будто полный адских сил
(Так был угрюм он и суров).

Он сделал несколько кругов,
На бюст Паллады тихо сел
И злобно, холодно глядел.
То молчаливый был сосед:
Сидит, глядит... Возврата нет!

Сдержать улыбки я не мог,
Так был он важен, мрачно строг.
С ним начал я болтать, шутя:
"Скажи, откуда ты, летя,
Меня сегодня посетил?
В какой стране ты прежде жил?
Хоть без щита ты и без лат,
Но говорит мне важный взгляд,
Что древен твой высокий род,
Какой же титул он дает?
И как зовут тебя?" В ответ
Он каркнул мне: "Возврата нет!"

Был удивлен, конечно, я,
Что птица говорит моя,
Хотя ответ на мой вопрос
Мне утешенья не принес:
В нем смысла не было, но все ж
По телу пробежала дрожь,
Так странно было над собой
На бюсте видеть в час ночной
Ту птицу черную и знать,
Что птица может смело дать
На языке людей ответ,
Что имя ей: "Возврата нет".

А ворон был, как ночь, угрюм,
Как будто полный мрачных дум,
И так торжественно молчал,
Как будто слов, что он сказал,
Довольно было для того,
Чтоб душу выразить его.
А я опять шептал в тоске:
"Да, все исчезло вдалеке,
Ушли надежды и друзья,
И одинок, покинут я,
И ворон улетит чуть свет..."
И каркнул он: "Возврата нет!"

Я был теперь опять смущен:
Ответил так разумно он,
Как будто понял мысль мою?!.
Все вздор! фантазии даю
Я много воли! Этот крик
Был заучен им; он привык
К нему когда-то; может быть,

Ему пришлось с страдальцем жить,
Который этот тяжкий стон
Твердил, печально удручен,
Твердил, под гнетом дум и бед,
Лишь слова два: возврата нет!

Но все ж он развлекал меня,
И, подложив в камин огня,
Я в кресле бархатном своем
К нему подвинулся. Вдвоем
Мы так сидели. Я смотрел
Ему в глаза и все хотел
Узнать по виду, по глазам,
Каким он предался мечтам,
О чем он важно думать мог,
О чем он каркал, как пророк,
Имел ли смысл его ответ
И мрачный крик: возврата нет?

Но он по-прежнему молчал
И взором огненным сверкал,
Как будто пронизать насквозь
Меня хотел им, и лилось
Сиянье лампы на ковер,
На бархат кресла, где мой взор
Блуждал, с мечтами о былом...
С тоскою вновь в уме моем,
Я видел ясно пред собой,
На спинке кресла голубой,
Головки нежной милый след
И кудри... О, возврата нет!

И мне казалось, что кругом
В тревожном воздухе ночном
Пронесся нежный фимиам:
Я тихий шелест слышал там –
Вдоль стен и радужных ковров,
Я слышал мягкий шум шагов,
Мне мнилось, ангелы сошли
В жилище бренное земли...
Я вскрикнул: "Господи, ко мне
Не ты ль в полночной тишине
Прислал тут рой небесных сил,
Чтоб он покой мне возвратил,
Забыть заставил..." Но в ответ
Я слышу крик: "Возврата нет!"

То каркнул ворон, и ему
Я закричал: "О, кто б сквозь тьму,
Тебя, предвестник бед и слез,
Ко мне в жилище не занес,
Хоть демон сам, поведай мне

Могу ли снова в тишине
Когда-нибудь забыться я?
Дает ли скорбная земля
Забвенье нам когда-нибудь?
Когда покинет эту грудь
Безумной муки тяжкий след?"

И каркнул он: "Возврата нет!"
Я стал молить тогда его:
"Во имя Бога самого,
Во имя истины святой
Поведай мне, мучитель мой,
Когда принять захочет Бог
Меня в небесный свой чертог,
Увижу ль там Ленору я?
Прильнет ли милая моя
Хоть там опять к груди моей?
Увижу ль я ее очей
Былой, лазурный, кроткий свет?..."
И каркнул он: "Возврата нет!"

И, в исступленье, крикнул я:
"Будь трижды проклят: речь твоя
Разлуку вечную сулит!
Невыносим мне мрачный вид
И твой коварный, злой язык!
Ступай отсюда прочь! Пусть крик
Звучит твой там, в ночной стране,
Где мчатся тени лишь одне,
Где бури вечные ревут...
Не оставляй снежинки тут
Ты с крыльев траурных своих,
Чтоб мог забыть я снова их,
Забуть твой лживый, злой ответ!..."
А ворон вновь: "Возврата нет!"

И все сидит, не улетел,
Сидит, как прежде, злобен, смел,
Как демон мрачен, горд и нем,
Он жить остался здесь совсем.
От лампы тень его кругом
Лежит на мне, лежит на всем,
Что вокруг меня, и в той тени,
В той тьме – страданья лишь одни!...
Сдавило сердце у меня...
В душе померкшей нет огня,
И не проникнет счастья свет
Сквозь тень и тьму... возврата нет!

Перевод Ивана Кондратьева (1880)⁷

ВОРОН Из Эдгара Поэ

В глухую полночь, в тишине,
При бледно-трепетном огне,
Над старой книгой, обветшалою,
Поник я головой усталой...
За дверью стук раздался вдруг:
То, видно, путник запоздалый...
Но – тихо было все вокруг.

Стоял декабрь. Уже давно
Зияла ночь в мое окно.
Искал я тщетно в книжной пыли
Забвенья. Думы мои были
О той, кого я так любил,
Кого уж нет, кого забыли,
Но я, увы, не позабыл!

Чуть слышный шорох в тишине
В тот странный миг казался мне
Идущей тенью привиденья.
Чтоб сердца удержать биенье,
Я говорил: "То, верно, друг,
За дверью ждущий приглашенья..."
Но – тихо было все вокруг.

Я ободрился и сказал:
"Кто там? Я стука не слышал,
Прошу простить – вздремнул немного.
Кто б ни был ты – под кров убогий
Войди, приветствуй мой досуг.
Вот дверь. Стою я у порога..."
Но – тихо было все вокруг.

И долго я глядел во тьму,
Со страхом думая: кому
Не страшен мрак – могила взора,
Сопутник горя и позора!
К чему ж мой трепетный испуг?
Не ты ль пришла, Элеонора?
Но – тихо было все вокруг.

⁷ Иван Кузьмич (наст. отчество - Казимирович) Кондратьев (1849-1904) - поэт, прозаик, драматург, переводчик.

Опубликовано: Кондратьев И. Ворон. Из Эдгара Поэ // Мирской толк. 1880. № 12. С.136-137.

Подпись: И. Кондратьев.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Волненьем тягостным объят,
Пришел я в комнату назад.
Стук повторился с новой силой,
Нет, то не призрак девы милой,
Святой, душевный мой недуг, –
То в раму ветер бьет унылый...
Но – тихо было все вокруг.

Окно я быстро распахнул.
Вдруг ворон крыльями взмахнул,
Влетел – и, кинув гордо взгляды
Вокруг, он сел на бюст Паллады
Среди глубокой тишины.
Напрасно! Здесь тебе не рады,
Пернатый вестник старины!

"Зачем ты в хижину мою
Ворвался вдруг? Но я даю
Тебе приют, ночной гуляка...
А стар ты, ворон, стар! Однако,
В тебе бессилья нет следа.
Как звать тебя, пришлец из мрака?"
Он глухо каркнул: "Никогда!"

Не странно ль! ворон дал ответ!
Что за неведомый привет?
Вот былей новая страница:
Мне былью стала небылица.
Но все ж, не диво ли, когда
Сидит в углу, на бюсте, птица
С мудреной кличкой "Никогда!"

Он, сидя, неподвижен был,
И тихо я проговорил:
"Ты не поймешь моей печали!
Исчезнув завтра в синей дали,
Меня ты бросишь навсегда,
Как в жизни все меня бросали!"
Он глухо каркнул: "Никогда!"

И прозвучал ответом мне
Тот крик в угрюмой тишине.
Должно быть, у того, кто силой
Гоним был, без надежд, без милой,
Чья закатилась звезда, –
Подслушал он припев унылый,
Припев холодный: "Никогда!"

Я сел пред вороном. Хотя
Я слушал крик его шутя,
Но впал невольно в размышленье:

«Вещун, вселявший страх, сомненье
В мой ум, в минувшие года,
Какое вещее значенье
Таится в слове "Никогда"?

Не смерть ли? Да? О, может быть,
Ей здесь не время было жить!
С душой и сердцем робкой лани,
Она чуждалась нашей брани.
Была ей страсть людей чужда...
О, не нажать ей этой ткани
Своей головкой никогда!»

И стало мне отрадно вдруг:
Как будто горний дух вокруг
Разлил и жизнь, и наслажденье.
И я сказал: "То провиденье
Мне шлет чрез ворона сюда
О ней, утраченной, забвенье..."
Он глухо каркнул: "Никогда!"

"Посол ли ты, пророк ли ты,
Иль демон злой из темноты,
Иль, с бурей бешеною споря,
Ты пригнан ею, пригнан с моря,
Как гонит нас, людей, нужда!
Скажи: уйду ли я от горя?"
Он глухо каркнул: "Никогда!"

"О, вестник, посланный судьбой!
Мы царство Бога чтим с тобой, –
Скажи, – в раю, под негой вечной,
Где светоч жизни бесконечной,
Когда и я приду туда, –
Сольюсь ли там с своей сердечной?"
Он глухо каркнул: "Никогда!"

"О, злой вещун! поди ты прочь!
Уйди опять в глухую ночь,
Под этот свод небес громадный!
На что мне крик твой безотрадный!
Покинь приют мой навсегда,
Из сердца вынув клюв свой жадный!"
Он снова каркнул: "Никогда!"

И на стене моей с тех пор
Его ужасный блещет взор,
И силуэт зловещий, темный,
В лучах моей лампы скромной,
Стал черной тенью навсегда,
И, вот, из тени той огромной
Мой дух не встанет никогда!...

Прозаический перевод неизвестного переводчика (1885)⁸

Эдгар По ВОРОН

Раз, когда я в глухую полночь, бледный и утомленный, размышлял над грудой драгоценных, хотя уже позабытых ученых фолиантов, когда я в полусне ломал над ними себе голову, вдруг послышался легкий стук, как будто кто-то тихонько стукнул в дверь моей комнаты. "Это какой-нибудь прохожий, – пробормотал я про себя, – стучит ко мне в комнату, – прохожий, и больше ничего".

Ах⁹, я отлично помню. На дворе стоял тогда студеный декабрь. Догоравший в камине уголь обливал пол светом, в котором видна была его агония. Я страстно ожидал наступления утра; напрасно силился я утопить в своих книгах печаль по моей безвозвратно погибшей Леноре, по драгоценной и лучезарной Леноре, имя которой известно ангелам и которую здесь не назовут больше никогда.

И шорох шелковых пурпуровых завес, полный печали и грез, сильно тревожил меня, наполнял душу мою чудовищными, неведомыми мне доселе страхами, так что в конце концов, чтобы замедлить биение своего сердца, я встал и принялся повторять себе: "Это какой-нибудь прохожий, который хочет войти ко мне; это какой-нибудь запоздалый прохожий стучит в дверь моей комнаты; это он, и больше ничего".

Моя душа тогда почувствовала себя бодрее, и я, ни минуты не колеблясь, сказал: "Кто бы там ни был, умоляю вас, простите меня ради Бога; дело, видите, в том, что я вздремнул немножко, а вы так тихо постучались, так тихо подошли к двери моей комнаты, что я едва-едва вас расслышал". И тогда я раскрыл дверь настежь – был мрак и больше ничего.

Всматриваясь в этот мрак, я долгое время стоял, изумленный, полный страха и сомнения, грезя такими грезами, какими не дерзал ни один смертный, но молчанье не было прервано и тишина не была нарушена ничем. Было прошептано одно только слово "Ленора", и это слово произнес я. Эхо повторило его, повторило, и больше ничего.

Вернувшись к себе в комнату, я чувствовал, что душа моя горела как в огне, и я снова услышал стук – стук сильнее прежнего. "Наверное, – сказал я, – что-нибудь кроется за ставнями моего окна; посмотрю-ка, в чем там дело, разумею секрет и дам передохнуть немножко своему сердцу. Это – ветер, и больше ничего".

Тогда я толкнул ставни, и в окно, громко хлопая крыльями, влетел величественный ворон, птица священных дней древности. Он не выказал ни малейшего уважения; он не остановился, не запнулся ни на минуту, но с миною лорда и леди взгромоздился над дверью моей комнаты, взгромоздился на бюст Паллады над дверью моей комнаты – взгромоздился, уселся и... больше ничего.

Тогда эта черная, как эбен, птица важностью своей поступи и строгостью своей

⁸ Единственный русский перевод "Ворона" прозой неизвестного автора.

Опубликовано: [Аноним]. Ворон. [Перевод прозой] // По Э. Повести, рассказы, критические этюды и мысли. [На обложке: Очерки, рассказы и мысли] / Изд. В.Н. Маракуева. М., 1885. С. 95-100.

Без подписи.

По мнению В.А. Либман, автором переводов, вошедших в издание В.Н. Маракуева, мог быть И. Городецкий (см.: Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776-1975. М., 1977. С. 195. № 4444).

Воспроизведено по тексту первой публикации.

⁹ В публикации 1885 г. вторая строфа, начиная со слова "Ах..."; была напечатана без абзаца - вероятнее всего, по недосмотру типографии.

физиономии вызвала в моем печальном воображении улыбку, и я сказал: "Хотя твоя голова и без шлема, и без щита, но ты все-таки не трус, угрюмый, старый ворон, путник с берегов ночи. Поведай, как зовут тебя на берегах плутоновой ночи". Ворон каркнул: "Больше никогда!"

Я был крайне изумлен, что это неуклюжее пернатое создание так легко разумело человеческое слово, хотя ответ его и не имел для меня особенного смысла и ничуть не облегчил моей скорби; но ведь надо же сознаться, что ни одному смертному не было дано видеть птицу над дверью своей комнаты, птицу или зверя над дверью своей комнаты на высеченном бюсте, которым было бы имя Больше никогда!

Но ворон, взгромоздившись на спокойный бюст, произнес только одно это слово, как будто в одно это слово он излил всю свою душу. Он не произнес ничего более, он не пошевельнулся ни единым пером; я сказал тогда себе тихо: "Друзья мои уже далеко улетели от меня; наступит утро, и этот также покинет меня, как мои прежние, уже исчезнувшие, надежды". Тогда птица сказала: "Больше никогда!"

Весь задрожал я, услышав такой ответ, и сказал: «Без сомнения, слова, произносимые птицею, были ее единственным знанием, которому она научилась у своего несчастного хозяина, которого неумолимое горе мучило без отдыха и срока, пока его песни не стали заканчиваться одним и тем же припевом, пока безвозвратно погибшие надежды не приняли меланхолического припева: "Никогда, никогда больше!"»

Но ворон снова вызвал в моей душе улыбку, и я подкатил кресло прямо против птицы, напротив бюста и двери; затем, углубившись в бархатные подушки кресла, я принялся думать на все лады, старался разгадать, что хотела сказать эта вещая птица древних дней, что хотела сказать эта печальная, неуклюжая, злополучная, худая и вещая птица, каркая свое больше никогда!

Я оставался в таком положении, теряясь в мечтах и догадках и не обращаясь ни с единым словом к птице, огненные глаза которой сжигали меня теперь до глубины сердца, я все силился разгадать тайну, а голова моя привольно покоилась на бархатной подушке, которую ласкал свет лампы, – на том фиолетовом бархате, ласкаемом светом лампы, куда она уже не склонит своей головки больше никогда!

Тогда мне показалось, что воздух начал мало-помалу наполняться клубами дыма, выходявшего из кадила, которое раскачивали серафимы, стопы которых скользили по коврам комнаты. "Несчастный! – вскричал я себе, – Бог твой чрез своих ангелов дает тебе забвение, он посылает тебе бальзам забвения, чтобы ты не вспоминал более о своей Леноре! Пей, пей этот целебный бальзам и забудь погибшую безвозвратно Ленору!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Пророк! – сказал я, – злосчастная тварь, птица или дьявол, но все-таки пророк! Будь ты послан самим искусителем, будь ты выкинут, извергнут бурей, но ты – неустрашим: есть ли здесь, на этой пустынной, полной грез земле, в этой обители скорбей, есть ли здесь, – поведай мне всю правду, умоляю тебя, – есть ли здесь бальзам забвенья? Скажи, не скрой, умоляю!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Пророк! – сказал я, – злосчастная тварь, птица или дьявол, но все-таки пророк! Во имя этих небес, распростертых над нами, во имя того божества, которому мы оба поклоняемся, поведай этой горестной душе, дано ли будет ей в далеком Эдеме обнять ту святую, которую ангелы зовут Ленорой, прижать к груди мою милую, лучезарную Ленору?" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Да будут же эти слова сигналом к нашей разлуке, птица или дьявол! – вскричал я, приподнявшись с кресла. – Иди снова на бурю, вернись к берегу плутоновой ночи, не оставляй здесь ни единого черного перышка, которое могло бы напомнить о лжи, вышедшей из твоей души! Оставь мой приют неоскверненным! Покинь этот бюст над дверью моей комнаты. Вырви свой клюв из моего сердца и унеси свой призрачный образ подальше от моей двери!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

И ворон, неподвижный, все еще сидит на бледном бюсте Паллады, как раз над дверью

моей комнаты, и глаза его смотрят, словно глаза мечтающего дьявола; и свет лампы, падающий на него, бросает на пол его тень; и душа моя из круга этой тени, колеблющейся по полу, не выйдет больше никогда!

Перевод Льва Уманца (1887, опубл. 1908)¹⁰

Эдгар Поэ ВОРОН

В поздний час, ночной порою
Я склонился головою
Над старинной книгой, в мраке
Кабинета моего,
И в дремоте безмятежной
Вдруг услышал стук я нежный,
Словно кто стучал небрежно
В дверь жилища моего.
"Гость стучится, – прошептал я, –
В дверь жилища моего, –
Гость – и больше ничего!..."

Был декабрь, – я помню это, –
И камин мой вдоль паркета
Сыпал в сумрак кабинета
Искры блеска своего.
И рассвета ждал я страстно...
Утешения напрасно
Я искал, – то скорбь всевластно,
Скорбь за друга моего...
О Леноре той прекрасной, –
В небе имя ей Ленера
На земле же – ничего.

Мрачный шорох сторы красной
Навевал мне страх ужасный, –
Страх суровый, ужас новый
В сумрак сердца моего.
Трепет сердца подавляя,

¹⁰ Лев Игнатьевич Уманец (р. 1858 или 1859; ум. не ранее конца 1912 года (?)) - поэт, писатель, переводчик. Опубликовано: Уманец Л. Ворон // Необыкновенные рассказы и избранные стихотворения Эдгара Поэ. М.: И.Д. Сытин, 1908. Кн. 8. С. 83-89. [Бесплатное прилож. к журн. "Вокруг света"]. [Под рубрикой "Избранные стихотворения Эдгара Поэ"].

Подпись: Перевод Льва Уманца.

В тексте белого автографа дата: 1887 г. Апр(ель).

Источник - переплетенная тетрадь с беловым автографом стихотворения (переписчик не установлен), датированным 1886 г., вместе с другими переводами Уманца из Э. По, находится в фонде В. Я. Брюсова в Отделе рукописей РГБ (Ф. 386. Карт. 129. Ед. хран. 29). По неизвестным причинам перевод был опубликован лишь 21 год спустя.

Рукописный вариант содержит некоторые отличия от печатного текста. Воспроизведено по тексту первой публикации.

Все стоял я, повторяя:
"Гость стоит там, ожидая,
У жилища моего, –
Поздний гость там, ожидая
У жилища моего, –
Гость – и больше ничего!"

Бодрость в сердце ощущая,
Ни минуты не теряя,
Я вскричал: "Ты гость иль гостья, –
Жду прощенья твоего:
Я дремал так безмятежно,
Ты же там стучал так нежно,
Так тихонько, так небрежно
В дверь жилища моего!..."
И при этом отворил я
Дверь жилища моего...
Мрак – и больше ничего!...

В мрак смотрел я, изумленный...
Долго я стоял смущенный,
Даже в грезах раньше смертный
Не испытывал того!
Тишина была немая,
Без ответа, гробовая.
Слышал имя лишь тогда я, –
Имя друга моего.
Я шептал: Ленораа! эхо
Повторяло звук его, –
Звук – и больше ничего!

Я вернулся в мрак алькова...
Вся душа пылать готова...
Стук раздался громче снова
У жилища моего.
"Не в окно ль стучат рукою?
Тайну я сейчас открою,
Трепет сердца успокою, –
Трепет сердца моего!
Усмиришь же на минуту,
Трепет сердца моего!...
Ветер – больше ничего!"

И в окно влетает с шумом
Громким, мрачным и угрюмым,
Вдруг священный, древний Ворон
В мрак жилища моего.
Птица гордая влетела
Так уверенно и смело,
Словно важный лорд, – и села
В мраке дома моего
На Паллады бюст, над дверью

Кабинета моего...
Села – больше ничего!...

Ворон черный и угрюмый
Разогнал печали думы,
У меня улыбку вызвал
Видом сумрачным тогда,
"Вижу шлем твой почернелый,
В жарких битвах уцелелый!
Мчится ль Ворон древний, смелый,
Из страны Ночей сюда?
Там какое имя носишь,
Где Плутон царит всегда?"
Ворон каркнул: "Никогда!..."

Каркнул ясно и сурово!
Я дивиться начал снова,
Впрочем, смысла в звуке слова
Не нашел я и следа.
Но досель, по крайней мере,
Кто ж видал, чтоб птицы, звери,
Сев на бюст у самой двери,
Произнести могли б тогда...
На скульптурный бюст у двери
Сев, сказать могли б тогда
Это слово: "Никогда"?!

И, сказавши это слово,
Замолчала птица снова,
Словно в этом слове вылив
Душу всю свою тогда, –
Звуков вновь не издавая,
Неподвижная, немая...
И в тоске шептал тогда я:
"Без друзей я навсегда,
Вот и он умчится завтра,
Как надежды, без следа!..."
Ворон каркнул: "Никогда!"

И смущен я был при этом
Тем осмысленным ответом
И сказал я: «Это слово
Заучил он в те года,
Как его хозяин злою
Был преследуем судьбою,
И порою пел с тоскою
Средь невзгоды и труда
Гимн надежде погребальный
В час невзгоды и труда:
"Никогда, о, никогда!..."»

Все же Ворон мой угрюмый

Разогнал печали думы...
Кресло к двери кабинета
Пододвинул я тогда
И, в подушках утопая,¹
От мечты к мечте витая,
Так лежал я, размышляя:
Что хотел сказать тогда
Мрачный, древний, вещий Ворон, –
Что хотел сказать тогда,
Прокричавши: "Никогда!"

Так сидел я, размышляя,
И молчал я, а немая
Птица жгла мне взглядом сердце,
Молчалива и горда.
И сидел я погруженный
В думы с головой, склоненной
В бархат, лампой озаренный,
И мечтал о ней тогда, –
Что головкой полусонной
В бархат кресла вновь сюда
Не склонится никогда.

А вокруг носились волны
Аромата, неги полны,
И незримых серафимов
Слышал я шаги тогда.
"Ворон Божьею рукою
Послан с ангельской толпою!
Ты приносишь весть покоя,
Чтоб забыл я навсегда
О Леноре в миг покоя
Позабыл я навсегда?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Вестник мрачный и кровавый!
Птица ты иль дух лукавый,
Послан Демоном иль бурей
Занесен ты был сюда?
Не смирился ты доньше
В очарованной пустыне,
В доме, преданном кручине!
Раз ответь мне навсегда,
Есть ли т а м бальзам забвенья?
Ты скажи мне навсегда!"
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Ворон мрачный и кровавый!
Птица ты иль дух лукавый,
О, ответь мне ради Неба,
Ради Страшного Суда:
Дух мой, скорбью изнывая,

Встретит т а м, в преддверье рая,
Ту, которая, блистая
Светом, унеслась туда?
То Ленора, – то святая, –
Унеслась она туда!"
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Разлучит нас это слово, –
Я вскричал, вскочив сурово, –
Мчись обратно, в сумрак бури,
В мрак Плутона, навсегда,
Не роняй здесь перьев черных,
Чтоб не помнить слов тлетворных,
Злобных, лживых и позорных!
Бюст покинув, мчись туда,
И, мое покинув сердце,
Ты исчезни навсегда!"
Ворон каркнул: "Никогда!"

И сидит, не улетая,
Все немая, все немая
Птица там, над самой дверью,
Как сидела и тогда,
Устремив свой взор склоненный,
Словно демон полусонный,
И от лампы, там зажженной,
Тень отбросила сюда.
И мой дух средь этой тени,
Ниспадающей сюда,
Не воспрянет никогда!...

ПЕРЕВОДЫ СЕРЕБЯРЯНОГО ВЕКА И ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА (1890-1936)

Перевод Дмитрия Мережковского (1890)¹¹

ВОРОН Поэма Эдгара Поэ

Погруженный в скорбь немую
и усталый, в ночь глухую,
Раз, когда поник в дремоте
я над книгой одного

¹¹ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) - прозаик, поэт, драматург, религиозный философ, критик, публицист, переводчик.

Опубликовано: Мережковский Д. Ворон. Поэма Эдгара Поэ // Северный вестник. 1890. № И. С. 188-194.

Подпись: Д. Мережковский. Под текстом дата: Июнь, 1890 г.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Из забытых миром знаний,
книгой полной обаяний, –
Стук донесся, стук неожиданный
в двери дома моего:
"Это путник постучался
в двери дома моего,
Только путник-
больше ничего".

В декабре-я помню-было
это полночью унылой.
В очаге под пеплом угли
разгорались иногда.
Груды книг не уголяли
ни на миг моей печали-
Об утраченной Леноре,
той, чье имя навсегда-
В сонме ангелов-Ленора,
той, чье имя навсегда
В этом мире стерлось-
без следа.

От дыханья ночи бурной
занавески шелк пурпурный
Шелестел, и непонятный
страх рождался от всего.
Думал, сердце успокою,
все еще твердил порою:
"Это гость стучится робко
в двери дома моего,
"Запоздалый гость стучится
в двери дома моего,
Только гость –
и больше ничего!"

И когда преодолело
сердце страх, я молвил смело:
"Вы простите мне, обидеть
не хотел я никого;
"Я на миг уснул тревожно:
слишком тихо, осторожно, –
"Слишком тихо вы стучались
в двери дома моего..."
И открыл тогда я настежь
двери дома моего-
Мрак ночной, –
и больше ничего.

Все, что дух мой волновало,
все, что снилось и смущало,
До сих пор не посещало
в этом мире никого.

И ни голоса, ни знака –
из таинственного мрака...
Вдруг "Ленора!" прозвучало
близ жилища моего...
Сам шепнул я это имя,
и проснулось от него
Только эхо –
больше ничего.

Но душа моя горела,
притворил я дверь несмело.
Стук опять раздался громче;
я подумал: "ничего,
"Это стук в окне случайный,
никакой здесь нету тайны:
"Посмотрю и успокою
трепет сердца моего,
"Успокою на мгновенье
трепет сердца моего.
Это ветер, –
больше ничего".

Я открыл окно, и странный
гость полночный, гость неожиданный,
Ворон царственный влетает;
я привета от него
Не дождался. Но отважно, –
как хозяин, гордо, важно
Полетел он прямо к двери,
к двери дома моего,
И вспорхнул на бюст Паллады,
сел так тихо на него,
Тихо сел, –
и больше ничего.

Как ни грустно, как ни больно, –
улыбнулся я невольно
И сказал: "Твое коварство
победим мы без труда,
"Но тебя, мой гость зловещий,
Ворон древний. Ворон вещий,
"К нам с пределов вечной Ночи
прилетающий сюда,
"Как зовут в стране, откуда
прилетаешь ты сюда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

Говорит так ясно птица,
не могу я надивиться.
Но казалось, что надежда
ей навек была чужда.

Тот не жди себе отрады,
в чьем доме на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверями;
от несчастья никуда, –
Тот, кто Ворона увидел, –
не спасется никуда,
Ворона, чье имя:
"Никогда".

Говорил он это слово
так печально, так сурово,
Что, казалось, в нем всю душу
изливал; и вот, когда
Недвижим на изваяньи
он сидел в немом молчаньи,
Я шепнул: "как счастье, дружба
улетели навсегда,
Улетит и эта птица
завтра утром навсегда".
И ответил Ворон:
"Никогда".

И сказал я, вздрогнув снова:
"Верно молвить это слово
"Научил его хозяин
в дни тяжелые, когда
"Он преследуем был Роком,
и в несчастьи одиноком,
"Вместо песни лебединой,
в эти долгие года
"Для него был стон единый
в эти грустные года –
Никогда, – уж больше
никогда!"

Так я думал и невольно
улыбнулся, как ни больно.
Повернул тихонько кресло
к бюсту бледному, туда,
Где был Ворон, погрузился
в бархат кресел и забылся...
"Страшный Ворон, мой ужасный
гость, – подумал я тогда-
"Страшный, древний Ворон, горе
возвещающий всегда,
Что же значит крик твой:
"Никогда"?

Угадать стараюсь тщетно;
смотрит Ворон безответно.
Свой горящий взор мне в сердце
заронил он навсегда.

И в раздумьи над загадкой,
я поник в дремоте сладкой
Головой на бархат, лампой
озаренный. Никогда
На лиловый бархат кресел,
как в счастливые года,
Ей уж не склоняться-
никогда!

И казалось мне: струило
дым незримое кадило,
Прилетели Серафимы,
шелестели иногда
Их шаги, как дуновенье:
"Это Бог мне шлет забвенье!
"Пей же сладкое забвенье,
пей, чтоб в сердце навсегда
"Об утраченной Леноре
стерлась память-навсегда!..."
И сказал мне Ворон:
"Никогда".

"Я молю, пророк зловещий,
птица ты иль демон вещий,
"Злой ли Дух тебя из Ночи,
или вихрь занес сюда
"Из пустыни мертвой, вечной,
безнадежной, бесконечной, –
"Будет ли, молю, скажи мне,
будет ли хоть там, куда
"Снизойдем мы после смерти, –
сердцу отдых навсегда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

"Я молю, пророк зловещий,
птица ты иль демон вещий,
"Заклинаю небом. Богом,
отвечай, в тот день, когда
"Я Эдем увижу дальной,
обниму ль душой печальной
"Душу светлую Леноры,
той, чье имя навсегда
"В сонме ангелов-Ленора,
лучезарной навсегда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

"Прочь!- воскликнул я, вставая, –
демон ты иль птица злая.
"Прочь!- вернись в пределы Ночи,
чтобы больше никогда

"Ни одно из перьев черных,
не напомнило позорных,
"Лживых слов твоих! Оставь же
бюст Паллады навсегда,
"Из души моей твой образ
я исторгну навсегда!"
И ответил Ворон:
"Никогда".

И сидит, сидит с тех пор он
там, над дверью черный Ворон,
С бюста бледного Паллады
не исчезнет никуда.
У него такие очи,
как у Злого Духа ночи,
Сном объятого; и лампа
тьень бросает. Навсегда
К этой тени черной птицы
пригвожденный навсегда, –
Не воспрянет дух мой-
никогда!

Перевод Константина Бальмонта (1894)¹²

ВОРОН Из Эдгара Поэ

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко мне.
"Это верно, – прошептал я, – гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне".

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета! Как я тщетно ждал ответа
На страданье, без привета, на вопрос о ней, о ней,
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней,
О светилах прежних дней.

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством сердце мне.
Непонятный страх смиряя, встал я с места, повторяя:

¹² Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942) - поэт, критик, эссеист, переводчик.
Опубликовано: Бальмонт К. Ворон. Из Эдгара Поэ // Артист. 1894. № 41. Сент. Кн. 9. С. 158-160.
Подпись: К. Бальмонт.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

"Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной тишине, –
Гость стучится в дверь ко мне".

подавив свои сомненья, победивши опасенья,
Я сказал: "Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, и стук неясный
Слишком тих был, стук неясный, – и не слышал я его,
Я не слышал"- тут раскрыл я дверь жилища моего;-
Тьма, и больше ничего.

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого;
Но как прежде ночь молчала, тьма душе не отвечала,
Лишь – "Ленора!" – прозвучало имя солнца моего, –
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его,
Эхо, больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся – обернулся – содрогнулся, –
Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.
"Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,
Там за ставнями забилося у окошка моего,
Это ветер, усмирю я трепет сердца моего,
Ветер, больше ничего".

Я толкнул окно с решеткой – тотчас важною походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел спесиво,
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности своей,
Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей,
Он взлетел – и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
"Твой хохол ошипан славно, и глядишь ты презабавно, –
Я промолвил, – но скажи мне: в царстве тьмы, где Ночь
всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где Ночь царит всегда?"
Молвил Ворон: "Никогда".

Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало,
Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
Да и кто не подивится, кто с такой мечтой сроднится,
Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь когда –
Сел над дверью – говорящий без запинки, без труда –
Ворон с кличкой: "Никогда".

И, взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове "Никогда",
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул он,
Я шепнул: "Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как Надежды, навсегда".

Ворон молвил: "Никогда".

Услыхав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге мрачной,
"Верно, был он, – я подумал, – у того, чья жизнь – Беда,
У страдальца, чьи мученья возрастали, как течение
Рек весной, чье отречение от Надежды навсегда
В песне вылилось – о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда".

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии безбрежной
Отдался душой мятежной: "Это – Ворон, Ворон, да".
Но о чем твердит зловещий этим черным "Никогда",
Страшным криком "Никогда".

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И с печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда:
Я один, на бархат алый та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда.

Но, постой, вокруг темнеет, и как будто кто-то веет,
То с кадилницей небесной Серафим пришел сюда?
В миг неясный упоенья я вскричал: "Прости, мученье!
Это Бог послал забвенье о Леноре навсегда,
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда".

И вскричал я в скорби страстной: "Птица ты, иль дух ужасный
Искусителем ли послан, иль грозой прибит сюда, –
Ты пророк неустрашимый! В край печальный, нелюдимый,
В край, Тоскою одержимый, ты пришел ко мне сюда!
О, скажи, найду ль забвенье, я молю, скажи, когда?"
Каркнул Ворон: "Никогда".

"Ты пророк, -вскричал я, -вещий! Птица ты иль дух,
зловещий,
Этим Небом, что над нами – Богом, скрытым навсегда –
Заклинаю, умоляя, мне сказать, – в пределах Рая
Мне откроется ль святая, что среди ангелов всегда,
Та, которую Ленорой в небесах зовут всегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда".

И воскликнул я, вставая: "Прочь отсюда, птица злая!
Ты из царства тьмы и бури, – уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, черной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу – один всегда!
Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь –
всегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда".

И сидит, сидит зловещий. Ворон черный. Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда,
Он глядит, уединенный, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, на полу дрожит всегда,
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет-никогда!

**Перевод Altalena (Владимира Жаботинского), 1-й вариант (не позже
1901, опубл. 1903)¹³**

**ВОРОН
(Поэма Эдгара Поэ)**

Как-то в полночь, утомленный, я забылся, полусонный,
Над таинственным значеньем фолианта одного;
Я дремал, и все молчало... Что-то мягко прозвучало –
Что-то тихо застучало у порога моего.
Я подумал: "То стучится гость у входа моего –
Гость, и больше ничего".

Помню все, как это было: мрак – декабрь – ненастье выло –
Гас очаг мой – так уныло падал отблеск от него...
Не светало... Что за муки! Не могла мне глубь науки
Дать забвенью о разлуке с девой сердца моего –
О Леноре, взятой в Небо прочь из дома моего, –
Не оставив ничего...

Шелест шелка, шум и шорох в мягких пурпуровых шторах –
Чуткой, жуткой странной дрожью проникал меня всего;
И, смиряя страх минутный, я шепнул в тревоге смутной:
"То стучится бесприютный гость у входа моего –
Поздний путник там стучится у порога моего –
Гость, и больше ничего".

Стихло сердце понемногу. Я направился к порогу,
Воскликая: "Вы простите – я промедлил оттого,
Что дремал в унылой скуке – и проснулся лишь при стуке –
При неясном, легком звуке у порога моего" –
И широко распахнул я дверь жилища моего –
Мрак, и больше ничего.

¹³ Владимир (Зеев) Евгеньевич Жаботинский (1880-1940) - публицист, поэт-переводчик, драматург, общественный и политический деятель.

Опубликовано: Altalena [Жаботинский В.Е.]. Ворон. (Поэма Эдгара Поэ) // Наши вечера. Литературно-художественный сборник. Одесса, 1903. Вып. 1-й. С. 62-65.

Подпись: Altalena.

По словам автора, перевод был выполнен "между 1899 и 1901 годом".

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Мрак бездонный озирая, там стоял я, замирая
В ощущениях, человеку незнакомых до того;
Но царила тьма сурово средь безмолвия ночного,
И единственное слово чуть прорезало его –
Зов: "Ленора..." – Только эхо повторило мне его –
Эхо, больше ничего...

И, смущенный непонятно, я лишь шаг ступил обратно –
Снова стук – уже слышнее, чем звучал он до того.
Я промолвил: "Что дрожу я? Ветер ставни рвет, бушуя, –
Наконец-то разрешу я, в чем здесь скрыто волшебство –
Это ставень, это буря: весь секрет и волшебство –
Вихрь, и больше ничего".

Я толкнул окно, и рама подалась, и плавно, прямо
Вышел статный, древний Ворон – старой сказки божество;
Без поклона, смело, гордо, он прошел легко и твердо, –
Воспарил, с осанкой лорда, к верху входа моего
И вверху, на бюст Паллады у порога моего
Сел – и больше ничего.

Оглядев его пытливо, сквозь печаль мою тоскливо
Улыбнулся я, – так важен был и вид его, и взор:
"Ты без рыцарского знака – смотришь рыцарем, однако,
Сын страны, где в царстве Мрака Ночь раскинула шатер!
Как зовут тебя в том царстве, где стоит Ее шатер?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Изумился я сначала: слово ясно прозвучало,
Как удар – но что за имя "Никогда"? И до сих пор
Был ли смертный в мире целом, в чьем жилище опустелом
Над дверьми, на бюсте белом, словно призрак древних пор,
Сел бы важный, мрачный, хмурый, черный Ворон древних
пор
И назвался "Nevermore"?

Но, прокаркав это слово, вновь молчал уж он сурово,
Точно, в нем излив всю душу, вновь замкнул ее затвор.
Он сидел легко и статно – и шепнул я еле внятно:
"Завтра утром невозвратно улетит он на простор –
Как друзья – как все надежды, улетит он на простор..."
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Содрогнулся я при этом, поражен таким ответом,
И сказал ему: "Наверно господин твой с давних пор
Беспощадно и жестоко был постигнут гневом Рока,
И отчаялся глубоко, и, судьбе своей в укор,
Затвердил, как песню скорби, этот горестный укор –
Этот возглас "Nevermore"..."

И, вперяя взор пытливый, я с улыбкою тоскливой

Опустился тихо в кресла, дал мечте своей простор;
И на бархатные складки я поник, ища разгадки, –
Что сказал он, мрачный, гадкий, гордый Ворон древних пор, –
Что хотел сказать зловещий хмурый Ворон древних пор
Этим скорбным "nevermore"...

Я сидел, объятый думой, неподвижный и угрюмый,
И смотрел в его горящий, пепелящий душу взор;
Мысль одна сменялась новой, – в креслах замер я, суровый,
А на бархат их лиловый лампа свет лила в упор, –
Ах, на бархат их лиловый, озаренный так в упор,
Ей не сесть уж – nevermore!

Чу!., провеяли незримо словно крылья серафима –
Звон кадила – благовонья – шелест ног о мой ковер:
"Это Небо за моления шлет мне чашу исцеленья,
Благо мира и забвенья мне даруя с этих пор!
Дай! я выпью и Ленору позабуду с этих пор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – произнес я, замирая, –
Ты – пророк. И раз уж дьявол или вихрей буйный спор
Занесли тебя, крылатый, в дом мой, Ужасом объятый,
В этот дом, куда проклятый Рок обрушил свой топор, –
Говори: пройдет ли рана, что нанес его топор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – повторил я, замирая, –
Ты – пророк. Во имя Неба, – говори: превыше гор,
Там, где Рай наш легендарный – там найду ль я, благодарный,
Душу девы лучезарной, взятой Богом в Божий хор-
Душу той, кого Ленорой именует Божий хор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Если так, то вон, Нечистый! в царство Ночи вновь умчись ты!

Гневно крикнул я, вставая, – этот черный твой убор
Для меня в моей кручине стал эмблемой лжи отныне –
Дай мне снова быть в пустыне! Прочь! верни душе простор!
Не терзай, не рви мне сердца, прочь, умчись на простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

И сидит, сидит с тех пор он, неподвижный черный Ворон,
Над дверьми, на белом бюсте, – там сидит он до сих пор,
Злыми взорами блистая, – верно так глядит, мечтая,
Демон; тень его густая грузно пала на ковер –
И душе из этой тени, что ложится на ковер,
Не подняться – nevermore!

Перевод Валерия Брюсова, 1-я редакция (1905)¹⁴

ВОРОН Поэма Эдгара По

Как-то в полночь, в час ненастный, утомленный, безучастный
Я над старыми томами веком проклятых наук,
Забываясь, наклонялся, снам иль думам предавался,
Вдруг раздался – я услышал – вдруг раздался тихий стук,
"Это – гость", – так прошептал я, вдруг расслышав тихий стук,
Прошептал, проснувшись вдруг.

А! я помню слишком ясно: был декабрь и час ненастный.
От камина отблеск красный на полу чертил свой круг.
Как я утра жаждал страстно! как безумно, как напрасно
В книгах я искал забвенья беспощадно долгих мук,
Об утраченной Леноре беспощадно долгих мук,
О мечте, чье имя – звук!

Занавесок шелк качался, тихий шорох раздавался,
Из углов ко мне тянулись сотни чуждых, смутных рук.
В этой комнате пустынной страх зловещий, беспричинный
Рос на сердце с ночью длинной... Вдруг раздался тихий стук.
"Это – гость, – так прошептал я, вдруг расслышав тихий стук,

–
Гость, ко мне зашедший друг".

И, собой овладевая, громко я сказал, вставая:
"Кто б ты ни был, кто стучишься, извини мне, добрый друг!
Утомленный, задремал я, и не сразу услышал я,
И не сразу расслышал я твой у двери робкий стук".
Извиняясь так, я настежь дверь свою раскрыл на стук...
Тьма – и только тьма вокруг!

И стоял я одиноко, как над пропастью глубокой.
С несказанными мечтами я смотрел на темный луг.
Тьма была мертва для взора, но, как зов далекий хора,
Прозвучало вдруг "Ленора" – тихий отзвук долгих мук.
Это я шепнул "Ленора" – тихий отзвук долгих мук.
И во мраке умер звук.

Я вернулся потрясенный, этим зовом опьяненный,
Но лишь дверь свою закрыл я, вдруг раздался прежний стук.

¹⁴ Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) - поэт, прозаик, критик, переводчик.

Опубликовано: Брюсов В. Ворон. Поэма Эдгара По // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 187-190.

Подпись: Валерий Брюсов.

Первая редакция перевода. Воспроизведено по тексту первой публикации.

Анализ текстов переводов Брюсовым "Ворона" 1905, 1911, 1915 и 1924 гг. позволил установить: 1) текст 1905 г. является первой редакцией, 2) текст 1911 г. является перепечаткой текста 1905 г.; 3) текст 1915 г. является второй редакцией, 4) текст 1924 г. является вариантом второй редакции.

Сердце сжал мне страх недавний, но сказал я: "Это в ставни
Бьется ветер своенравный – неразумен мой испуг!
Это в ставни бьется ветер – неразумен мой испуг!
Ветер создал этот стук!"

Страх рассудком успокоя, растворил свое окно я...
И времен прошедших Ворон в мой покой ворвался вдруг.
Колыхая крылья чинно, он по комнате пустынной,
С гордым видом господина, облетел вдоль стен вокруг.
И на бюст Паллады сел он, облетев вдоль стен вокруг.
Сел в углу, как старый друг.

Привиденьем онемелым, черный весь, на шлеме белом
Он сидел. Я улыбнулся, и сказал ему тогда:
"Царство воронов – гробница; как же ты зовешься, птица,
В мире мертвых, где струится тихо Стиксова вода?
Как тебя зовут, где тихо льется Стиксова вода?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Смысла мало было в этом, но смущен я был ответом
Черной птицы, вещи птицы, той, чье карканье – беда.
В первый раз еще ненастье занесло в приют несчастья,
Занесло в приют, где счастья не осталось и следа,
К несчастливцу, в ком Надежды не осталось и следа,
Птицу с кличкой "Никогда".

С шлема белого Паллады вниз глядел он без пощады
И, жестоким приговором безнадежного суда,
Повторял одно он слово – так спокойно, так сурово,
Словно не было другого для меня уж навсегда.
"Но меня, – сказал я, – завтра он покинет навсегда".
Каркнул Ворон: "Никогда!"

И ответом вновь смущенный, я подумал, потрясенный:
«"У несчастного безумца жил он долгие года,
У того, кого терзали неудачи и печали,
У того, кому слагали песни горе и нужда.
Ко всему припев единый знали горе и нужда,
И припев тот: "Никогда!"»

И глубоко в кресло сел я, и на птицу все смотрел я.
Дум печальных, безотрадных развивалась череда.
"Что, – я думал, – он пророчит, что сказать мне, вещей, хочет,
Черный ворон, птица ночи, криком Страшного Суда,
Что пророчит приговором беспощадного суда,
Грозным словом: "Никогда"?"

Черной птицы, птицы ночи, в сердце мне вонзались очи,
Дум печальных, безотрадных развивалась череда.
Головой на шелк измятый преклоняясь, тоской объятый,
Думал я: она когда-то, весела и молода,
Так склонялась, но уж больше, весела и молода,

Не склонится никогда!

Но померкнул свет во взорах; я услышал легкий шорох,
Словно ангелы скользили в мире будней и труда.
Из каминов их куренья лили в грудь успокоенье...
Я воскликнул: "Вот забвенье! пей забвенье без стыда!
Сердце! посланную Богом пей омегу без стыда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"А, – вскричал я, – послан кем он, этот ворон или демон!
Искусителем иль бурей послан темный дух сюда!
Все равно мне! все равно мне! горя в мире нет огромней,
Нет пророка вероломней, – пусть же скажет он, когда
Я найду забвенье горю! пусть же скажет он, когда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

«А, – вскричал я, – послан кем он, этот ворон или демон!
Этим небом, что над нами, часом Страшного Суда,
Пусть он скажет, заклинаю, что, взнесясь к святому раю,
Я узнаю, я узнаю – ту, кто в сердце здесь, всегда!
Ту, которую "Ленора" звали ангелы всегда!»
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Нет,- вскричал я,- прочь отсюда, темный дух! я верю в чудо!
Удались в свой мир, где вечно плещет Стиксова вода!
Чтоб один я вновь остался! чтоб тот звук, что повторялся
Здесь так часто, затерялся в черной ночи навсегда!
Вынь свой клюв из сердца! Слышишь! Прочь отсюда
навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

И вонзил мне в сердце взор он, и сидит поныне Ворон
Предо мной на белом шлеме, Ворон тот, чей крик беда!
И не ведая забвенья, на его взираю тень я,
На ее гляжу движенья – долго, долгие года.
И душа из черной тени – пусть идут, идут года –
Не восстанет никогда!

Перевод Валерия Брюсова, 2-я редакция, 1-й вариант (1915)¹⁵

ВОРОН **Поэма Эдгара По**

Как-то, полночью тоскливой, я вникал, устав, лениво,

¹⁵ Опубликовано: Брюсов В. Ворон. Поэма Эдгара По // Биржевые ведомости. 1915. 1(14) июня, утренний выпуск.

Подпись: Валерий Брюсов. Под текстом дата и место: Апрель, 1915. Варшава. Новая редакция.
Вторая редакция перевода. Воспроизведено по тексту первой публикации.

Меж томов старинных, странных, в смысл трактата одного
По отвергнутой науке и, сквозь сон, услышал звуки,
Вдруг услышал смутно стуки, – стук у входа моего.
"Это – гость, – пробормотал я, – там, у входа моего,
Гость и больше ничего".

Ах, мне помнится так ясно, был декабрь и час ненастный,
Был, как призрак, – отблеск красный от камина моего.
Ждал зари я в нетерпенье, в книгах тщетно утешенье
Мнил найти, в ту ночь мученья – ночь без той, зовут кого
Светлым именем: "Ленора!" Шепчут ангелы его,
На земле же – нет его!

Грустный, шелковый, не резкий шорох алой занавески
Мучил, полнил странным страхом, что не знал я до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго повторенья
Я твердил: "То – посещение просто друга одного",
Повторял: "То – посещение, поздно, друга одного,
Друга, больше ничего".

Наконец, спокойный внешне, я на стук сказал поспешней:
"Сэр иль мистрис, извините, что молчал я до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслышал я,
Слабый стук не разобрал я, – стук у входа моего".
Говоря, открыл я настежь двери дома моего:
Тьма, и больше ничего.

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий,
Полный грез, что ведать смертным не давалось до того.
Все безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.
Я шепнул: "Ленора"; эхо – повторило мне его,
Эхо, больше ничего.

Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук услышал, и сильней, чем до того.
Но сказал я: "Это ставней ветер зыблет своенравней,
Им был вызван страх недавний, ветром, только и всего.
Успокойся, сердце! взглянем, что там, только и всего,
Взглянем, больше ничего".

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
Статный, древний Ворон, крыльев шумом славя торжество.
Поклониться не хотел он, не колеблясь полетел он,
Словно лорд иль леди, сел он, – сел у входа моего,
Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
Сел и больше ничего.

Я, с улыбкой, мог дивиться, как эбеновая птица,
В строгой важности, сурова и горда была тогда.
"Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок и упорен,
Древний, вещий Ворон, странник с берегов, где Ночь всегда!

Как же ты, в стране Плутона, пышно прозван?" Он тогда Каркнул: "Больше никогда!"

Птица ясно прокричала, изумив меня немало.
Пусть ответ был без значенья, и слова не шли сюда,
Но кому ж благословенье было – ведать посещение
Птицы, что над дверью сядет, величава и горда,
Что на белом бюсте сядет, величава и горда,
С кличкой: "Больше никогда!"

Сев на бюст уединенно, Ворон каркал монотонно
Лишь два слова, словно душу вылил в них он навсегда.
Их твердя, он весь застынул, ни одним пером не двинул...
Наконец, я тихо кинул: "Раньше скрылись навсегда
Все друзья: он завтра сгинет, как Надежды, навсегда".
Ворон: "Больше никогда!"

Вздвогнул я, в волненье мрачном, при ответе столь удачном.
«Это – все, – сказал я, – видно, что он знает, жив года
С бедняком, кого терзали беспощадные печали,
Гнали в даль и дальше гнали неудачи и нужда.
К песням скорби о надеждах лишь один припев нужда
Знала: "Больше никогда!"»

Я, с улыбкой, мог дивиться, как глядит мне в душу птица.
Быстро кресло подкатил я против птицы, сел туда;
Прижимаясь к мягкой ткани, развивал я цепь мечтаний,
Сны за снами; как в тумане, думал я: «Он жил года,
Что ж пророчит, вещей, тощий, живший в старые года,
Криком: "Больше никогда"»?

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть ни слога
Птице, огненные взоры чьи жгли сердце мне тогда.
Это думал и иное, головой припав, в покое,
На лиловый бархат; двое так сидели иногда...
Но на бархат, в свете лампы, не склоняться иногда
Ей – уж больше никогда!

И казалось: клубы дыма из камины незыримой
Зыблют руки Серафима, тихо сшедшего сюда.
"Бедный! – я вскричал, – то Богом послан с ангелом тревогам
Отдых, – отдых, чтоб немного ты вкусил забвенья! Да?
Пей, о пей тот сладкий отдых! Позабудь Ленору! Да?"
Ворон: "Больше никогда!"

"Вещий! – я вскричал. – Зачем он – прибыл, птица или демон?
Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда,
Я борюсь, хоть полн¹⁶ уныний: в этой проклятой пустыне,
Здесь, где властен Ужас ныне, скажет пусть, молю, когда

¹⁶ В тексте публикации 1915 г. вместо "полн" ошибочно напечатано "полк".

В Галааде мир найду я? Свой бальзам найду, когда?"

Ворон: "Больше никогда!"

«Вещий! – я вскричал. – Зачем он – прибыл, птица или демон?

Ради Неба, что над нами, часа Страшного Суда,

Скажет пусть душе печальной: я, в Раю, в отчизне дальней,

Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?

Чистый образ, что "Ленора" ангелы зовут всегда?»

Ворон: "Больше никогда!"

"Будь то слово – знак разлуки! – я вскричал, ломая руки. –

Возвратись, злой дух, под бурю, к берегам, где Ночь всегда!

Не оставь здесь перьев черных, как следов от слов позорных,

Не хочу друзей тлетворных! С бюста – прочь, и навсегда!

Вынь из сердца клюв, умчи свой – с двери образ навсегда!"

Ворон: "Больше никогда!"

И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он,

Черный Ворон, там, над входом, с белым бюстом слит всегда.

Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон сонный;

Тень ложится удлинено, на полу дрожит года,

И не встать душе из тени, что, дрожа, лежит года, –

Знаю: больше никогда!

Перевод Дмитрия Звенигородского (1922, опубли. 2009)¹⁷

ВОРОН Поэма Эдгара По

В полуночный час угрюмый размышлял усталой думой

Я над редкими томами – и туманился мой взор;

Голова сквозь сон кивала... Дверь внезапно задрожала,

Будто кто-то очень тихо колыхнул дверной запор.

"Это гость, – пробормотал я, – гость колеблет мой запор,

Кто ж не спит до этих пор?"

Все мне помнится так ясно: ночь декабрьская ненастна,

Каждый отблеск на паркете стлал загадочный узор;

Как я утра дожидался и надеждой обольщался

Скорбь унять в старинных книгах о возлюбленной Линор,

Лучезарной, несравнимой; в мире ангелов Линор,

Там в раю с недавних пор.

¹⁷ Дмитрий Владимирович Звенигородский (1885-1928) - князь, предположительно младший брат Андрея Владимировича Звенигородского (1878-1961), поэта и критика.

Переведено в 1922 г. Опубликовано: Эдгар Аллан По «Ворон». - Москва., Наука, 2009, с. 68-71.

Воспроизведено по ветхой дефектной машинописи, в которой недостает двух стихов, со вставками и правкой от руки. Знаки препинания в отдельных местах восстановлены, нужные места в тексте (прямая речь) закавычены (в машинописи в ряде случаев кавычки отсутствуют).

Шелковистый смутный шорох в темно-красных жутких
сторях

Сеял ужас, непонятный для меня до этих пор.
Чтобы сердца стук унялся, повторять я лишь старался:
"Это гость, который просит отпереть дверной запор,
Гость меня увидеть хочет, просит отпереть запор,
И не спит до этих пор".

Успокоенный немного, я сказал, став у порога:
"Извините, что не отпер двери я до этих пор,
Но так сладко задремал я, что и стука не слышал я,
Вы так тихо, осторожно колыхнули мой запор,
Что я в стуке сомневался". Тут я дверь открыл во двор –
Только мрак мой гасит взор.

Глубоко тот мрак пронзая, трепеща и ожидая,
Страшный смертным призраком хрупкий все улавливал мой
взор;

Но молчанье было глухо, хоть и чутко было ухо,
И одно, одно лишь имя шепот мой твердил: "Линор!"
И мне эхо приносило снова шепот мой: "Линор!" –
Милой сердцу с давних пор.

Снова в комнату вступая, весь внутри огнем пылая,
Я услышал снова будто рук таинственных напор.
"За окном впотьмах, без света, кто-то верно ждет ответа.
Кто же, кто же, посмотрю я, за шуршащей дымкой стор?
Кто там ждет до этих пор?"¹⁸

Ставень прочь метнул с размаху. Волю дав глухому взмаху
Крыльев, ворон древний гордо, ворон баснословных пор,
В комнату мою влетает, мне привета не кидает,
Но с достоинством вельможи неподвижно держит взор.
Сел на бюст Паллады тихо, и его спокоен взор,
Словно здесь он с давних пор.

Это птица грусть смахнула, и улыбка проскользнула
У меня на облик важный птицы с взглядами в упор.
Я сказал: "Старинный ворон, как ты призрачен и черен,
Из каких ущелий мрачных ты взметнулся на простор?"
Каркнул ворон, променявший мрак ущелий на простор:
"Никогда уж с этих пор".

Сильно сердце поразило: птица ясно говорила;
Хоть ответ ее без смысла я не понял до сих пор.
Трудно было не смущаться, птице той не удивляться,
Что на бюст над дверью села, – птица из полных гор,
Птица с именем столь странным, из студеных темных гор:

¹⁸ В строфе отсутствует строка.

"Никогда уж с этих пор".

Но на бюсте ворон снова все твердит мне то же слово,
То же слово извергает из своих зловещих нор,
И другого не бормочет, перьев черных не всклокочет, –
И когда шепчу я внятно: "Я покинут с давних пор.
Завтра он меня покинет". Птица каркает в упор:
"Никогда уж с этих пор".

И в безмолвии свинцовом, пораженный этим словом,
Я сказал, он послан, верно, от Того, чей рок безмерный
Речи все в один сливает несмолкаемый укор,
Безнадежный, похоронный, несмолкаемый укор:
"Никогда уж с этих пор"¹⁹.

И мою улыбку снова ворон выманил суровый,
Кресло выдвинув, поставил я его совсем в упор
Против ворона. Без слова сел на бархат я лиловый,
Размышляя, что сказала птица баснословных пор,
Что же карканье то значит птицы из студеных гор:
"Никогда уж с этих пор".

Весь в догадках утопая, мысль безмолвьем охраняя,
В сердце глаз вороньих чуял пламенеющий задор.
Это чуял и другое, в кресле сидя, для покоя
Я к подушке приникая, как и лампы ник узор²⁰.
"Ах, теперь ей не приикнуть к той подушке, где узор, –
Никогда уж с этих пор".

Тут струя меня обвила благовонного кадила.
Серафим его колеблет, гулок пол, шуршанье стор.
"О, несчастный, – я воскликнул, – Бог в твои страданья
вникнул,
И забвеньем исцеляет память о твоей Линор".
Каркнул ворон про забвенья в небо скрывшейся Линор:
"Никогда уж с этих пор".

"О, пророк, – сказал тогда я, – птица добрая иль злая,
Искустель ты иль жертва, вихрем сброшенная с гор,
В заколдованный мой угол, где все полно жутких пугал,
Исцеленье существует, о скажи, иль это вздор?"
И тогда про исцеленье ворон каркнул мне в упор:
"Никогда уж с этих пор".

"О, пророк, – сказал тогда я, – птица добрая иль злая,
Небесами, что над нами высят горний свой убор,
Вечным Богом заклинаю, ты скажи мне, умоляю,

¹⁹ В строфе отсутствует строка.

²⁰ Так в рукописи.

Ах, возможно ли мне будет там, в раю, обнять Линор?"
Ворон каркнул про святую в мире ангелов Линор:
"Никогда уж с этих пор".

"Так исчезни, злая птица, как ночная небылица, –
Я вскричал, вскочивши с кресла, – уноси твой лживый вздор!
Только требую теперь я, не оставь твои мне перья,
Ложь твою они напомнят. С бюста прочь! В ночной простор!"
Ворон каркнул, не слетая, не летя в ночной простор:
"Никогда уж с этих пор".

И с тех пор на бюсте ворон, мрачно-тих и густо-черен,
Все сидит, сидит без мысли, как бы вылететь на двор.
И глаза его так злобны, грезам демона подобны.
Лампы свет тяжелой тенью птицу на пол распростер.
Не подняться мне из тени, свет которую простер, –
Никогда уж с этих пор.

Перевод Василия Фёдорова (1923)²¹

ВОРОН

Как-то ночью одинокой
я задумался глубоко
Над томами черной магии,
забытой с давних пор.
Сон клонил, – я забывался...
Вдруг неясный звук раздался,
Словно кто-то постучался –
постучался в мой затвор...
"Это гость, – пробормотал я, –
постучался в мой затвор,
Запоздалый визитер..."

Ясно помню тот декабрьский
лютый ветер, холод адский,
Эти тени – по паркету
черной бахромы узор, –
Как меня томило это,
как я с книгой ждал рассвета
В страшной скорби без просвета –
без просвета по Линор,
По утраченной недавно
светлой, ласковой Линор,

²¹ Василий Павлович Федоров (1883-1942) - поэт, переводчик, один из основателей Ордена дерзо-поэтов.
Опубликовано: Федоров В. Ворон // По Э. (1809-1849) Поэмы и стихотворения в переводах с оксфордского издания 1909 г. Вас. Федорова. М.: "Первина", 1923. С. 9-18.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Невозвратной с этих пор.

Вдруг забилось неприятно
сердце в страхе под невнятный
Шорох шепотный пурпуровых
моих тяжелых штор;
Чтоб унять сердцебиенье,
сам с собою без смущенья
Говорил я, весь – волнение:
"То стучится в мой затвор
Запоздалый гость, – смущенно
он стучится в мой затвор,
Этот поздний визитер".

Взяв себя немного в руки,
крикнул я в ответ на стуки:
"О, пожалуйста, простите, –
я сейчас сниму затвор!
Задремал я... рад... приятно...
но стучались вы невнятно,
Было даже непонятно –
непонятно: стук ли, вздор?...
А теперь я различаю –
это точно – стук, не вздор!...
Дверь открыл: ночной простор.

Никого! В недоуменье,
с новым страхом и в смущенье
От неведомых предчувствий,
затаившийся, как вор,
Я смотрел, на все готовый,
в сумрак холода ночного,
И шепнул одно лишь слово,
слово-шепот, в ночь, "Линор"...
Это я сказал, но где-то
эхо вторило: "Линор"...
Тихий, жуткий разговор.

Я захлопнул дверь. Невольно
сердце сжалось острой болью.
Сел... и скоро вновь услышал
тот же звук: тор-тор... тор-тор...
"А-а, – сказал я, – так легка мне
вся загадка: стук недавний –
Дребезжанье старой ставни...
только ветер... мелочь... вздор...
Нет, никто там не стучался, –
просто ставни... зимний вздор...
Мог бы знать и до сих пор".

Быстро встал, – окно открыл я.
Широко расставив крылья,

Крупный ворон – птица древняя –
в окно ко мне, в упор,
Вдруг вошел, неторопливо
всхлюпнул перья, и красивым
Плавным взлетом, горделиво, –
словно зная с давних пор, –
Пролетел, на бюст Паллады сел...
как будто с давних пор
Там сидел он, этот Ворон.

Сколько важности! Бравлады!
хохотал я до упаду:
"Ну, неожиданный гость, привет вам!
Что ж, садитесь! Разговор
Я начну... Что много шума
натворил ты здесь, угрюмый
Ворон, полный древней думы?
Ну, скажи – как бледный хор
Называл тебя? – в Аиде
бестелесных духов хор?"
Ворон крикнул: "Nevermore".

Я вскочил от удивленья:
новое еще явленье! –
Никогда не приходилось
мне слышать подобный вздор!
"Вы забавны, Ворон-птица, –
только как могло случиться
Языку вам обучиться
и салонный разговор
Завязать, седлая бюсты?
Что ж, продолжим разговор,
Достоцитимый Nevermore..."

Но на белом четко-черный
он теперь молчал упорно,
Словно душу всю излил
в едином слове ворон-вор!
И опять понурый, сгорблен,
я застыл в привычной скорби,
Все надеясь: утро скорбь
утишит... Вдруг, в упор,
Неожиданно и властно,
с бюста белого, в упор
Птичий голос: "Nevermore".

Вздрагнул я: ответ угрюмый
был в том крике мне на думы!
Верно ворону случалось часто
слышать, как повтор,
Это слово... звук не нежный...
Знать, его хозяин прежний,

Зло обманутый в надеждах,
повторял себе в укор,
Обращаясь безотчетно к ворону,
ронял укор
Безысходным Nevermore.

Весь во власти черной тени,
в жажде предосуществлений,
Я теперь хотел жестоко
с этой птицей жуткий спор
Завязать, – придвинул кресло
ближе к бюсту... и воскресла –
Там в мозгу моем, воскресла,
словно грозный приговор,
Логика фантазмагорий,
странно слитых в приговор
С этим криком Nevermore...

И теперь меня глубоко
волновали птицы рока –
Птицы огневые очи,
устремленные в упор.
Свет от лампы плавно лился,
он над вороном струился...
Я мучительно забылся, –
мне казалось: с вечных пор
Этот черный хмурый ворон
здесь, со мной, с извечных пор
Со зловещим Nevermore.

Словно плавное кадило
в кабинете воскурило
Фимиамы, и туманы
наплывали с алых штор.
Простонал я: "Дух угрюмый,
что томишь тяжелой думой?
Обмани предвечным шумом
крыльев черных, и Линор
Позабыть совсем дай мне –
дай забыть мою Линор!"
Крикнул ворон: "Nevermore".

"Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
За душой моею выслал Ад
тебя? – Хватай же, вор!
Ветер... злая ночь... и стужа...
В тихом доме смертный ужас –
Сердце рвет он, этот ужас,
строит склеп мне выше гор...
Ну, хватай! Ведь после смерти
позабуду я Линор!"

Крикнул ворон: "Nevermore".

"Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
Там, где гнутся своды неба,
есть же Божий приговор!
Ты скажи, – я жду ответа, –
там, за гранью жизни этой,
Прозвучит ли речь привета
иль пройдет хоть тень Линор –
Недостижной здесь навеки,
нежной, ласковой Линор?"
Крикнул ворон: "Nevermore".

В непереносимой муке
я стонал: "О, пусть разлуки
Будет знаком это слово,
мой последний приговор!
Вынь из сердца клюв жестокий,
ворон, друг мой, – одиноко
Улетай в Аид далекий,
сгинь в неведомый простор,
Населенный привиденьями
айдовый простор!"
Крикнул ворон: "Nevermore".

И зловещий, и сердитый,
все сидит он, и сидит он,
Черный ворон на Палладе,
охраняя мой затвор.
И от лампы свет струится...
И огромная ложится
От недвижимой этой птицы
на пол тень... И с этих пор
Для души моей из мрака
черной Тени – с этих пор –
Нет исхода – Nevermore.

Перевод Валерия Брюсова, 2-я редакция, 2-й вариант (1924)²²

ВОРОН

Как-то в полночь, в час унылый, я вникал, устав, без силы,

²² Опубликовано: Брюсов В. Ворон // По Э. Полное собрание поэм и стихотворений / Перевод и предисловие Валерия Брюсова с критико-библиографическим комментарием. М.; Л.: Гос. изд., 1924. С. 57-60. ("Всемирная литература").

Вариант перевода 1915 г.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Меж томов старинных, в строки рассужденья одного
По отвергнутой науке, и расслышал смутно звуки,
Вдруг у двери словно стуки, – стук у входа моего.
"Это-гость, – пробормотал я, – там, у входа моего.
Гость, – и больше ничего!"

Ах! мне помнится так ясно: был декабрь и день ненастный
Был как призрак – отсвет красный от камина моего.
Ждал зари я в нетерпении, в книгах тщетно утешенье
Я искал в ту ночь мученья, – бденья ночь, без той, кого
Звали здесь Линор. То имя... Шепчут ангелы его,
На земле же – нет его.

Шелковистый и не резкий, шорох алой занавески
Мучил, полнил темным страхом, что не знал я до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго в утешенье
Я твердил: "То – посещение просто друга одного".
Повторял: "То – посещение просто друга одного,
Друга, – больше ничего!"

Наконец, владея волей, я сказал, не медля боле:
"Сэр иль Мистрисс, извините, что молчал я до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслышал я,
Слабый стук не разобрал я, стук у входа моего".
Говоря, открыл я настежь двери дома моего.
Тьма, -и больше ничего.

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий,
Полный грез, что ведать смертным не давалось до того!
Все безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.
Я шепнул: "Линор", и эхо – повторило мне его,
Эхо, – больше ничего.

Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук расслышал, но ясней, чем до того.
Но сказал я: "Это ставней ветер зыблет своенравней,
Он и вызвал страх недавний, ветер, только и всего,
Будь спокойно, сердце! Это – ветер, только и всего.
Ветер, – больше ничего!"

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
Статный, древний Ворон, шумом крыльев славя торжество.
Поклониться не хотел он; не колеблясь, полетел он,
Словно лорд иль лэди, сел он, сел у входа моего,
Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
Сел, – и больше ничего.

Я с улыбкой мог дивиться, как эбеновая птица,
В строгой важности – сурова и горда была тогда.
"Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок и упорен,
Древний, мрачный Ворон, странник с берегов, где ночь

всегда!

Как же царственно ты прозван у Плутона?" Он тогда
Каркнул: "Больше никогда!"

Птица ясно прокричала, изумив меня сначала.
Было в крике смысла мало, и слова не шли сюда.
Но не всем благословенье было – ведать посещение
Птицы, что над входом сядет, величава и горда,
Что на белом бюсте сядет, чернокрыла и горда,
С кличкой "Больше никогда!"

Одинокий, Ворон черный, сев на бюст, бросал, упорный,
Лишь два слова, словно душу, вылил в них он навсегда.
Их твердя, он словно стынул, ни одним пером не двинул,
Наконец, я птице кинул: "Раньше скрылись без следа
Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..." Он тогда
Каркнул: "Больше никогда!"

Вздрыгнул я, в волнении мрачном, при ответе столь удачном.
"Это-все, – сказал я, – видно, что он знает, жив года
С бедняком, кого терзали беспощадные печали,
Гнали в даль и дальше гнали неудачи и нужда.
К песням скорби о надеждах лишь один припев нужда
Знала: больше никогда!"

Я с улыбкой мог дивиться, как глядит мне в душу птица.
Быстро кресло подкатил я, против птицы, сел туда:
Прижимаясь к мягкой ткани, развивал я цепь мечтаний,
Сны за снами, как в тумане, думал я: "Он жил года,
Что ж пророчит, вещий, тощий, живший в старые года,
Криком: больше никогда?"

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть ни слога
Птице, чьи глаза палили сердце мне огнем тогда.
Это думал и иное, прислонясь челом в покое
К бархату; мы, прежде, двое так сидели иногда...
Ах! при лампе, не склоняться ей на бархат иногда
Больше, больше никогда!

И, казалось, клубы дыма льет курильница незримо,
Шаг чуть слышен серафима, с ней вошедшего сюда.
"Бедный!- я вскричал, – то богом послан отдых всем тревогам,
Отдых, мир! чтоб хоть немного ты вкусил забвенья, – да?
Пей! о, пей тот сладкий отдых! позабудь Линор, – о, да?
Ворон: "Больше никогда!"

"Вещий, – я вскричал, -зачем он прибыл, птица или демон?
Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда?
Я не пал, хоть полн уныний! В этой заклятой пустыне,
Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда
В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?"
Ворон: "Больше никогда!"

"Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон?
Ради неба, что над нами, часа страшного суда,
Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальней,
Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?
Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы всегда?"
Ворон: "Больше никогда!"

"Это слово – знак разлуки! – крикнул я, ломая руки.
Возвратись в края, где мрачно плещет Стиксова вода!
Не оставь здесь перьев черных, как следов от слов позорных!
Не хочу друзей тлетворных! С бюста – прочь, и навсегда!
Прочь – из сердца клюв, и с двери – прочь виденье навсегда!"
Ворон: "Больше никогда!"

И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он,
Там, над входом. Ворон черный, с белым бюстом слит всегда!
Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон сонный.
Тень ложится удлинено, на полу лежит года, –
И душе не встать из тени, пусть идут, идут года, –
Знаю, – больше никогда!

Перевод Altalena (Владимира Жаботинского), 2-й вариант (1930)²³

ВОРОН

Как-то в полночь, утомлённый, развернул я, полусонный,
Книгу странного ученья (мир забыл уже его) –
И взяла меня дремота; вдруг я вздрогнул отчего-то,
Словно стукнул тихо кто-то у порога моего.
"То стучится, – прошептал я, – гость у входа моего –
Путник, больше ничего".

Ясно помню всё, как было: осень плакала уныло,
И в камине пламя стыло, под золой почти мертво...
Не светало... Что за муки! Не принёс дурман науки
Мне забвенья о разлуке с девой сердца моего –
О Леноре: в Божьем хоре дева сердца моего –
Здесь, со мною – никого...

Шелест шёлка, шум и шорох в мягких пурпуровых шторах
Жуткой, чуткой странной дрожью проникал меня всего;
И, борясь с тревогой смутной, заглушая страх минутный,
Повторил я: "Бесприютный там у входа моего –
Поздний странник постучался у порога моего –

²³ Опубликовано: Жаботинский В. Ворон // Жаботинский В. (Altalena). Стихи. Париж, 1930. С. 17-23.
Вариант перевода 1901 г.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Гость, и больше ничего".

Стихло сердце понемногу. Я направился к порогу,
Воскликая: "Вы простите – я промедлил оттого,
Что дремал в унылой скуке и проснулся лишь при стуче –
При неясном, лёгком звуке у порога моего".
И широко распахнул я дверь жилища моего:
Мрак, и больше ничего.

Мрак бездонный озирая, там стоял я, замирая,
Полный дум, быть может, смертным незнакомых до того;
Но царила тьма сурово средь безмолвия ночного,
И единственное слово чуть прорезало его –
Зов: "Ленора..." – Только эхо повторило мне его –
Эхо, больше ничего.

И, встревожен непонятно, я лишь шаг ступил обратно –
Снова стук, уже слышнее, чем звучал он до того.
Я промолвил: "Это ставнем на шарнире стародавнем
Хлопнул ветер; вся беда в нём, весь секрет и колдовство.
Отпереть – и снова просто разрешится колдовство:
Ветер, больше ничего".

Распахнул я створ оконный – и, как царь в палате тронной,
Старый, статный чёрный Ворон важно выплыл из него,
Без поклона, плавно, гордо, он вступил легко и твёрдо, –
Воспарил, с осанкой лорда, к верху входа моего –
И вверху на бюст Паллады у порога моего
Сел – и больше ничего.

Чёрный гость на белом бюсте – я, глядя сквозь дымку грусти,
Усмехнулся – так он строго на меня глядел в упор.
"Вихрь измял тебя, но, право, ты взираешь величаво,
Словно князь ты, чья держава – ночь Плутоновых озёр.
Как зовут тебя, владыка чёрных адовых озёр?"
Он прокаркал: "Nevermore".

Изумился я немало: слово ясно прозвучало –
"Никогда"... Но что за имя?! И бывало ль до сих пор,
Чтобы в доме средь пустыни сел на бледный бюст богини
Станный призрак чёрно-синий и вперил недвижный взор, –
Станный, хмурый, чёрный ворон, мрачный, вещий, тяжкий
взор,
И названье: "Nevermore"?

Но, прокаркав это слово, вновь молчал уж он сурово,
Словно всю в нём вылил душу – и замкнул её затвор.
Он сидел легко и статно, и шепнул я еле внятно:
"Завтра утром не возвратно улетит он на простор –
Как друзья – как все надежды – улетит он на простор..."
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Содрогнулся я при этом, поражен таким ответом,
И сказал ему: "Наверно, господин твой с давних пор
Беспощадно и жестоко был постигнут гневом Рока,
И, изверившись глубоко, Небесам послал укор
И твердил, взамен молитвы, этот горестный укор,
Этот возглас... "Nevermore".

Он чернел на белом бюсте; я смотрел с улыбкой грусти –
Опустился тихо в кресла – дал мечте своей простор;
Мчались думы в беспорядке – и на бархатные складки
Я поник, ища разгадки: что принёс он в мой шатёр –
Что за правду мне привёл он в сиротливый мой шатёр
Этим скорбным "Nevermore"?

Я сидел, объятый думой, молчаливый и угрюмый,
И смотрел в его горящий, пепеляющий душу взор.
Мысль одна сменялась новой; в креслах замер я, суровый.
И на бархат их лиловый лампа свет лила в упор...
Не склониться Ей на бархат, светом залитый в упор,
Не склониться – "Nevermore"...

Чу – провеяли незримо, словно крылья серафима –
Звон кадила – волны дыма – шорох ног о мой ковёр...
"Это Небо за моления шлёт мне чашу исцеленья,
Чашу мира и забвенья, сердцу волю и простор!
Дай – я выпью и забуду, и верну душе простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – произнёс я, замирая, –
Кто бы, сам тебя ли Дьявол или вихрей буйный спор
Ни занёс, пророк пернатый, в этот дом навек проклятый,
Над которым в час утраты грянул Божий приговор, –
Отвечай мне: есть прощенье? истечёт ли приговор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

"Адский дух иль тварь земная, – повторил я замирая, –
Отвечай мне: там, за гранью, в Небесах, где всё – простор,
И лазурь, и свет янтарный, – там найду ль я, благодарный,
Душу девы лучезарной, взятой Богом в Божий хор, –
Душу той, кого Ленорой именует Божий хор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

Я вскочил: "Ты лжёшь, Нечистый! В царство Ночи вновь
умчись ты,
Унеси во тьму с собою ненавистный свой убор –
Этих перьев цвет надгробный, чёрной лжи твоей подобный, –
Этот жуткий, едкий, злобный, пепеляющий душу взор!
Дай мне мир моей пустыни, дай забыть твой клич и взор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

И сидит, сидит с тех пор он, неподвижный чёрный Ворон –
Над дверьми, на белом бюсте он сидит ещё с тех пор,

Злыми взорами блистая – верно, так, о злом мечтая,
Смотрит демон; тень густая грузно пала на ковёр,
И душе из этой тени, что ложится на ковёр,
Не подняться – "Nevermore"...

Неизвестный переводчик (не позже 1934, опубл. 2009)²⁴

ВОРОН Эдгар По

В час томительный полночи, когда сон смыкал мне очи,
Утомленный и разбитый я сидел, дремля над книгой
Позабытых жизни тайн. Вдруг у двери тихий шорох –
Кто-то скребся еле слышно, скребся тихо в дверь моя²⁵.
Гость какой-то запоздалый, думал я, стучит сюда –
Пусть войдет он – не беда.

Это было, помню точно, средь сырой Декабрьской ночи.
Бледный отблеск от камина стлался тенью на полу.
С трепетом я ждал рассвета, тщетно ждал от книг ответа,
Чтоб души утешить горе – ждал ответа о Леноре,
Светлом ангеле Леноре, что исчезла без следа,
Без возврата навсегда.

Тихий шелест шелка шторы вдруг нарушил тишину.
Вздрыгнул я – холодный ужас кровь заледенил мою.
Сердце билось замирая, встал я, тихо повторяя, повторяя все
одно:

"Поздний гость ждет у порога разрешенья моего,
Гость там просит у порога дверь открыть ему сюда,
Пусть же входит – не беда".

Поборов свое волненье, я отбросил прочь сомненье.
Я прошу у вас прощенья, что я вас так задержал,
Дело вышло очень просто, я немножко задремал,
Вы же тихо так стучали, дверь слегка лишь вы толкали...
Распахнув тут настезь дверь, я сказал: "Прошу сюда" –
Но... молчанье, темнота.

²⁴ Переводчик неизвестен. Переведено не позже 1934 г.

Опубликовано: Эдгар Аллан По «Ворон». - Москва., Наука, 2009. С. 78-82.

Воспроизводится по беловому автографу, хранящемуся в РГАЛИ (Ф. 2854 [Кашкин]. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 12, 12 об., 13, 13 об.). Дата устанавливается по докладу И. А. Кашкина, к которому приложен перевод. Почерк разборчивый, четкий. Во многих местах (преимущественно после концевых слов строки) отсутствуют знаки препинания, восстановленные в настоящей публикации; соответствующие места в тексте (прямая речь, имя птицы - IX, 54) закавычены.

²⁵ Так в рукописи.

Пред томящей темнотою страха полон я стоял.
Мир фантастики, что смертным недоступен, мне предстал.
Темнота кругом царила беспредметности полна,
Ухо слово вдруг схватило – то шепнул "Ленора" я.
Еле слышное "Ленора" повторила темнота,
И охваченное мглою все исчезло без следа.

Жутко в комнате мне стало, голова моя пылала.
Слышу, вновь стучится кто-то посильнее, чем тогда.
"Несомненно, – тут сказал я, – стук тот слышится в окне,
Взглянем, кто там, чтоб сомненья все исчезли без следа.
Тише сердце, надо только не бояться никогда:
Ветер дует, как всегда".

Только приоткрыл я ставню, как в нее жеманно, плавно,
Важно влез огромный Ворон, ворон старых добрых лет.
На меня не кинув взгляда, без заминки, мерным шагом
Подойдя, взлетел на дверь, пересел на бюст Паллады
И уселся с строгим взглядом, с видом важного лица,
Точно там сидел всегда.

Птица черная невольно грусть рассеяла мою:
Так торжественно-суров мрачный был ее покров.
"Хоть твой хвост помят и тонок, – я сказал, – но ты не робок,
Страшный, старый, мрачный Ворон, заблудившийся в ночи.
Как зовут тебя, скажи мне, на Плутоновских водах?"
Ворон каркнул: "Никогда".

Поражен я был, как ясно Ворон грузный говорил –
Хоть ответ его не ясен – не вполне понятен был.
Разве может кто подумать из живущих на земле,
Видеть пред собой на двери иль на бюсте на стене
Птицу ль, зверя ль, говорящих без малейшего труда,
С странной кличкой – "Никогда".

Ворон все сидел понурясь, неподвижно, молча, хмурясь –
Точно в слове, что он молвил, все что мог, сказал он полно,
Не промолвил больше слова, ни пером не двинул черным,
Но – подумал я лишь только – дорогих ушло ведь столько,
Так и он исчезнет завтра, как надежды, без следа.
Он сказал вдруг: "Никогда".

Пораженный резким звуком, тишину прервавшим вдруг,
«Нет сомненья,- произнес я, – это все, что знает он,
Пойман он, знать, был беднягой, чьим несчастье было стягом,
Чьих надежд разбитых звон был как песня похорон,
Кто под бременем труда повторял одно всегда:
"Ничего и никогда"».

Ворон вызвал вновь улыбку – хоть тоска щемила грудь.
Кресло к двери я подвинул, сел и стал смотреть на бюст,
И на бархате подушек, растянувшись, размышлял,

Размышлял, что этот странный Ворон позабытых лет,
Что сей мрачный, неуклюжий, сухопарый и угрюмый Ворон,
что прожил века,
Говорит – под²⁶ "Никогда".

Так сидел я, размышляя, птицу молча наблюдая,
Глаз которой злой закал грудь насквозь мне прожигал.
Я глядел не отрываясь, голова моя склонялась
На подушек бархат мягкий средь лучей от лампы ярких,
Тот лиловый бархат мягкий, больше складок чьих она
Не коснется никогда.

Воздух вокруг меня сгустился, фимиам вдруг заструился,
Поступь ангелов небесных зазвучала на полу.
"Тварь, – я вскрикнул, – кем ты послан, с ангелами ль ты
подослан,
Отдыха дай мне, забвенья о Леноре, что ушла,
Дай упиться мне забвеньем, чтоб забыться навсегда".
Ворон каркнул: "Никогда".

"Вещий, – крикнул я, – зла вестник, птица ль ты или дух зла,
Искуситель ты иль сам ты за борт выброшен грозой,
Безнадежный, хоть бесстрашный, занесен в сей край пустой,
В дом сей, Ужасом томимый²⁷, о, скажи, молю тебя:
Можно ли найти забвенья в чаше полной – навсегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда".

"Вещий, – я вскричал, – зла вестник, птица ль ты или дух зла,
Заклинаю небесами, Богом, что над всеми нами,
Ты души, объята горем, не терзай, ты о Леноре
Мне скажи, смогу ль я встретить деву, что как дух чиста,
В небесах, куда бесспорно будет чистая взята?"
Ворон каркнул: "Никогда".

Я вскочил при этом слове, вскрикнув: "Птица или дух,
В мрак и вихрь подземной ночи ты сейчас же улетай,
Чтоб от лживых уст на память не осталось ни пера.
Мир тоски моей не трогай, с двери прочь ты улетай,
Клювом сердца не терзай мне, сгинь без всякого следа!"
Ворон каркнул: "Никогда".

С тех пор Ворон безнадежно все сидит, сидит недвижно
На Паллады бюсте бледном, что над дверью на стене.
Зло его сверкают очи, как у демона средь ночи,
Тень его под светом лампы пол собой весь заняла.
И душа моя под гнетом тени, что на пол легла,

²⁶ Так в рукописи (слово обведено карандашом, вероятнее всего как "неудачное"). «Говорит - под "Никогда"». Здесь: «Подразумевает [Ворон] под (словом) "Никогда"».

²⁷ В рукописи "томимой".

Не воспрянет – никогда.

Перевод Георгия Голохвастова (1936, опубл. 1938)²⁸

ВОРОН Эдгар Аллан Поэ

Раз, когда в ночи угрюмой я поник усталой думой
Средь томов науки древней, позабытой с давних пор,
И, почти уснув, качался, – вдруг чуть слышный звук раздался,
Словно кто-то в дверь стучался, в дверь, ведущую во двор.
«Это гость», пробормотал я, приподняв склоненный взор, –
«Поздний гость забрел во двор».

О, я живо помню это! Был декабрь. В золе согретой
Жар мерцал и в блеск паркета вкрапил призрачный узор.
Утра ждал я с нетерпением; тщетно жаждал я за чтением
Запастись из книг забвеньем и забыть Леноры взор:
Светлый, чудный друг, чье имя ныне славит райский хор,
Здесь – навек немой укор.

И печальный, смутный шорох, шорох шелка в пышных
шторах

Мне внушал зловещий ужас, незнакомый до сих пор,
Так, что сердца дрожь смиряя, выжидал я, повторяя:
«Это тихо ударяя, гость стучит, зайдя во двор,
Это робко ударяя, гость стучит, зайдя во двор:
Просто гость, и страх мой вздор»:

Наконец, окрепнув волей, я сказал, не медля боле:
«Не вмените сна мне, сударь иль сударыня, в укор.
Задремал я, – вот в чем дело! Вы ж стучали так несмело,
Так невнятно, что не смело сердце верить до сих пор,
Что я слышал стук!»: – и настежь распахнул я дверь во двор:
Там лишь тьма: Пустынен двор:

Ждал, дивясь я, в мрак впиваясь, сомневаясь, ужасаясь,
Грезя тем, чем смертный грезить не дерзал до этих пор.
Но молчала ночь однако; не дала мне тишь ни знака,
И лишь зов один среди мрака пробудил немой простор:
Это я шепнул: «Ленора!» Вслед шепнул ночной простор

²⁸ Георгий Владимирович Голохвастов (1882-1963) - поэт, переводчик. Основной поэт так называемой американской школы русской поэзии, объединявшей тех, кто перебрался в США еще в начале 20-х годов.

Опубликовано: Голохвастов Г. Ворон. Эдгар Аллан Поэ. Посвящаю Борису Аркадьевичу Завалишину. Декабрь 1936 г. Нью-Йорк // Р.С.Т.["рцы слово твердо"]. (Нью-Йорк), 1938. Март.

Судя по посвящению, перевод выполнен в 1936 г.

В переводе предпринята попытка и сохранить рифму на «-ор», имеющуюся в оригинале, и не пользоваться английским словом, как сделал это в свое время В. Жаботинский (и не он один).

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Тот же зов: и замер двор.

В дом вошел я. Сердце млело; все внутри во мне горело.
Вдруг, опять стучат несмело, чуть слышней, чем до сих пор.
«Ну», сказал я: «Верно ставней ветер бьет, и станет явней
Эта тайна в миг, когда в ней суть обследует мой взор:
Пусть на миг лишь стихнет сердце, и проникнет в тайну взор:
Это – стук оконных створ».

Распахнул окно теперь я, – и вошел, топорща перья,
Призрак старого поверья – крупный, черный Ворон гор.
Без поклона, шел он твердо, с видом лэди или лорда,
Он, взлетев, над дверью гордо сел, нахохлив свой вихор –
Сел на белый бюст Паллады, сел на бюст и острый взор
Устремил в меня в упор.

И пред черным гостем зыбко скорбь моя зажглась улыбкой:
Нес с такой осанкой чванной он свой траурный убор.
«Хоть в хохле твоём не густы что-то перья, – знать не трус
ты!»

Молвил я, – «но вещеустый, как тебя усопших хор
Величал в стране Плутона? Объявись!» – Тут Ворон гор:
«Никогда!» – сказал в упор.

Я весьма дивился, вчуже, слову птицы неуклюжей, –
Пусть и внес ответ несвязный мало смысла в разговор, –
Все-ж, не странно-ль? В мире целом был ли взыскан кто
уделом

Лицезреть на бюсте белом, над дверями – птицу гор?
И вступала-ль птица с кличкой «Никогда» до этих пор
С человеком в разговор?

Но на бюсте мертвооком, в отчужденье одиноком,
Сидя, Ворон слил, казалось, душу всю в один укор;
Больше слова не добавил, клювом перьев не оправил, –
Я шепнул: «Меня оставил круг друзей уж с давних пор;
Завтра он меня покинет, как надежд летучих хор:
«Никогда!» – он мне в отпор.

Поражен среди молчанья метким смыслом замечанья,
«На одно», – сказал я – «слово он, как видно, скор и спор, –
Жил с владельцем он, конечно, за которым бессердечно
Горе шло и гналось вечно, так что этот лишь укор
Знал бедняк при отпеваньи всех надежд, – и Ворон-вор
«Никогда» твердит с тех пор.

Вновь пред черным гостем зыбко скорбь моя зажглась
улыбкой.

Двинув кресло ближе к двери, к бюсту, к черной птице гор,
В мягкий бархат сел тогда я, и, мечту с мечтой сплетая,
Предавался снам, гадая: «Что-ж сулил мне до сих пор
Этот древний, черный, мрачный, жуткий Ворон, призрак гор,

«Никогда» твердя в упор?

Так сидел я полн раздумья, ни полсловом тайных дум я
Не открыл пред черной птицей, в душу мне вперившей взор.
И в догадке за догадкой, я о многом грезил сладко:
Лампы свет ласкал украдкой гладкий бархатный узор, –
Но, увы! на бархат мягкий не приляжет та, чей взор
Здесь – навек немой укор.

Вдруг, поплыли волны дыма от кадила серафима;
Легкий ангел шел незримо: «Верь, несчастный! С этих пор
Бог твой внял твою молень: Шлет он с ангелом спасенье –
Отдых, отдых и забвенье, чтоб забыть Леноры взор!:
Пей, о, пей же дар забвения и забудь Леноры взор!»
«Никогда!» – был приговор.

«Вестник зла!» – привстал я в кресле, – «кто-б ты ни был,
птица ль, бес-ли,
Послан ты врагом небес-ли, иль грозою сброшен с гор,
Нелюдимый дух крылатый, в наш пустынный край заклый,
В дом мой, ужасом объятый, – о, скажи мне, призрак гор:
Обрету-ль бальзам, суленый Галаадом с давних пор?»
«Никогда!» – был приговор.

«Вестник зла!» – молил я, – «если ты пророк, будь птица-ль,
бес-ли,
Ради неба, ради Бога, изреки свой приговор
Для души тоской спаленной: в райской сени отдаленной
Я святой и просветленной девы встречу-ль ясный взор, –
Той, кого зовет Ленорой чистых ангелов собор?:»
«Никогда!» – был приговор.

«Будь последним крик твой дикий, птица-ль дух ли
птицеликий!
Сгинь! Вернись во мрак великий, в ад, где жил ты до сих пор!
Черных перьев лжи залогом здесь не скинь, и снова в строгом,
В одиночестве убогом дай мне жить, как до сих пор:
Вынь свой жгучий клюв из сердца! Скройся с бюста, призрак
гор!
«Никогда!» – был приговор.

И недвижим страшный Ворон все сидит, сидит с тех пор он,
Там, где белый бюст Паллады вдаль вперяет мертвый взор:
Он не спит: он грезит, точно демон грезой полночной:
В свете лампы одиночной тень от птицы мучит взор:
И вовек из этой тени не уйти душе с тех пор:
«Никогда!» – мне приговор.

ПЕРЕВОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1946-1976)

Перевод Александра Оленич-Гнененко (1946)²⁹

Из Эдгара По Ворон

В полночь странную и злую, вопрошая тьму немую,
Я искал в старинных книгах исцеленья своего.
В полусне клонясь все ниже, вдруг я чей-то стук услышал –
Не могло быть звука тише; но услышал я его.
"Это гость, – сказал я глухо, – это робкий стук его:
Гость – и больше ничего!"

О, теперь я вспомнил ясно, это был Декабрь ненастный.
И бросали на пол угли призрак тленья своего.
Я рассвета жаждал страстно. Книги я пытал напрасно.
Как забыть удар ужасный? – и Ленора – смысл его.
Это имя – произносят в небе ангелы его –
Здесь не тронет никого.

Шелестящий и печальный шорох шелка погребальный...
Стынет страх в багряных шторах: не уйти мне от него!
Трепет сердца умеряя, все стоял я, повторяя:
"Это гость стучит, – я знаю, – здесь, у входа моего.
Поздний гость стучит, – я знаю, – здесь, у входа моего:
Гость – и больше ничего!"

Подавил я содроганье и сказал без колебанья:
"Кто б там ни был, гость иль гостья: не сердитесь оттого,
Что устал я, задремал я и немного опоздал я
Отворить вам, – так сказал я, – двери дома моего.
Я прошу вас: проходите в двери дома моего..."
Тьма – и больше ничего!

Я смотрел во мрак морозный, скован страхом, в странных
грезях.

И еще никто из смертных так не грезил до того.
Но во мраке все немело, тишина оцепенела,
Только слово прозвенело – и "Ленора?" – смысл его.
Имя я шепнул, и эхо, бормоча, двоит его:
Эхо – больше ничего!

И, к столу вернувшись снова, весь зажженный этим словом,
Вскоре я опять услышал стук, сильнее чем до того.
"Верно, – я воскликнул, – верно, бьет о раму ставень мерно.

²⁹ Александр Павлович Оленич-Гнененко (1893-1963) - поэт, прозаик, переводчик.
Опубликовано: Оленич-Гнененко А. Из Эдгара По. Ворон // Дон: Литературно-художественный альманах.
Ростов н/Д, 1946. Кн. 2(4). С. 118-120.
Подпись: Александр Оленич-Гнененко.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

К ночи он прикрыт был скверно: в этом – ключ и смысл всего.
Сердце, тише! То лишь ветер, в этом – ключ и смысл всего:
Ветер – больше ничего!"

Но едва открыл я ставень, появился величавый
Ворон дней давно минувших: лорд иль леди – вид его.
Поклониться не хотел он, надо мною пролетел он,
Сел на бюст Паллады белый, став мрачнее оттого,
Важно сел на бюст Паллады, став мрачнее оттого:
Сел – и больше ничего!

Сел он – и не шевельнулся. Я невольно улыбнулся:
Слишком сделался надменным черной птицы вид тогда.
"Пусть хохол твой брит и стрижен, ты не трус, я это вижу,
Я прошу спуститься ниже, гость из стран, где Ночь всегда,
И скажи мне, что за имя носишь там, где Ночь всегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

И ответ прямой и ясный древней птицы безобразной
Поразил меня: ведь в сердце входят ночью без труда
Смутный страх и недоверье, если птицы или звери,
С бюста бледного над дверью, как бывает иногда, –
На вопрос: "Как ваше имя?" отвечают иногда
Станным словом: "Никогда!"

В размышлении глубоком дремлет Ворон одинокий.
Произнес одно он слово – слово мрачного суда, –
Будто в нем всю душу вылил, и его не дрогнут крылья.
Но лишь я шепнул в бессилье: "Лучший друг ушел туда,
Так ионе зарей исчезнет, как Надежда, без следа", –
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Изумленный совпаденьем, я воскликнул: "Нет сомненья! –
Он одно запомнил слово, заучив его, когда
Птицы той хозяин прежний в океане бед безбрежном
Пел свой реквием надеждам, знал один рефрен всегда:
Не окончатся мученья – был один рефрен всегда –
Никогда, о, никогда!"

И за черной тенью зыбкой снова я слежу с улыбкой.
Кресло к птице, к бюсту, к двери повернув, – лицом туда, –
В мягкой ткани утопая, грезу с грезой сочетая,
Я о вестнике гадаю дней, ушедших без следа,
Что скрывает хмурый Ворон дней, ушедших без следа,
В этом хриплом: "Никогда"?"

Так гадая наудачу, я не спорил с птицей мрачной
(В блеске глаз ее упорных скрыта тайная беда).
В грезах голову я свесил на лиловый бархат кресел.
Сна и яви странной смесью лампа льет свой свет сюда.
Я с тоской Ленору вспомнил: не придет она сюда
Никогда, о, никогда!

Тихий звон – и сладким дымом из курильницы незримой,
Что колеблют серафимы, с высоты сойдя сюда,
Грудь наполнилась. Несчастный! Хочет небо – это ясно! –
Утолить огонь ужасный. Пей – забудешь все тогда!
Пей, о, пей забвенья сладость -нее забудь тогда!
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"О, пророк! О, вестник злобный! – птице ль, дьяволу ль
подобный! –
Ад послал тебя иль с бурей занесло дыханье льда?
Одинокий и мятежный, в доме ужасов нездешних
Мне скажи: есть ранам свежим исцеленье навсегда?
Будет, будет ли утешен грешный дух мой навсегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"О, пророк! О, вестник злобный! – птице ль, дьяволу ль
подобный! –
Небом, что мы чтим с тобою, сердцем, что гнетет беда,
Я прошу – ответь: могила мне вернет ли образ милый,
Чтоб любовь соединила с н е й в объятых, как тогда, –
С ней, которая Ленорой на земле звалась тогда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Пусть же это заклинанье станет знаком расставанья!
Враг иль птица! Прочь отсюда – в Ночь и в Бурю навсегда!
Перья черные – примету лжи коварно-мрачной этой
Унеси ты до рассвета! Прочь отсюда без следа!
Вынь свой клюв из раны сердца! Прочь отсюда без следа!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Черный Ворон, странный видом, все сидит он, все сидит он,
Не покинет бюст Паллады, словно слит с ним навсегда,
И глаза его мерцают (так лишь демоны мечтают!).
Лампа на пол тень роняет, тень его, что так густа.
И душе моей из тени, тени злой, что так густа,
Не подняться – никогда!

Перевод Михаила Зенкевича (1946)³⁰

Эдгар По Ворон

³⁰ Михаил Александрович Зенкевич (1886-1973) - поэт, переводчик.
Опубликовано: Зенкевич М. Эдгар По. Ворон // Зенкевич Мих. Из американских поэтов. М.: Гос. изд. худож.
лит. [ОГИЗ], 1946. С. 25-28.

Под текстом приписка "Напечатано в 1845 г."
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного,
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
Будто глухо так затукал в двери дома моего.
"Гость, -сказал я, -там стучится в двери дома моего.
Гость-и больше ничего".

Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме ангелы зовут Линор, –
Безыменной здесь с тех пор.

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
"Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость-и больше ничего".

И, оправясь от испуга, гостя встретил я, как друга.
"Извините, сэры иль леди, -я приветствовал его, –
Задремал я здесь от скуки, и так тихи были звуки,
Так неслышны ваши стуки в двери дома моего,
Что я вас едва услышал", -дверь открыл я: никого,
Тьма-и больше ничего.

Тьмой полночной окруженный, так стоял я. погруженный
В грезы, что еще не снились никому до этих пор;
Тщетно ждал я так, однако тьма мне не давала знака,
Слово лишь одно из мрака донеслось ко мне: "Линор!"
Это я шепнул, и эхо прошептало мне: "Линор!"
Прошептало, как укор.

В скорби жгучей о потере я захлопнул плотно двери
И слышал стук такой же, но отчетливей того.
"Это тот же стук недавний, – я сказал, -в окно за ставней,
Ветер воет неспроста в ней у окошка моего,
Это ветер стукнул ставней у окошка моего, –
Ветер – больше ничего".

Только приоткрыл я ставни – вышел Ворон стародавний,
Шумно оправляя траур оперенья своего;
Без поклона, важно, гордо, выступил он чинно, твердо;
С видом леди или лорда у порога моего,
Над дверьми на бюст Паллады у порога моего
Сел-и больше ничего.

И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале,
Видя важность черной птицы, чопорный ее задор,
Я сказал: "Твой вид задорен, твой хохол облезлый черен,

О зловещий древний Ворон, там, где мрак Плутон простер,
Как ты гордо назывался там, где мрак Плутон простер?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Выкрик птицы неуклюжей на меня повеял стужей,
Хоть ответ ее без смысла, невпопад, был явный вздор;
Ведь должны все согласиться, вряд ли может так случиться,
Чтобы в полночь села птица, вылетевши из-за штор,
Вдруг на бюст над дверью села, вылетевши из-за штор,
Птица с кличкой "Nevermore".

Ворон же сидел на бюсте, словно этим словом грусти
Душу всю свою излил он навсегда в ночной простор.
Он сидел, свой клюв сомкнувши, ни пером не шелохнувши,
И шептал я, вдруг вздохнувши: "Как друзья с недавних пор,
Завтра он меня покинет, как надежды с этих пор".
Каркнул Ворон: "Nevermore".

При ответе столь удачном вздрогнул я в затишьи мрачном.
И сказал я: "Несомненно, затвердил он с давних пор,
Перенял он это слово от хозяина такого,
Кто под гнетом рока злого слышал, словно приговор,
Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
Слышал в этом "Nevermore".

И с улыбкой, как вначале, я, очнувшись от печали,
Кресло к Ворону подвинул, глядя на него в упор,
Сел на бархате лиловом в размышлении суровом,
Что хотел сказать тем словом ворон, вещий с давних пор,
Что пророчил мне угрюмо Ворон, вещий с давних пор,
Хриплым карком: "Nevermore".

Так, в полудремоте краткой, размышляя над загадкой,
Чувствуя, как Ворон в сердце мне вонзал горящий взор,
Тусклой люстрой освещенный, головою утомленной
Я хотел склониться, сонный, на подушку на узор,
Ах, она здесь не склонится на подушку на узор
Никогда, о nevermore!

Мне казалось, что незримо заструились клубы дыма
И ступили серафимы в фимиаме на ковер.
Я воскликнул: "О несчастный, это Бог от муки страстной
Шлет непентес – исцеленье от любви твоей к Линор!
Пей непентес, пей забвенья и забудь свою Линор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

Я воскликнул: "Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Дьявол ли тебя направил, буря ль из подземных нор
Занесла тебя под крышу, где я древний Ужас слышу,
Мне скажи, дано ль мне свыше там, у Галаадских гор,
Обрести бальзам от муки, там, у Галаадских гор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

Я воскликнул: "Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Если только бог над нами свод небесный распростер,
Мне скажи: душа, что бремя скорби здесь несет со всеми,
Там обнимет ли, в Эдеме, лучезарную Линор –
Ту святую, что в Эдеме ангелы зовут Линор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

"Это знак, чтоб ты оставил дом мой, птица или дьявол! –
Я, вскочив, воскликнул: – С бурей уносишь в ночной простор,
Не оставив здесь, однако, черного пера. как знака
Лжи. что ты принес из мрака! С бюста траурный убор
Скинь и клюв твой вынь из сердца! Прочь лети в ночной
простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер.
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о, nevermore!

Перевод Павла Лыжина (1952, опубл. 2003)³¹

Эдгар Аллэн По Ворон

Как-то полночью ненастной я над книгой старых дней,
Книгой странной и неясной утомленно забывался,
Головой слегка качая, сонной головой моей.
Вдруг, безмолвье нарушая, стук, невнятный стук раздался.
"Это гость, – сказал я тихо, – у порога моего;
Гость и больше ничего".

Был декабрь, еще поныне помню это. На полу

³¹ Павел Петрович Лыжин (1896-1969) - поэт, прозаик, переводчик.

Электронная публикация 2003 г.: Лыжин П. Эдгар Аллан По (1809-1849). Ворон // Toronto Slavic Quarterly: University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies, N 7 // <http://www.utoronto.ca/tsq/07/luzhin07.shtml>.

Публикация В. Резвого. Под заголовком "Павел Лыжин (1896-1969). Неизданные переводы на русский из Эдгара Аллана По, Шарля Бодлера и Райнера Марии Рильке".

[Рукопись]: Эдгар Аллэн По. 1809-1849. Ворон: Беловой автограф // РО Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ (Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-10).

Подпись: Перевод и рисунки П.Л. [Павла Лыжина]. Прага, 1952 г.

Воспроизведено по беловому автографу. Особенностью автографа является оформление: своеобразная каллиграфия и сопроводительные рисунки (Тушь. Акварель. Цветной карандаш). В сетевой публикации 2003 г. есть некоторые неточности. В настоящей публикации описки и ошибки, встречающиеся в рукописи, исправлены (соответствующие места оговорены в Примечаниях). Авторская пунктуация соблюдена во всех случаях, где это было возможно.

Тени дров, истлев в камине, будто призраки дрожали.
Ждал рассвета я понуро, погруженный в полумглу.
Ждал я ту, что "там" Ленорой сонмы ангелов прозвали,
Но не властью книги мудрой возвратить любви года...
Все исчезло навсегда.

Штор пурпурных сонный лепет наводил лишь грусть и жуть;
Непостижный, темный лепет, мне неведомый доселе,
И, пытаясь сердца муку успокоить как-нибудь,
Повторял я через силы, повторял я еле-еле:
"Это, видно, гость стучится у порога моего;
Гость и больше ничего".

Ожидать не в силах доле, холодея и дрожа,
Я собрал остатки воли, молвя тихо: "Извините,
Умоляю, извините, господин иль госпожа;
Я дремал и еле слышал, как тихонько вы стучите".
Дверь открыл я, и застыл я у порога моего:
Тьма и больше ничего.

Полн тревоги и сомнений, полн неизречимых дум,
Будто в царстве сновидений, ночи я ловил дыханье –
То, чего постичь не смеет жалкий человеческий ум.
Тихим шепотом³²: "Ленора!" – я дрожа прервал молчанье.
Мне ответом был: "Ленора!" – отзвук зова моего;
Эхо – больше ничего.

Я к камину возвратился. Снова вспыхнула душа.
Стук яснее повторился. "Эту тайну я открою;
За окном там кто-то бродит, – думал я едва дыша, –
Лишь бы сердце тише билось... Эту тайну я открою;
За окном иль у порога, у порога моего
Ветер – больше ничего".

Я окно открыл широко, старой ставней загремел,
И ко мне в мгновенье ока (что за ужас! что за диво!)
Ворон, ворон дней минувших неожиданно влетел,
С миной лорда или леди³³. Без поклона, неучтиво
Он вспорхнул на бюст Паллады (ясно видел я его),
Сел – и больше ничего.

И с улыбкою печальной перед черной птицей сей:
"Ты не трус, о, гость фатальный! О, облезлое создание!
Не из царства ли Плутона залетел ты? – Так открой
Мне теперь, о, призрак-ворон, благородное прозвание,
Что ты носишь в царстве Ночи", – я шепнул, потупя взор.
Каркнул ворон: "Nevermore!"

³² В рукописи вышедший из употребления вариант "шопотом".

³³ В рукописи "лэди".

Хоть в ответе птицы вещей смысла я не разгадал,
Но эмблемою зловещей был смущен и озадачен;
Кто из смертных, о, скажите, наяву хоть раз слышал,
Как на бюсте каркал ворон – черен, и угрюм, и мрачен?
Столь гнетущий призрак птичий кто видал до этих пор
С жуткой кличкой "Nevermore"?

Лишь одно, одно лишь слово ворон с бюста прокричал
И замолк угрюмо снова, дух смутив тоскою странной.
Он сидел, пером не дрогнув, неподвижно и молчал.
Я шепнул: "Друзья, надежды отлетели. Гость незванный"³⁴
Отлетит, быть может, завтра вслед³⁵ за ними навсегда".
Каркнул ворон: "Никогда!"

Вздрогнул я: «Иль это чары полуночи роковой?
Видимо, хозяин старый сей залетной черной птицы,
Сам гонимый темным Роком, сам снедаемый тоской,
Научил ее рефрену! Все лишь гиль и небылицы!
И рефрен тот лишь безумный, скучный, похоронный вздор:
"Никогда" иль "Nevermore"».

С бархатной подушкой алой кресло к бюсту у дверей,
Бледный, до смерти усталый, пододвинул я украдкой,
Размышляя перед дряхлой, тощей, лысой птицей сей
С темным языком авгура. Иль под вещью загадкой
Горе новое таится, скрыта новая беда? –
"Nevermore" иль "Никогда".

Так сидел я, размышляя в полуночной тишине,
Уж вопросом не пытая старой птицы той, чьи очи
Ярким пламенем зарделись, прожигая душу мне.
Тихо глядя бархат алый, я другие вспомнил ночи...
Но Она подушки этой, как в минувшие года,
Не коснется никогда!

А потом так дивно было: воздух будто задрожал,
Словно ангелы кадила чуть звенящие качали
И курили фимиамы. Я к душе своей воззвал³⁶:
"О, вдыхай тимьян небесный! Позабудь юдоль печали
И утраченной Леноры неземной, лучистый взор!"
Каркнул ворон: "Nevermore!"

Полный вновь своей утраты, вскрикнул я: "Ответь, пророк,
Птица или бес проклятый! Там средь звезд, в лазурной дали,

³⁴ В рукописи "незванный".

³⁵ В рукописи "всел".

³⁶ В рукописи "возвал".

Встретить ли мне Рок дозволит, беспощадный, темный Рок,
Ту, что ангелы на небе светлым нимбом увенчали?
Поцелую ль я Ленору, Рай обретши навсегда?"
Каркнул ворон: "Никогда!"

Я вскочил, вопя: "Убийца, птица или демон – прочь!
Вынь из сердца, кровопийца³⁷, клюв сверлящий, клюв
упорный!
О, покинь сей бюст Паллады; отлети в глухую ночь,
В царство мрачного Плутона! О, рассыпся³⁸, призрак
черный!
Сгинь средь берегов туманных, средь заклых адских гор!"
Каркнул ворон: "Nevermore!"

Он не двинулся; безмолвно, будто в думы погружен,
До сих пор царит он, словно украшая бюст Паллады.
И при свете лампы бледной тень отбрасывает он;
Тень на землю, тень на душу, тень на бывшие отрады,
И душе, душе бессильной, как в минувшие года,
Не взлететь³⁹ уж никогда.

Перевод Виктора Василенко (не позже 1956, опубл. 1976)⁴⁰

Эдгар Аллан По Ворон

Как-то полночью глубокой размышлял я одиноко
Над старинным фолиантом – над преданьем давних лет,
И охваченный дремотой, стук услышал, но отчета
Дать не мог: стучится кто-то, увидав в окошке свет.
"Гость, – промолвил я, – стучится в дверь мою, завидев свет, –
Ничего другого нет!"

Вспоминаю все я снова. Это был декабрь суровый
И поленьев блеск багровый тускло падал на паркет.
Тщетно ждал зари рожденья, в книгах не найдя забвенья.
Я хотел забыть Линору – ранней молодости свет!

³⁷ В рукописи "кровопийца".

³⁸ В рукописи "рассыпся".

³⁹ В рукописи "влететь".

⁴⁰ Виктор Михайлович Василенко (1905–1991) - доктор искусствоведения, поэт.
Опубликовано: Василенко В.М. Эдгар Аллан По. Ворон // Тетради переводчика / Под ред. Л.С. Бархударова.
М.: Междунар. отношения, 1976. Вып. 13. С. 34-37.
По сведениям, перевод выполнен не позже 1956 г.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Ангелы зовут Линорой – деву, свет ушедших лет.
В мире имени ей нет!

Шорох шелковый, не резкий, алой, легкой занавески
Наполнял безмерно страхом, погружая в смутный бред!
Сердце бедное смиряя, все стоял я, повторяя:
"То, наверно, гость, блуждая, ищет дверь? Кто даст ответ?
Гость, доселе незнакомый, в дверь стучится? Где ответ?
Только он, другого нет!"

И душа окрепла сразу. Не колеблясь уж ни разу,
"Сэр, – я молвил, – или леди, извинения мне нет!
Засыпал я, вы не знали, слишком слабо вы вначале,
Слабо в дверь мою стучали. Но, заслышав вас, в ответ
Двери распахнул широко, распахнул я их в ответ:
Только тьма, иного нет!"

Окруженный мглою ночи, напрягал я тщетно очи,
Грезил. Грез таких доньше никогда не видел свет.
Недоступен мрак был взору. Из безмолвного простора
Слово лишь одно "Линора" долетело как привет.
Я ли прошептал: "Линора"? Эхо ль донесло ответ?
Ничего другого нет!

В комнату с душой горячей я вернулся, и стучащий
Звук раздался: был сильней он, громче, и в ответ
Я промолвил: "Окон раму ветер трогает упрямо,
Посмотрю я и увижу, разгадаю я секрет.
Успокоюсь я немного и узнаю, в чем секрет?
Ветер это или нет?"

Ставню я раскрыл с усилием и, подняв высоко крылья,
В комнату вошел степенно Ворон, живший сотню лет.
Мне не оказав почтения, он прошел без промедленья,
И на бюст Паллады сел он, тенью смутною одет,
Сел на бюст над самой дверью, сумраком полуодет,
Вверх взлетел, другого нет.

Важен был, собой доволен. Улыбнуться поневоле
Он заставил, хоть грустил я, утомлен чредою бед.
И ему сказал нестрого: "Ворон, севший у порога,
Ты оставил царство Ночи, прилетев сюда на свет.
Как ты звался у Плутона, прежде чем увидел свет?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

Удивился я ответу, что я мог сказать на это?
Понимал я: в слове странном никакого смысла нет.
Человеку не случалось, до сих пор не доводилось
Видеть птицу, чтоб садилась в комнате, как вестник бед,
Птицу-зверя, здесь на бюсте и в жилище тенью бед,
С именем "Возврата нет!"

Одинок, печален был он, лишь одно произносил он!
Душу вкладывал всецело в каждый странный свой ответ.
Слова он не знал другого. Крылья он сложил сурово.
Я шепнул: "Друзья, надежды – все ушли, пропал и след,
Ну а ты сюда вернешься, лишь ко мне придет расвет?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

И хотя ответ был мрачен – удивительно удачен,
Я сказал: "Одно запомнил, что узнал он в доме бед,
У гонимого судьбою заучил он это слово.
Неудачи и невзгоды были спутниками лет,
И в печальные напевы смысл проник за много лет,
Горький смысл: "Возврата нет!"

Я невольно улыбнулся, и к нему я повернулся,
Кресло к двери пододвинул, где скрывался мой сосед.
Я на бархат опустился и в раздумье погрузился,
Спрашивал: зачем явился он, свидетель прошлых лет?
Что в пророчестве суровом он принес из мрака лет,
Каркая: "Возврата нет!"

Погружен в свои догадки, на него смотрел украдкой,
И душе моей молчавшей страшен глаз его был свет.
Думал, к бархату склоненный, лампой ночи освещенный,
Никогда здесь озаренный не увижу силуэт,
Здесь, на бархате, ни разу не увижу силуэт:
Умершим возврата нет!

Мне почудилось дыханье ароматное, шуршанье
Ангельских шагов во мраке, на ковре их легкий след.
Я воскликнул: "Бог, наверно, посылает мне спасенье?
Получу я утешенье после стольких горьких лет?
Позабуду я Линору, спутницу минувших лет!"
Каркнул он: "Возврата нет!"

Я вскричал: "О Ворон вещей! Ты, быть может, дух зловещий?
Занесен ты Сатаною или бурей? Дай ответ!
В этой горестной пустыне, в доме, данном мне отныне,
Слышу ужас, но увидев Галаадских гор хребет,
Обрету ль бальзам желанный, где бессмертных гор хребет?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

"Птица ты иль дух, не знаю! Но тебя я заклинаю
Господом, пред кем склонил я сердце, небом всех планет!
Мне ответь: "Верну ли снова деву райского простора,
Ту, кого зовут Линорой ангелы среди бесед?
Имя чье в садах Эдема в звуке ангельских бесед?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

"Словом этим заклеянный, птица! Дьявол! В мир Плутона,
Закричал я, – в бурю возвратись, покинь наш свет!

Не оставь пера, однако, лжи своей безмерной знака,
Что сюда принес из мрака. Удались, сгинь, словно бред!
Вынь из сердца клюв – и радость обрету, забыв твой бред!"
Каркнул он: "Возврата нет!"

Черные не дрогнут перья. Он сидит, сидит над дверью,
На Палладе молчаливо, неизменный мой сосед.
И глазами между тем он все глядит, глядит, как демон:
И грозит как будто всем он! Тень ложится на паркет,
И душе моей из тени, что ложится на паркет,
В прежний мир – возврата нет!

Перевод Нины Воронель (1956, опубл. 2001)⁴¹

Эдгар Аллен По ВОРОН

Окна сумраком повиты... Я, усталый и разбитый,
Размышлял над позабытой мудростью старинных книг;
Вдруг раздался слабый шорох, тени дрогнули на шторах,
И на сумрачных узорах заметался светлый блик, –
Будто кто-то очень робко постучался в этот миг,
Постучался и затих.

Ах, я помню очень ясно: плыл в дожде декабрь ненастный,
И пытался я напрасно задержать мгновений бег;
Я со страхом ждал рассвета: в мудрых книгах нет ответа,
Нет спасенья, нет забвенья, – беззащитен человек, –
Нет мне счастья без Леноры, словно сотканной из света
И потерянной навек.

Темных штор неясный шепот, шелестящий смутный ропот,
Шепот, ропот торопливый дрожью комкал мыслей нить,
И стараясь успокоить сердце, сжатое тоскою,
Говорил я сам с собою: "Кто же это может быть?
Это просто гость нежданный просит двери отворить, –
Кто еще там может быть?"

Плед оставив на диване, дверь открыл я со словами:
"Виноват я перед вами – дверь входная заперта,
Но так тихо вы стучали, не поверил я вначале
И подумал: – Гость? Едва ли. Просто ветра маята..."

⁴¹ Нина Абрамовна Воронель (р. 1932) - поэт, прозаик, драматург, переводчик.
Опубликовано: Воронель Н. Ворон // Воронель Н. Ворон: Избранные переводы. М.; Иерусалим: "Меркур",
2001. С. 32-35.

[Под рубрикой "Эдгар Аллен По"].

По свидетельству автора, перевод выполнен в 1956 г.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Но в глаза мне из-за двери заглянула темнота,
Темнота и пустота.

Тихо-тихо в царстве ночи... Только дождь в листве бормочет,
Только сердце все не хочет подчиниться тишине,
Только сердцу нет покоя: сердце слушает с тоскою,
Как холодною рукою дождь колотит по стене;
Только я шепчу: "Ленора!", только эхо вторит мне,
Только эхо в тишине.

Я вернулся в сумрак странный, бледной свечкой осиянный,
И опять мой гость незванный дробно застучал в окно...
Снова дождь запел осенний, снова задрожали тени, –
Хоть на несколько мгновений сердце замолчать должно:
"Это ветер, просто ветер, дождь и ветер заодно, –
Бьют крылом ко мне в окно!"

Я рывком отдернул штору: там, за капельным узором
Величавый черный Ворон появился на окне.
Не спросивши разрешенья, он влетел в мои владенья,
Скомкал тени без стесненья, смазал блики на стене,
Сел на бледный бюст Паллады, не сказав ни слова мне,
Сел и замер в тишине.

Позабыв, что сердцу больно, я следил, смеясь невольно,
Как мой гость самодовольно в дом ворвался без стыда;
Я спросил: "Как величали вас в обители печали,
Где блуждали вы ночами, прежде чем попасть сюда?
Там, в великом Царстве Ночи, где покой и мрак всегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Этот возглас непонятный, неуклюжий, но занятный,
Канул, хриплый и невнятный, не оставив и следа...
Как же мог я примириться с тем, что в дом влетела птица,
Удивительная птица по прозванию "Никогда",
И сидит на бледном бюсте, где струится, как вода,
Светлых бликов чехарда.

Странный гость мой замер снова, одиноко и сурово,
Не добавил он ни слова, не сказал ни "Нет", ни "Да";
Я вздохнул: "Когда-то прежде отворял я дверь Надежде,
Ей пришлось со мной проститься, чтобы скрыться в Никуда...
Завтра, птица, как Надежда, улетишь ты навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Вздрогнул я, – что это значит? Он смеется или плачет?
Он, коварный, не иначе, лишь затем влетел сюда,
Чтоб дразнить меня со смехом, повторяя хриплым эхом
Свой припев неумолимый, нестерпимый, как беда.
Видно, от своих хозяев затвердил он без труда
Стон печальный "Никогда!"

Нет, дразнить меня не мог он: так промок он, так продрог он...

Стал бы он чужой тревогой упиваться без стыда?
Был врагом он или другом? – Догорал в камине уголь...
Я забился в дальний угол, словно ждал его суда:
Что он хочет напророчить на грядущие года
Хриплым стоном "Никогда!"?

Он молчанья не нарушил, но глядел мне прямо в душу,
Он глядел мне прямо в душу, словно звал меня – куда?
В ожидании ответа я следил, как в пляске света
Тени мечутся в смятенье, исчезая без следа...
Ах, а ей подушки этой, где трепещут искры света,
Не коснуться никогда!

Вдруг, ночную тьму сметая, то ли взмыла птичья стая,
То ли ангел, пролетая, в ночь закинул невода...
"Ты мучитель! – закричал я. – Тешишься моей печалью!
Чтоб терзать меня молчаньем, Бог послал тебя сюда!
Сжался, дай забыть, не думать об ушедшей навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Кто ты? Птица или дьявол? Кто послал тебя, – лукавый?
Гость зловещий, Ворон вещий, кто послал тебя сюда?
Что ж, разрушь мой мир бессонный, мир, тоской
опустошенный,
Где звенит зловещим звоном беспощадная беда,
Но скажи, я умоляю! – в жизни есть забвенье, да?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Птица-демон, птица-небыль! Заклинаю светлым небом,
Светлым раем заклинаю! Всем святым, что Бог нам дал,
Отвечай, я жду ответа: там, вдали от мира где-то,
С нею, сотканной из света, ждать ли встречи хоть тогда,
Хоть тогда, когда прервется дней унылых череда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Хватит! Замолчи! Не надо! Уходи, исчадь ада,
В мрак, где не дарит отрадой ни единая звезда!
Уходи своей дорогой, не терзай пустой тревогой:
Слишком мало, слишком много ты надежд принес сюда.
Вырви клюв из раны сердца и исчезни навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Никогда не улетит он, все сидит он, все сидит он,
Словно сумраком повитый, там, где дремлет темнота...
Только бледный свет струится, тень тревожно шевелится,
Дремлет птица, свет струится, как прозрачная вода...
И душе моей измятой, брошенной на половицы,
Не подняться, не подняться,
Не подняться никогда!

Перевод Василия Бетаки (1960, опубл. 1972)⁴²

Эдгар Аллан По ВОРОН

Мрачной полночью бессонной, беспредельно утомленный,
В книги древние вникал я и, стремясь постичь их суть,
Над старинным странным томом задремал, и вдруг сквозь
дрему

Стук неожиданный в двери дома мне почудился чуть-чуть.
"Это кто-то, – прошептал я, – хочет в гости заглянуть,
Просто в гости кто-нибудь!"

Так отчетливо я помню – был декабрь, глухой и темный,
И камин не смел в лицо мне алым отсветом сверкнуть,
Я с тревогой ждал рассвета: в книгах не было ответа,
Как на свете жить без света той, кого уж не вернуть,
Без Линор, чье имя мог бы только ангел мне шепнуть
В небесах когда-нибудь.

Шелковое колыханье, шторы пурпурной шуршанье
Страх внушало, сердце сжало, и, чтоб страх с души стряхнуть,
Стук в груди едва ум еря, повторял я, сам не веря:
Кто-то там стучится в двери, хочет в гости заглянуть,
Поздно так стучится в двери, видно, хочет заглянуть
Просто в гости кто-нибудь.

Молча вслушавшись в молчанье, я сказал без колебанья:
"Леди или сэр, простите, но случилось мне вздремнуть,
Не расслышал я вначале, так вы тихо постучали,
Так вы робко постучали..." И решился я взглянуть,
Распахнул пошире двери, чтобы выйти и взглянуть, –
Тьма, – и хоть бы кто-нибудь!

Я стоял, во мрак вперяясь, грезам странным предаваясь,
Так мечтать наш смертный разум никогда не мог дерзнуть,
А немая ночь молчала, тишина не отвечала,
Только слово прозвучало – кто мне мог его шепнуть?
Я сказал "Линор" – и эхо мне ответ могло шепнуть...
Эхо – или кто-нибудь?

Я в смятенье оглянулся, дверь закрыл и в дом вернулся,
Стук неясный повторился, но теперь ясней чуть-чуть.

⁴² Василий Павлович Бетаки (р. 1930) - поэт, переводчик, радиожурналист, историк архитектуры. Опубликовано: Бетаки В. Ворон // По Э.А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 1. С. 59-62.

По свидетельству автора (подтверждено косвенными данными) перевод выполнен в 1960 г. Воспроизведено по тексту первой публикации.

И сказал себе тогда я: "А, теперь я понимаю:
Это ветер, налетая, хочет ставни распахнуть,
Ну конечно, это ветер хочет ставни распахнуть...
Ветер – или кто-нибудь?"

Но едва окно открыл я, – вдруг, расправив гордо крылья,
Перья черные взъероша и выпячивая грудь,
Шагом вышел из-за штор он, с видом лорда древний ворон,
И, наверно, счел за вздор он в знак приветствия кивнуть,
Он взлетел на бюст Паллады, сел и мне забыл кивнуть,
Сел – и хоть бы что-нибудь!

В перья черные разряжен, так он мрачен был и важен!
Я невольно улыбнулся, хоть тоска сжимала грудь:
"Право, ты невзрачен с виду, но не дашь себя в обиду,
Древний ворон из Аида, совершивший мрачный путь.
Ты скажи мне, как ты звался там, откуда держишь путь?"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

Я не мог не удивиться, что услышал вдруг от птицы
Человеческое слово, хоть не понял, в чем тут суть,
Но поверят все, пожалуй, что обычного тут мало:
Где, когда еще бывало, кто слышал когда-нибудь,
Чтобы в комнате над дверью ворон сел когда-нибудь,
Ворон с кличкой "Не вернуть"?

Словно душу в это слово всю вложив, он замер снова,
Чтоб опять молчать сурово и пером не шелохнуть.
"Где друзья? – пробормотал я. – И надежды растерял я,
Только он, кого не звал я, мне всю ночь терзает грудь...
Завтра он в Аид вернется, и покой вернется в грудь..."
Вдруг он каркнул: "Не вернуть!"

Вздрогнул я от звуков этих, – так удачно он ответил,
Я подумал: «Несомненно, он слышал когда-нибудь
Слово это слишком часто, повторял его всечасно
За хозяином несчастным, что не мог и глаз сомкнуть,
Чьей последней, горькой песней, воплотившей жизни суть,
Стало слово "Не вернуть!"»

И в упор на птицу глядя, кресло к двери и к Палладе
Я придвинул, улыбнувшись, хоть тоска сжимала грудь,
Сел, раздумывая снова, что же значит это слово
И на что он так сурово мне пытался намекнуть.
Древний, тощий, темный ворон мне пытался намекнуть,
Грозно каркнув: "Не вернуть!"

Так сидел я, размышляя, тишины не нарушая,
Чувствуя, как злобным взором ворон мне пронзает грудь,
И на бархат однотонный, слабым светом озаренный,
Головою утомленной я склонился, чтоб уснуть...
Но ее, что так любила здесь, на бархате, уснуть,

Никогда уж не вернуть!

Вдруг – как звон шагов по плитам на полу, ковром покрытом!
Словно в славе фимиама серафимы держат путь!

"Бог, – вскричал я в исступленье, – шлет от страсти
избавленье!

Пей, о, пей Бальзам Забвенья – и покой вернется в грудь!
Пей, забудь Линор навеки – и покой вернется в грудь!"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"О вещун! Молю – хоть слово! Птица ужаса ночного!
Буря ли тебя загнала, дьявол ли решил швырнуть
В скорбный мир моей пустыни, в дом, где ужас правит ныне, –
В Галааде, близ Святыни, есть бальзам, чтобы заснуть?
Как вернуть покой, скажи мне, чтобы, все забыв, заснуть?"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"О вещун! – вскричал я снова, – птица ужаса ночного!
Заклинаю небом, Богом! Крестный свой окончив путь,
Сброшу ли с души я бремя? Отвечай, придет ли время,
И любимую в Эдеме встречу ль я когда-нибудь?
Вновь вернуть ее в объятия суждено ль когда-нибудь?"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"Слушай, адское создание! Это слово – знак прощанья!
Вынь из сердца клюв проклятый! В бурю и во мрак – твой
путь!

Не роняй пера у двери, лжи твоей я не поверю!
Не хочу, чтоб здесь над дверью сел ты вновь когда-нибудь!
Одиночество бывшее дай вернуть когда-нибудь!"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

И не вздрогнет, не взлетит он, все сидит он, все сидит он,
Словно демон в дреме мрачной, взгляд навек вонзив мне в
грудь,

Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени зловещей птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!

Перевод Сергея Петрова (1968, опубл. 2003)⁴³

ВОРОН

⁴³ Сергей Петров (1911-1988) - поэт, переводчик.
Опубликовано: Петров С. Ворон // Эдгар Аллан По / Сост. Е. Витковский М.: Эксмо, 2003. С. 15-18.
("Шедевры классической поэзии для юных читателей").
Фамилия и инициалы переводчика указаны в "Содержании".
Авторская машинопись датирована 1968 г.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомясь от долгой думы,
Над томами, где укрылась мудрость стародавних лет,
Полусонный, я склонялся, но неожиданный стук раздался,
Будто кто-то постучался осторожно в кабинет.
Я подумал: "Гость какой-то постучался в кабинет.
Ничего иного нет".

Ах, мне помнится так ясно! Был тогда декабрь ненастный,
От углей в камине красный отблеск падал на паркет.
Утра ждал я в нетерпенье, в книгах жаждал я забвенья
От печали и мученья, что померк мне горний свет –
Дева дивная Ленора, имя чье небесный свет,
Та, которой больше нет.

В шелковых багровых шторах шел, как дрожь, чуть слышный
шорох:

Этот алый, небывалый ужас был во мне, как бред.
Сердце билось, кровь гудела, я твердил себе несмело:
"У кого-то, видно, дело, что стучится в кабинет.
Ночью некому без дела постучаться в кабинет.
Ничего другого нет".

С духом я тогда собрался, более не колебался:
"Сударь, я прошу прощенья, что промедлил вам в ответ,
но поверьте, – вы в начале слишком робко постучали,
так что звуки долетали еле-еле в кабинет.
Я дремал и вас не слышал". И открыл я кабинет.
Никого во мраке нет.

И, пронзая взором тьму, я стал, дивуюсь и тоскую,
Сам не зная, что со мною, явь ли то иль просто бред.
Было тьмой молчанье это, а во тьме хоть бы примета!
И одно – "Ленора!" – где-то шелестело мне в ответ.
Это я шепнул: "Ленора!", эхо шепчет мне в ответ.
Ничего иного нет.

Я с душою воспаленной возвратился изумленный,
Сел, но снова звук за ставней о чугунный парпет.
Сердцу не было покоя, и промолвил я с тоскою:
"Посмотрю, что там такое, и открою, в чем секрет.
Погоди же, сердце, биться – я узнаю, в чем секрет.
Чуда тут, конечно, нет".

Только я откинул ставни, как предстал мне стародавний
Грозный ворон из баллады, на старинный лад одет.
И, вспорхнув, как тень немая, барственно крылом махая
И меня не замечая, пролетел он в кабинет,
Сел на бледный бюст Паллады над дверями в кабинет,
Словно бы меня и нет.

Мрачной птице из эбена, восседавшей столь степенно,

Величавости надменной улыбнулся я в ответ:
"Пусть облезли с гребня перья, ворон древнего поверья,
ты – не трус, в тебе теперь я вижу Стикса адский свет.
Как же звать тебя в Аиде, где от Стикса черный свет?"
Каркнул он: "Возврата нет".

Кто же тут не изумится, если чертов ворон-птица
Так отчетливо прокаркал, хоть и невпопад, ответ!
Где же видано бывало, чтобы в гости прилетала
И на бюсте восседала важно, будто баронет,
Тварь нескладная, а видом будто лорд иль баронет
С именем Возврата Нет!

С бледного чела Паллады черный ворон, дух баллады,
Молвил только это слово, как души своей завет.
Каркнул это злое слово, на меня смотря сурово.
И тогда вздохнул я снова: нет друзей минувших лет!
Завтра и его не станет, как надежд минувших лет,
Коль он рек: "возврата нет!"

Страшно мне молчанье было, и промолвил я уныло:
"Вызубрил он фразу эту за хозяином вослед,
на кого, всю жизнь терзая, ополчалась доля злая,
неустанно насылая сонмы горестей и бед.
И надежды хоронил он с хором горестей и бед
Под припев "возврата нет!"

Кресло к ворону подвинув, птицу взором вновь окинув,
Улыбнулся я, что нынче у меня такой сосед.
Дум нанизывая звенья, цепенел я в размышленьи,-
Каково ж тех слов значенье, что пророчил вестник бед,
Ворон грозный, вещий, тощий, неуклюжий вестник бед,
Каркнув мне: "Возврата нет!"

Так сидел я, размышляя, ничего не отвечая,
И вонзались птичьи очи в сердце резче, чем стилет.
Я догадками томился, долу головой клонился,
И злорадно свет струился на лазоревый глазет,
Но не сесть уже Леноре на лазоревый глазет!
К этому возврата нет!

Тут с кадилом благовонным, со сребристым робким звоном –
Мне почудилось – ступили серафимы на паркет.
"То Господень дар от горя, пей целебный дар и вскоре
Ты забудешь о Леноре – пей и приноси обет!
Позабыть о лучезарной дай мучительный обет!"
Ворон вновь: "Возврата нет!"

"Вещий или зло природы! Загнан ли ты непогодой
Сатана ль тебя отправил, о проклятый параклет,
В эту Ужаса обитель? Ты в отчаянье – воитель,
Ты в пустыне – искушитель, так ответь мне, сердцевед,

Исцелюсь ли в Галааде? Отвечай мне, сердцевед!"

А вещун: "Возврата нет!"

"Вещий иль исчадь ада! Будет ли душе отрада,
Истерзавшейся от скорби? Снимется ль с нее запрет
И дарует Всемогущий ликовать в райской куще
С той душою присносущей, имя чье – небесный свет,
С лучезарною Ленорой, имя чье – блаженный свет?"

А вещун: "Возврата нет!"

"Это слово – знак разлуки! – я вскричал от новой муки.-
В одиночестве укрыться вечный я даю обет!
И не жди здесь до утра ты! Прочь! И не оставь пера ты
Черным символом утраты! Мчись туда, где адский свет!
Вещий лгун! Вынь клюв из сердца! Прочь туда, где адский
свет!"

Но вещун: "Возврата нет!"

И сидит, сидит с тех пор он, полусонный черный ворон,
И в упор глядит он с бюста над дверями в кабинет.
Жгуче дремлют в тусклом свете очи дьявольские эти,
И недвижна на паркете тень его, как мрачный след,
И душе моей из тени, мрачной, точно вечный след,
Ввысь вовек возврата нет.

Перевод Михаила Донского (1976)⁴⁴

Эдгар По ВОРОН

Раз в тоскливый час полночный я искал основы прочной
Для своих мечтаний – в дебрях философского труда.
Истомлен пустой работой, я поник, сморен дремотой,
Вдруг – негромко стукнул кто-то. Словно стукнул в дверь...
Да, да!
"Верно, гость, – пробормотал я, – гость стучится в дверь. Да,
да!
Гость пожаловал сюда".

Помню я ту ночь доньше, ночь декабрьской мглы и стыни, –
Тлели головни в камине, вспыхивая иногда...
Я с томленьем ждал рассвета; в книгах не было ответа,
Чем тоска смирится эта об ушедшей навсегда,

⁴⁴ Михаил Донской - псевдоним Михаила Израилевича Явца (1913-1996) - математика, переводчика.
Опубликовано: Донской М. Ворон // По Э. Лирика. Л.: Худож. лит., 1976. С. 84-88. (Сер. "Сокровища
лирической поэзии").

Под текстом дата: 1845.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

Что звалась Линор, теперь же – в сонме звездном навсегда
Безымянная звезда.

Шорох шелковой портьеры напугал меня без меры:
Смяла, сжала дух мой бедный страхов алчная орда.
Но вселяет бодрость – слово. Встал я, повторяя снова:
"Это гость, – так что ж такого, если гость пришел сюда?
Постучали, – что ж такого? Гость пожаловал сюда.
Запоздалый гость. Да, да!"

Нет, бояться недостойно. И отчетливо, спокойно
"Сэр, – сказал я, – или мэдем, я краснею от стыда:
Так вы тихо постучали, – погружен в свои печали,
Не расслышал я вначале. Рад, коль есть во мне нужда".
Распахнул я дверь: "Войдите, если есть во мне нужда.
Милости прошу сюда".

Никого, лишь тьма ночная! Грозный ужас отгоняя,
Я стоял; в мозгу сменялась странных мыслей череда.
Тщетно из глухого мрака ждал я отклика иль знака.
Я шепнул: "Линор!" – однако зов мой канул в никуда,
Дальним эхом повторенный, зов мой канул в никуда.
О Линор, моя звезда!

Двери запер я надежно, но душа была тревожна.
Вдруг еще раз постучали, явственнее, чем тогда.
Я сказал: "Все ясно стало: ставни... Их порывом шквала,
Видимо, с крючка сорвало, – поправимая беда.
Ставни хлопают и только, – поправимая беда.
Ветер пошутил – ну да!"

Только я наружу глянул, как в окошко Ворон прынул,
Древний Ворон – видно, прожил он несчетные года.
Взмыл на книжный шкаф он плавно и расселся там державно,
Не испытывая явно ни смущенья, ни стыда,
Там стоявший бюст Минервы оседлал он без стыда,
Словно так сидел всегда.

Я не мог не удивиться: эта траурная птица
Так была невозмутима, так напыщенно-горда.
Я сказал: "Признаться надо, облик твой не тешит взгляда;
Может быть, веленьем ада занесло тебя сюда?
Как ты звался там, откуда занесло тебя сюда?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

Усмехнулся я... Вот ново: птица выкрикнула слово;
Пусть в нем смысла и немного, попросту белиберда,
Случай был как будто первый, – знаете ль иной пример вы,
Чтоб на голову Минервы взгромоздилась без стыда
Птица или тварь другая и в лицо вам без стыда
Выкрикнула: "Никогда!"

Произнесши это слово, черный Ворон замер снова,
Как бы удовлетворенный завершением труда.
Я шепнул: "Нет в мире этом той, с кем связан я обетом,
Я один. И гость с рассветом улетит – бог весть куда,
Он, как все мои надежды, улетит бог весть куда".
Ворон каркнул: "Никогда!"

Изумил пришелец мрачный репликой меня удачной.
Но ведь птицы повторяют, что твердят их господа.
Я промолвил: «Твой хозяин, видно, горем был измаян
И ответ твой не случаен: в нем та, прежняя, беда.
Может быть, его терзала неизбывная беда
И твердил он: "Никогда!"»

Кресло я придвинул ближе: был занят гость бесстыжий,
Страшный Ворон, что на свете жил несчетные года.
И, дивясь его повадкам, предавался я догадкам, –
Что таится в слове кратком, принесенном им сюда,
Есть ли смысл потусторонний в принесенном им сюда
Хриплом крике "Никогда!"?

Я сидел, молчаньем скован, взглядом птицы околдован,
Чудилась мне в этом взгляде негасимая вражда.
Средь привычного уюта я покоился, но смута
В мыслях властвовала люто... Все, все было, как всегда,
Лишь ее, что вечерами в кресле нежилась всегда,
Здесь не будет никогда!

Вдруг незримый дым кафельный мозг окутал мой бессильный,

—
Что там – хоры серафимов или облаков гряда?
Я вскричал: "Пойми, несчастный! Этот знак прямой и ясный –
Указал Господь всевластный, что всему своя чреда:
Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда".
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Птица ль ты, вешун постылый, иль слуга нечистой силы, –
Молвил я, – заброшен бурей или дьяволом сюда?
Отвечай: от мук спасенье обрету ли в некий день я,
В душу хлынет ли забвенье, словно мертвая вода,
И затанет рану сердца, словно мертвая вода?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Птица ль ты, вешун постылый, иль слуга нечистой силы,
Заклинаю небом, адом, часом Страшного суда, –
Что ты видишь в днях грядущих: встречу с ней я в райских
кущах
В миг, когда среди живущих кончится моя страда?
Встречусь ли, когда земная кончится моя страда?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

Встал я: "Демон ты иль птица, но пора нам распрощаться.

Тварь бесстыдная и злая, состраданью ты чужда.
Я тебя, пророка злого, своего лишаю крова,
Пусть один я буду снова, – прочь, исчезни без следа!
Вынь свой клюв из раны сердца, сгинь навеки без следа!"
Ворон каркнул: "Никогда!"

И, венчая шкаф мой книжный, неподвижный, неподвижный,
С изваяния Минервы не слетая никуда,
Восседает Ворон черный, несменяемый дозорный,
Давит взор его упорный, давит, будто глыба льда.
И мой дух оцепенелый из-под мертвой глыбы льда
Не восстанет никогда.

ПЕРЕВОДЫ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ (с 1984)

Перевод Владимира Саришвили, 1-я редакция (1984, опубл.
1990)⁴⁵

ВОРОН (из Э. По)

Било полночь мерным боем надо мною, над изгоем,
С книгой странной я затеял никому не нужный спор
И безмолвно препирался. Вдруг негромкий стук раздался –
Это поздний гость стучался стуком тихим, как укор,
Гость – и только. Гость – и только. Стук негромкий, как укор.
Гость – не друг, не враг, не вор.

Память все запечатлела – за окном метель ревела,
Полыхали угли, точно адский свадебный убор.
Я желал, чтоб ночь минула, и заря вдали блеснула,
Ветром утренним задуло пламя скорби по Линор.
В мудрых книгах нет ответа – где теперь искать Линор,
Чей погас навеки взор.

Шелест шелковой портьеры взволновал меня без меры,
И ударил в сердце ужас, как по ясеню топор,

⁴⁵ Владимир Карлович Саришвили (р. 1963) - поэт, переводчик, журналист.

Опубликовано: Саришвили В. Ворон // Саришвили В. Стихи. Поэмы. Переводы / Худ. и ред. А. Сенин. (М.): Экспериментальное творческое объединение "Садовое кольцо", (1990). С. 170-174.

[Под рубрикой "Переводы. С английского"].

Издание осуществлено за счет средств автора. Дата издания установлена по концевой полосе, место - по фактическому месторасположению экспериментального творческого объединения.

Авторская рукопись (беловой автограф), хранящаяся в частной коллекции, датирована 10 декабря 1984 г. Тексту перевода предпослано посвящение, отсутствующее в публикации.

Первая редакция перевода.

Воспроизведено по беловому автографу.

Сердце гулко сотрясалось, в нем, как эхо, повторялось,
Как в зеркале отражалось: "Это гость пришел на двор,
Ко двору, придется, верно, а пока пришел на двор
Гость – не друг, не враг, не вор".

Укрепившись в этой вере, бормотал я, идя к двери:
"Бога ради, извините слух мой, леди или сер⁴⁶,
Оправляясь от печали, не расслышал я вначале –
Так легонько Вы стучали..." Распахнул я дверь на двор,
Вечным холодом окован занесенный снегом двор,
Темен, пуст ночной простор.

И стоял я на пороге, изумленный, одинокий,
Не отваживался смертный грезить так до этих пор...
Вопрошал я тьму напрасно с непонятым постоянством,
Ход гармонии пространства нарушал мой стон: "Линор"...
И с небес кудрявый ангел мне в ответ шепнул: "Линор",
Будто выстрелил в упор.

Ветер взвыл и чуть не лопнул, двери я в сердцах захлопнул,
Но, к несчастью, вдруг услышал стука прежнего повтор.
"Успокойся, друг мой давний, сердце, не желай вреда мне –
Это со скрипучей ставней ветер начал разговор,
Только ставня неприступна – бесполезен разговор".
Тут взметнулись волны штор.

И без жеста и без знака Ворон выступил из мрака
Так величественно, точно светский щеголь и позер.
Это гость – не друг, не вор он, а всего лишь древний Ворон.
Сеет смуту, сеет мор он, жнет разлуку и раздор.
Он вспорхнул на бюст Паллады, сел там, черен, как раздор,
Мой незванный визитер.

Встрепенулся дух и разум, но испуг рассеять разом
Удалось надменной птице, прилетевшей из-под гор,
Из-под гор, где с века Оно, во владениях Плутона,
Кроме мрака, нет закона, где бушует мрачный бор.
Что же значит имя "Ворон" в тех краях, где мрачный бор?
Молвил Ворон: "Нэвермор".

Что же, сей ответ прекрасен, хоть, увы, не очень ясен –
Так на сцене отвечает незадачливый партнер.
Страшен в час туманной грусти, тихой, точно Коцит в устье,
На холодном белом бюсте духов злых парламентартер,
Черный Ворон – из-под гор он духов злых парламентартер
По прозванию "Нэвермор".

Он сидит на изваянье, всем надеждам, всем желаньям

⁴⁶ В рукописи "сор" (ср. аналогичное правописание слова в стихотворении А. Блока "Осенний вечер был. Под стук дождя стеклянный...", 1912).

Хриплым окриком готовый дать решительный отпор.
"Что ж, побудь со мной, дружище, все покинули жилище,
Вот и ты уйдешь, как тыщи уходили до сих пор.
Улетишь ты, как надежды улетали до сих пор".
Молвил Ворон: "Нэвермор".

Верно, ты ответил верно, но испуга ток по нервам
Пробежал. Какой хозяин, обреченный на затвор,
Подсказал тебе, поведай, этот смутный возглас бреда,
Может быть, со смертью это похоронный договор,
Может, с нею обреченный заключает договор
Безнадежным "Нэвермор"?

Ложь светилась в хищных глазках, и видений свистопляска
Пронеслась в больном сознание табуном во весь опор,
И сидел мой гость злорадный, неуклюжий и нескладный,
И, как видно, в путь обратный не собрался до сих пор.
Я сидел, гадая тщетно, и гадаю до сих пор:
Что же значит "Нэвермор"?

Взора дьявольская сила грудь мою насквозь пронзила
И с души сорвала грубо дней былых воздушный флер,
Я вздохнул, укрылся пледом, разморенный слабым светом,
Предоставив новым бедам надо мною слиться в хор.
Ей, в раю, вовек не слышать этот сумеречный хор,
Не услышать – Нэвермор.

И внезапно все застыло – лишь незримый дым кадила
Предо мною плыл, сплетаясь в удивительный узор.
То небесный Вседержитель, душ измученных спаситель
Посылал в мою обитель чашу скорби по Линор.
Осушить бы эту чашу и забыть навек Линор...
Молвил Ворон: "Нэвермор".

О, надменный адский житель, кто ты – демон-искуситель,
Глас грядущего иль просто бестолковый горлодер –
Над любовью ты не властен, я отвергнут, я несчастен,
Дай испить бальзам от страсти по утраченной Линор,
Нареченной в райских кущах серафимами "Линор".
Молвил Ворон: "Нэвермор".

Будь ты злобный адский житель, будь ты демон-искуситель,
Но над нами Божья воля, вечный голубой шатер,
Я молю тебя ответить – суждено ль когда-то встретить
Мне на том, на лучшем свете, лучезарную Линор,
Заклучу ли я в объятья лучезарную Линор?
Молвил Ворон: "Нэвермор".

Ты жесток и беспощаден, будь же проклят, будь неладен,
Улетай в края Плутона, где бушует мрачный бор.
Черный холод оперенья, что лежит на шторах тенью,
Пусть исчезнет по веленью моему с угрюмых штор,

Вынь кровавый клюв из сердца, улетай в ночной простор.
Молвил Ворон: "Нэвермор".

За окном уже светает – он сидит – не улетает,
День декабрьский растает, снова ночь придет на двор,
Ворон бюста не покинет, верный мраморной Афине,
Тень, холодная, как иней, ниспадает на ковер.
Ворон, черный победитель, неподвижный дирижер,
Вечный Ворон – Нэвермор!

Перевод Николая Голя (1988)⁴⁷

Эдгар Аллан По ВОРОН

Это было мрачной ночью; сны являлись мне воочью,
В смутном книжном многострочье мысль блуждала тяжело:
Над томами я склонялся, в них постигнуть суть пытался,
Вдруг как будто постучался кто – то в темное стекло...
"Это путник, – прошептал я, – мне в оконное стекло
Постучал – и все прошло".

Помню этот час, как ныне: мир дрожал в декабрьской стыни,
Умирал огонь в камине... О, скорей бы рассвело!
Поверял я книгам горе по утерянной Леноре –
Это имя в райском хоре жизнь вторую обрело,
Осчастливленное небо это имя обрело,
А от нас оно ушло.

И под шорохи гардины в сердце множились картины,
Где сплеталось воедино грез несметное число.
Чтоб избавиться от дрожи, я твердил одно и то же:
"Что же страшного? Прохожий постучал слегка в стекло,
Гость какой – нибудь захожий постучал, придя, в стекло,
Постучал – и все прошло".

Так прогнав свою тревогу, я сказал: "Вздремнул немного,
Извините, ради бога, наваждение нашло.
Вы так тихо постучали, что подумал я вначале –
Не снега ли, не ветра ли застучали о стекло?
Я подумал: звук случайный, вроде ветра о стекло,
Отшумел – и все прошло".

⁴⁷ Николай Михайлович Голь (р. 1952) - поэт, переводчик, детский писатель.
Опубликовано: Голь Н. Ворон // По Э.А. Стихотворения: Сборник / Сост. Е.К. Нестерова. М.: Радуга, 1988.
С. 316-319. На англ. яз. с параллельным рус. текстом.
Подпись: Перевод Н. Голя. Под текстом дата: 1988.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Дверь открыл и на ступени вышел я – лишь тьма и тени.
В сердце скопище видений умножалось и росло,
И, хоть все кругом молчало, дважды имя прозвучало –
Это я спросил: "Ленора?" (так вздыхают тяжело),
И назад печальным эхом, вдруг вздохнувшим тяжело,
Имя вновь ко мне пришло.

И прикрыл я дверь несмело. Как в огне, душа горела.
Вдруг от стука загудело вновь оконное стекло.
Значит, это не случайно! Кто там: друг иль недруг тайный?
Жить под гнетом этой тайны сердце больше не могло.
Я сказал: "Пора увидеть, что б таиться там могло,
Время, – молвил я, – пришло".

И тогда окно открыл я, и в окне, расправив крылья,
Показался черный ворон – что вас, сударь, привело? –
И на статую Паллады взмыл он, точно так и надо,
Черный, сел, вонзая когти в мрамор, в белое чело;
И пока взлетал он с пола изваянью на чело,
И минуты не прошло.

Кто бы мог не удивиться? Был он важен, как патриций.
Все меня в спесивой птице в изумленье привело.
Я спросил, забыв печали: "Как тебя в Аиде звали,
В царстве ночи, где оставил ты гнездо – или дупло?
Как тебя в Аиде кличут, чтоб оставил ты дупло?"
Ворон каркнул "Все прошло!"

Странно! Гость мой кривоносый словно понял смысл вопроса.
Вот ведь как: сперва без спроса залетел ко мне в тепло,
А теперь дает ответы (пусть случайно, суть не это),
В перья черные одетый, сев богине на чело;
Кто видал, чтоб сел богине на высокое чело
Тот, чье имя "Всё прошло"?

Он сказал – и смолк сурово, словно сказанное слово
Было сутью и основой, тайну тайн произнесло,
Сам же, словно изваянье, он застыл в глухом молчанье,
И спросил я: "Где мечтанья, расцветавшие светло?
Ты и сам, как все, покинешь дом мой – лишь бы рассвело!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

Как же я не понял сразу, что твердит от раза к разу
Он одну лишь эту фразу – то, что в плоть его вошло, –
Оттого, что жил он прежде в черно – траурной одежде
Там, где места нет надежде (одеянье к месту шло!)
И хозяину былому лишь одно на память шло:
"Все прошло, прошло, прошло!"

И не то, чтоб стал я весел, – к гостю я привстал из кресел
(Он на статуе, как прежде, громоздился тяжело):
"Темной вечности ровесник, злой ты или добрый вестник?"

Что за вести мне, кудесник, изречение принесло –
Неуклюжий, тощий, вещей, что за вести принесло
Это – дважды – "все прошло"?

Мысли полнились разладом, и застыл я с гостем рядом.
Я молчал. Горящим взглядом душу мне насквозь прожгло.
Тайна мне уснуть мешала, хоть склонился я устало
На подушки, как склоняла и она порой чело...
Никогда здесь, как бывало, больше милое чело
Не склонится – все прошло.

Мнилось: скрытое кадило серафимы белокрыло
Раскачали так, что было все от ладана бело,
И вскричал я в озареньи: "О несчастный! Провиденье
В пень ангелов забвенье всем печалям принесло,
От печали по Леноре избавленье принесло!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

"О пророк! – спросил его я, – послан будь хоть сатанюю,
Кто б ни дал тебе, изгою, колдовское ремесло,
Мне, всеведущий, ответствуй: есть ли в скорбном мире
средство,
Чтоб избавиться от бедствий, чтоб забвенье снизошло?
Где бальзам из Галаада, чтоб забвенье снизошло?"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

"О пророк! – призвал его я. – Будь ты даже сатанюю,
Если что – нибудь святое живо в нас всему назло, –
Отвечай: узрю ли скоро образ умершей Леноры?
Может, там, в Эдеме, взору он откроется светло,
В звуках ангельского хора он придет ко мне светло?"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

"Хватит! Птица или бес ты – для тебя здесь нету места! –
Я вскричал. – В Аид спускайся, вечно черное жерло!
Улетай! Лишь так, наверно, мир избавится от скверны,
Хватит этой лжи безмерной, зла, рождающего зло!
Перестань когтить мне сердце, глядя сумрачно и зло!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

Вечно клювом перья глядя, вечно адским взором глядя,
Когти мраморной Палладе навсегда вонзив в чело,
Он застыл, и тень ложится, и душе не возродиться
В черной тени мрачной птицы, черной, как ее крыло;
И душе из тени – черной, как простертое крыло,
Не воспрянуть... Все прошло!

Перевод Виктора Топорова (1988)⁴⁸

⁴⁸ Виктор Леонидович Топоров (р. 1946) - переводчик, критик, публицист.

Опубликовано: Топоров В. Ворон // По Э. А. Стихотворения: Сборник / Сост. Е.К. Нестерова. М.: Радуга,

Эдгар Аллан По ВОРОН

В час, когда, клонясь все ниже к тайным свиткам
чернокнижья,
Понял я, что их не вижу и все ближе сонный мор, –
Вдруг почудилось, что кто-то отворил во тьме ворота,
Притворил во тьме ворота и прошел ко мне во двор.
"Гость, – решил я сквозь дремоту, – запоздалый визитер,
Неуместный разговор!"

Помню: дни тогда скользили на декабрьском льду к могиле,
Тени тления чертили в спальне призрачный узор.
Избавленья от печали чаял я в рассветной дали,
Книги только растравляли тризну грусти о Линор.
Ангелы ее прозвали – деву дивную – Линор:
Слово словно уговор.

Шелест шелковый глубинный охватил в окне гардины –
И открылись мне картины бездн, безвестных до сих пор, –
И само сердцебиенье подсказало объясненье
Бесконечного смятенья – запоздалый визитер.
Однозначно извиненье – запоздалый визитер.
Гость – и кончен разговор!

Я воскликнул: "Я не знаю, кто такой иль кто такая,
О себе не объявляя, в тишине вошли во двор.
Я расслышал сквозь дремоту: то ли скрипнули ворота,
То ли, вправду, в гости кто-то – дама или визитер!"
Дверь во двор открыл я: кто ты, запоздалый визитер?
Тьма – и кончен разговор!

Самому себе не веря, замер я у темной двери,
Словно все мои потери возвратил во мраке взор. –
Но ни путника, ни чуда: только ночь одна повсюду –
И молчание, покуда не шепнул я вдаль: Линор?
И ответило оттуда эхо тихое: Линор...
И окончен разговор.

Вновь зарывшись в книжный ворох, хоть душа была как
порох,
Я расслышал шорох в шторах – тяжелей, чем до сих пор.
И сказал я: "Не иначе кто-то есть во тьме незрячей –
И стучится наудачу со двора в оконный створ".
Я взглянул, волненье пряча: кто стучит в оконный створ?

Вихрь – и кончен разговор.

Пустота в раскрытых ставнях; только тьма, сплошная тьма в них;

Но-ровесник стародавних (пресвятых!) небес и гор –
Ворон, черен и безвремен, как сама ночная темень,
Вдруг восстал в дверях – надменен, как державный визитер
На плечо к Палладе, в тень, он, у дверей в полночный двор,
Сел – и кончен разговор.

Древа черного чернее, гость казался тем смешнее,
Чем серьезней и важнее был его зловещий взор.
"Ты истерзан, гость нежданный, словно в схватке ураганной,
Словно в сече окаянной над водой ночных озер.
Как зовут тебя, не званный с берега мертвенных озер?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Человеческое слово прозвучало бестолково,
Но загадочно и ново... Ведь никто до этих пор
Не рассказывал о птице, что в окно тебе стучится, –
И на статую садится у дверей в полночный двор,
Величаво громоздится, как державный визитер,
И грозитя: приговор!

Понапрасну ждал я новых слов, настолько же суровых, –
Красноречье – как в оковах... Всю угрозу, весь напор
Ворон вкладывал в звучанье клички или прорицанья;
И сказал я, как в тумане: "Пусть безжизненный простор.
Отлетят и упованья – безнадежно пуст простор".
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Прямо в точку било это повторение ответа –
И решил я: Ворон где-то подхватил чужой повтор,
А его Хозяин прежний жил, видать, во тьме кромешной
И твердил все безнадежней, все отчаянней укор, –
Повторял он все прилежней, словно вызов и укор,
Это слово – приговор.

Все же гость был тем смешнее, чем ответ его точнее, –
И возвел я на злодея безмятежно ясный взор,
Поневоле размышляя, что за присказка такая,
Что за тайна роковая, что за притча, что за вздор,
Что за истина седая, или сказка, или вздор
В злобном карке: приговор!

Как во храме, – в фимиаме тайна реяла над нами,
И горящими очами он разжег во мне костер. –
И в огне воспоминаний я метался на диване:
Там, где каждый лоскут ткани, каждый выцветший узор
Помнит прошлые свиданья, каждый выцветший узор
Подкрепляет приговор.

Воздух в комнате все гуще, тьма безмолвья – все гнетущей,
Словно кто-то всемогущий длань тяжелую простер.
"Тварь, – вскричал я, – неужели нет предела на пределе
Мук, неслыханных доселе, нет забвения Линор?
Нет ни срока, ни похмелья тризне грусти о Линор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Волхв! – я крикнул. – Прорицатель! Видно, Дьявол – твой создатель!

Но, безжалостный Каратель, мне понятен твой укор.
Укрепи мое прозреньё – или просто подозреньё, –
Подтверди, что нет спасенья в царстве мертвенных озер, –
Ни на небе, ни в геенне, ни среди ночных озер!"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Волхв! – я крикнул. – Прорицатель! Хоть сам Дьявол – твой создатель,

Но слышал и ты, приятель, про божественный шатер.
Там, в раю, моя святая, там, в цветущих кущах рая. –
Неужели никогда я не увижу вновь Линор?
Никогда не повстречаю деву дивную – Линор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Нечисть! – выдохнул я. – Нежить! Хватит душу мне корезить!

За окошком стало брезжить – и проваливай во двор!
С беломраморного трона – прочь, в пучину Флегетона!
Одиночеством клейменный, не желаю слушать вздор!
Или в сердце мне вонзенный клюв не вынешь с этих пор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Там, где сел, где дверь во двор, – он все сидит, державный
Ворон

Все сидит он, зол и черен, и горит зловещий взор.
И печальные виденья чертят в доме тени тленья,
Как сгоревшие поленья, выткав призрачный узор, –
Как бессильные моленья, выткав призрачный узор.
Нет спасенья – приговор!

Перевод Владимира Саришвили, 2-я редакция (1995)⁴⁹

**Эдгар Аллан По
ВОРОН**

⁴⁹ Опубликовано: Саришвили В. Ворон // По Э. А. Эссе. Материалы. Исследования / Ред.- сост. В.И. Чередниченко, Ю.В. Лучинский. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1995. Вып. 1. С. 108-111.

Подпись: перевод с английского Владимира Саришвили. [Под рубрикой "Неопубликованные и малоизвестные переводы"].

Вторая редакция перевода.

Воспроизведено по тексту первой публикации.

В час, когда настала полночь, ни во чью не веря помощь,
В полудреме одинокой, средь забытых старых книг
Я искал ответа тщетно, слышу – стук, едва приметный,
То, наверно, путник бедный ко двери моей приник.
Жуткой полночью бедняга ко двери моей приник
И стучится в этот миг.

Я запомнил все навечно. Мрак декабрьский бесконечный,
Тень отбрасывали угли, и огонь в камине сник,
Я в напрасном нетерпенье ждал – когда рассвета гений
Из-за снежных туч сомнений ниспошлет мне первый блик.
Лик блаженный, лик Линоры осветит рассветный блик,
Безымянный ныне лик.

Занавесок шелк лиловый, шелест мягкий и суровый
Задержал биенье сердца, в душу трепетом проник,
Вслух я молвил: "Нет здесь чуда – это позднего приюта
Просит путник ниоткуда и к двери моей приник;
Просит позднего приюта и к двери моей приник –
Мрак ночной его настиг".

И, воспрянув духом, встал я, шел к дверям и бормотал я:
"Задремавшего простите, грех мой вовсе невелик.
Вьюги за окном кружили, стук ваш легкий заглушили,
А меня заворожили тайны старых мудрых книг".
Дверь открыл я – встрепенулись кипы древних мудрых книг.
Никого – лишь ветер, дик.

И в минуту промедленья мне пригрезились виденья.
Смертный разум тех видений никогда бы не постиг.
Ночь молчанье хранила, на моих устах застыло
Имя. Эхо возвратило зов "Линора" в тот же миг.
Эхо мне в ответ шепнуло зов "Линора", в тот же миг
Растопив души ледник.

Словно кем-то расколдован, возвратясь, я сел, взволнован,
Но отчетливей раздался стука прежнего двойник.
Взор встревоженно блуждает, сердце, что тебя пугает?
Разум быстро разгадает, что сокрыл в себе тайник.
Бродит ветер, бьется в ставни – право, вот и весь тайник –
Бьется в окна ветер, дик.

Ставней скрип во мраке канул. Я взгляделся и отпрянул.
Предо мною допотопный Ворон медленно возник,
Величавый и сердитый, словно отпрыск родовитый,
С подоконника летит он без поклона напрямик,
К бюсту белому Паллады подлетает напрямик
И на шлем садится вмиг.

Замер я, обескуражен – так был вид его отважен.

"Твой вихор смешон, – я молвил, – точно съехавший парик.
Странник, как тебя прозвали в непроглядной вечной дали,
Где раскинулся печали необъятный материк,
В царстве ночи, где Плутона распростерся материк?"
"Нет веки!" – слышу крик.

Неожиданность какая! Может, шутка чья-то злая...
Признаюсь, я столь нелепых кличек слышать не привык.
Да и вряд ли кто воочью видел, чтобы поздней ночью
Ворон, мрака средоточье, без запинок, закавык,
С бюста белого Паллады без запинок, закавык
"Нет веки!" – исторгнул крик.

Ворон четко и сурово повторял лишь это слово,
Словно в нем таился некий вдохновляющий родник.
Полный сумрачным значеньем, неподвижным опереньем
Он блистал. И я с волненьем произнес: "Чудной старик!
Как друзья и как надежды, завтра ты уйдешь, старик..."
"Нет веки!" – слышу крик.

Я встревожился – еще бы! – столько было тайной злобы
В ясном выкрике. Сказал я: «О, прилежный ученик!
Твой хозяин, несомненно, был отвергнут миром бранным,
И, страдая неизменно, боль свербящую постиг.
Это траурное слово ты запомнил и постиг –
"Нет веки", скорбный крик».

Но эбеновая птица с видом лживого провидца
На меня в упор глядела с бюста над собраньем книг.
Угловатое созданье, ты мутишь мое сознанье,
Что за темное преданье произносит твой язык?
Я придвинул кресло ближе. Что вещал его язык? –
"Нет веки", странный крик.

Нить раздумия теряя, в кресле я сидел, гадая,
Жгучий взор пронзал мне сердце, сдержанно светил ночник.
Я подумал: "Неужели на лиловый шелк постели
Здесь, под хриплый вой метели, не склонится нежный лик,
В мягком свете на подушки не склонится нежный лик? –
Нет веки, ни на миг!"

Мне почудилось движенье, невесомое скольженье,
Дым небесных благовоний в лоно комнаты проник.
"Пей забвенья по Линоре, – прочитал я в горнем взоре, –
Пей – твою развеет горе панацея в тот же миг,
Лучезарный облик девы ты забудешь в тот же миг".
"Нет веки!" – слышу крик.

"Птица ль ты, зловещий странник, или дьявольский
посланник,
С берегов пустынных Ночи смерти ль верный проводник,
В доме, скованном кошмаром, появился ты недаром,

Взор твой пышет адским жаром, я предела мук достиг.
Дай забвеньё от разлуки, я предела мук достиг".
"Нет вовеки!" – слышу крик.

"Птица ль ты, зловещий странник, или дьявольский
посланник,
Заклинаю Божьим духом, что небесный свод воздвиг,
Отвечай: в дали туманной, на земле обетованной,
Среди райских кущ желанный суждено ль узреть мне лик,
В сонме ангельском желанный суждено ль узреть мне лик?" –
"Нет вовеки!" – слышу крик.

Полный гнева, я поднялся. "Лучше б ты не появлялся!
Прочь! У всякого терпенья есть последний, высший пик.
Клюв, пронзивший сердце, вынь ты, навсегда меня покинь ты,
Улетай в ночную синь ты, на подземный материк,
Возвращайся в царство Ночи, на Плутонов материк!"
"Нет вовеки!" – слышу крик.

И сидит еще доньше он на гипсовой богине,
В гуцу мерзких адских торжищ резкий взор его проник,
Лампы тусклой свет мерцает, очертанья оттеняет
Черной птицы, что венчает бюст, стоящий среди книг,
И душа моя из тени, распростертой среди книг,
Не восстанет – ни на миг!

Перевод Анны Парчинской (1998)

ВОРОН

Поздней ночью, утомлённый,
Разбирая труд учёный,
Задремал я, не осилив витиеватый древний слог.
Вдруг неясный звук раздался.
Вздрогнул я, мой сон прервался.
Не прохожий ли стучался, забредя на мой порог?
В ночь декабрьскую глухую он с дороги сбиться мог.
И, наверное, продрог.

Помню, как случилось это:
В ожидании рассвета,
Я пытался в книгу вникнуть, сердце чтеньем усмирить.
В одиночестве и горе
Я читал, но понял вскоре:
Тщетно мысли о Линоре я пытаюсь заглушить.
Мысль об умершей Линоре обрывала смысла нить,
Рассуждений книжных нить.

Ах, я помню это ясно:
На дворе декабрь ненастный,

От камина отсвет красный на полу и на стене.
Тёмной шторы колыханье,
Шелка лёгкое шуршанье,
Словно шёпот и дыханье в напряжённой тишине,
Чей-то шёпот и дыханье в полудночной тишине,
Как бывает в страшном сне.

Я сказал себе: "Проверю,
Не стоит ли гость за дверью?
Может, кто-то по ошибке завернул ко мне домой.
Нет причины для волнения,
Гость случайный, без сомнения,
Перепутал направление в непроглядной тьме ночной".
Двери настежь отворил я – никого лишь ветра вой.
Только снег и мрак ночной.

Не надеясь и не чая,
Почему, и сам не знаю,
Произнёс я громко имя той, которой больше нет.
Было слышно еле-еле,
Как, вплетаясь в плач метели,
Тихим эхом долетели звуки слабые в ответ.
Только эхо долетело, словно отражённый свет.
Только ветер выл в ответ.

Я в сердцах захлопнул двери.
Говоря себе: "Уверен,
Что причина странных звуков, вдруг наполнивших мой дом, –
Лишь причуды непогоды,
Лишь явление природы", –
Я услышал что-то вроде тех же звуков за окном.
Тотчас явственно услышал, что стучали за окном,
Будто в ставни долотом.

Вот, опять... Ах, так?... Ну, что же...
Я окно открыл – о Боже!
Шумно, с ветром, с пылью снежной тенью в комнату влетел,
Сел на полку возле двери,
Не спеша оправил перья
Старый ворон – лишь теперь я визитёра разглядел.
Птицу, прозванную вещей, лишь теперь я разглядел.
Гость нисколько не робел.

Как монах, сутул и чёрен,
Ворон, вроде бы, как ворон,
Но солидностью забавной отличался визитёр.
Как испанский гранд, отважен,
Так же чопорен и важен,
Я развеселился даже и завёл с ним разговор:
– Снизойдите, назовите ваше имя, мой сеньор.
Каркнул ворон: – Nevermore!

– Вещий ворон к славе вящей
Оказался говорящий.
Да, – подумал я с усмешкой, – презабавнейший сеньор.
Скоро он меня покинет,
Мокрый след его простынет.
Всё пройдёт, и это минет. Время – ненасытный вор.
Странный гость меня покинет, как надежды, как Линор.
Каркнул ворон: – Nevermore!

И внезапно отчего-то
У меня прошла охота
Забавляться видом птицы. Мой незванный визитёр
В трансе странном и глубоком
Колдуна или пророка
Неподвижным влажным оком сверху вниз глядел в упор.
Дьявольским горящим оком на меня глядел в упор.
Повторяя: "Nevermore".

Я сидел в оцепененье,
Кожей чувствуя движенье
Тел бесплотных, слышал пенье – отдалённый тихий хор.
Сердце бешено забилося:
Может, это Божья милость,
Что-то тайное случилось, и они вернут Линор?
Нет! Лишь только в мире вечном встречу милую Линор.
Каркнул ворон: – Nevermore!

– Хоть на время дай забыться! –
Крикнул я жестокой птице,
– Не желаю больше слышать, как талдычишь жалкий вздор.
Милосердное забвенье
Разомкнёт событий звенья,
Дней связующие звенья, дней, заполненных Линор.
Боль утихнет, я забуду об утраченной Линор.
Каркнул ворон: – Nevermore!

Навсегда теперь он рядом
И горящим злобным взглядом,
Неподвижным жутким взглядом на меня глядит в упор.
И, лишённый сил и воли,
Я к своей прикован боли,
И не вырваться, доколе в силе страшный приговор –
Нет и проблеска надежды, точно в слове "nevermore",
В беспощадном "nevermore".

Перевод Веры Космолинской (1999)

ВОРОН
Эдгар Аллан По

Полночь, раз, была глухая; мысли – вялы и усталы,
Множество преданий странных в старой книге я прочел,
Грезил в зыбкой полудреме, и услышал незнакомый
Звук, как стук – неясный, скромный, в дверь жилища моего.
"Видно, гость, – пробормотал я, – у жилища моего.
Путник – только и всего."

Помню ясно, как вчера я – был Декабрь, и догорая,
Угольки, как души, тая, рассыпались в прах и сор.
Жаждал утра я со страстью; дел себе искал напрасно,
В море книг топил несчастье, – спи, погибшая Линор, –
Незабвенный, лучезарный, ангел с именем Линор, –
Имя здесь – ничто, с тех пор.

Тут, звенящий тихий шорох заскользил в пурпурных шторах,
Ужасом пронзив, какого прежде я не знал еще;
И, чтоб сердце успокоить, повторил себе я строго:
"Это гость, что ищет крова – у жилища моего.
Путник поздний ищет крова у жилища моего.
Путник, только и всего."

Дрожь в душе своей унявши, я решил не медлить дальше,
"Сэр, – сказал, – Мадам, быть может, – право, искренней
всего,
Умоляю вас, простите, был ваш стук настолько тихим,
Деликатнейшим и тихим в дверь жилища моего,
Что я вас едва расслышал." – Отпер дверь... И – никого.
Тьма лишь, больше ничего.

Я стоял, ошеломленный, в тьму глядящий, напряженный,
Дикой грезой пронзенный, небывалой до сих пор...
Долго ждал, но тьма молчала, больше знака не давала.
И одно лишь было слово здесь обронено: "Линор?" –
Я шепнул его, и эхо мне вернуло вздох: "Линор!"
Ясный вздох – и явный вздор.

В дом пустой вернувшись снова, с болью в сердце – нет ей
слова,
Вскоре стук услышал новый – громче прежнего того.
"Видно, – я сказал, – там что-то бьет в оконную решетку.
Надо бы проверить, что там странно так стучит в окно.
Только сердце успокою, и взгляну, что бьет в окно.
Ветер лишь, скорей всего!"

Только распахнул я ставни, как влетел, шумя крылами,
В дом мой Ворон величавый, очевидец тьмы времен.
И надменно, без почтения, без малейшего смущенья,
Будто лорд, без приглашенья, важно сел над дверью он –
Заскочив на бюст Паллады, важно, будто бы на трон, –
Сел, и все, и замер он.

И при виде черной птицы, смог я вдруг развеселиться,

Словно шутка над испугом – этот траурный убор.
"Хоть хохол торчит – не очень, не пуглив ты, это точно, –
Я признал. – Зловещий Ворон, знающий Ночной простор –
Как зовешься, покоривший Ночь – Плутона злой простор?"
Ворон каркнул – "Nevermore!"

Потрясен я был нескладной птицей, говорившей складно,
Пусть ответ ее, конечно, был не складный разговор;
Невозможно согласиться, чтоб к кому влетела птица,
Осчастливив тем, что села, как еще один затвор, –
На скульптурный бюст над дверью, будто чудище-затвор, –
С этой кличкой – "Nevermore".

Но сидел он отрешенно, так сказав, на бюсте, словно,
Вместе с этим странным словом жизнь покинула его,
Ничего не добавляя, ни пера не поправляя –
Лишь когда пробормотал я, "Как друзья все, до сих пор –
Утром он меня оставит, как Надежды, до сих пор." –
Вдруг изрек он: "Nevermore."

От внезапности я вздрогнул – да и кстати было слово.
"Несомненно, – я промолвил, – заучил он этот вздор –
Вздых хозяина, чьи беды не давали видеть света,
И печалям стал ответом, как припев иль заговор –
И надеждам отпеваньем – тот тоскливый заговор:
"О, довольно – nevermore.""

Но, как прежде, эта птица – повод, в шутке, мне забыться;
Кресло к двери развернул я, к бюсту, к Ворону в упор,
И на бархат опустился, и в фантазии пустился,
Сочиняя, что пророчил мне посланец давних пор –
Черный, мрачный и ужасный очевидец давних пор,
Мне прокаркав: "Nevermore."

Так сидел я, в размышленье, но уже без обращенья
К птице, чьи глаза сверкали, в сердце мне вжигая взор,
И мечтал я, отдыхая, мягкий бархат приминая,
Что свет лампы, обтекая, в странный превращал узор.
Фиолетовый тот бархат, тот причудливый узор,
Ей не смять, ах, nevermore!

Воздух, в сладком представленьи, загустел в хмельном
куренье –

Серафим махнул кадилом, став незримо на ковер.
"Бедный грешник, – тут вскричал я, – Божьи ангелы, слетая,
Дарят отдых, мир, непентес¹ горькой скорби о Линор;
Жадно пей благой непентес – пей, и позабудь Линор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."

Я сказал: "Исчадь ада! – Ворон вещий, или дьявол! –
Послан ли сюда Лукавым, или брошен в сей простор
Ты неистовой стихией, в царство колдовской пустыни,

В дом, где Ужасом все стынет – о, ответь мне, вещий взор –
Ждет ли Галаад целебный? – заклинаю, вещий взор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."

Я сказал: "Исчадь ада! – Ворон вещий, или дьявол! –
В Небесах, что Бог над нами, возлюбивший нас, простер –
Предреки: душе скорбящей, ныне далеко бродящей,
Встретится святая дева – ангел с именем Линор,
Незабвенный, лучезарный ангел с именем Линор."
Каркнул Ворон: "Nevermore."

"Птица-бес, ты стала лишней! – завопил я тут, вскочивши. –
Убирайся – в Ночь, и Бурю, и Плутона злой простор! –
Черных перьев не роняя, знака лжи не оставляя,
Дом немедля покидая – наш закончен разговор!
Клюв свой вынь навек из сердца, прочь же, кончен разговор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."

И сидит, сидит неслышно, не взлетая, неподвижно,
Дремлет на Палладе бледной черный демон до сих пор;
Но глаза его сверкают, ничего не упускают,
В свете лампы он роняет тень на вытертый ковер.
И душе моей из тени, тяжело павшей на ковер,
Не подняться – nevermore.

Перевод Александра Милитарева (2000)⁵⁰

Эдгар Аллан По ВОРОН

Как-то ночью в полудреме я сидел в пустынном доме
Над престранным изреченьем инкунабулы одной,
Головой клонясь все ниже... Вдруг сквозь сон – все ближе,
ближе –
То ли скрип в оконной нише, то ли скрежет за стеной.
"Кто, – пробормотал я, – бродит там в потемках за стеной,
В этот поздний час ночной?"

Помню, в полночь это было: за окном декабрь унылый,
На ковре узор чертило углей тлеющих пятно.
Я не мог уснуть и в чтенье от любви искал забвенья,
От тоски по той, чье имя света горнего полно,

⁵⁰ Александр Юрьевич Милитарев (р. 1943) - лингвист-компаративист, специалист по языкам и культурам Ближнего Востока и Северной Африки, поэт, переводчик.

Опубликовано: Милитарев А. Ворон // По Э.А. Эссе. Материалы. Исследования / Ред.- сост. В.И. Чередниченко, Ю.В. Лучинский. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. Вып. 3. С. 184-186.

Подпись: Перевод с английского Александра Милитарева. [Под рубрикой "Неопубликованные и малоизвестные переводы"].

Воспроизведено по тексту первой публикации.

По Линор, по той, чье имя в небесах наречено,
Той, что нет давным-давно.

А шелков чуть слышный шорох, шепоток в багряных шторах
Обволакивал мне душу страхом, словно пленой.
И глуша сердцебиенье, запинаясь от волнения,
Стал твердить я: "Без сомненья, здесь не виден знак дурной.
Кто-то хочет, без сомненья, в этот поздний час ночной
Разделить досуг со мной".

Так решив, шагнув к порогу, громко я сказал: "Ей-богу,
Сэр или мадам, простите, сам не знаю, что со мной:
Я давно покинут всеми... вы пришли в такое время...
Стука в дверь не ждал совсем я, слишком свыкся с тишиной".
Так сказав, я дверь наружу распахнул – передо мной
Мрак, один лишь мрак ночной.

В дверь назад скользнул как тень я, от себя гоня в смятенье
То, что даже в сновиденье людям видеть не дано.
А когда замкнулся снова круг безмолвия ночного,
В тишине возникло слово, тихий вздох "Лино... Лино...",
Но услышал лишь себя я – эхо, мне шепнув "Лино-о-о",
Смолкло, вдаль унесено.

Только дверь за мной закрылась (о, как гулко сердце билось!),
Вновь – усиленный безмолвьем, оттененный тишиной, –
Тот же звук раздался где-то. И воскликнул я: "Раз нету
Никого там, значит, это ветер воет за стеной –
Просто ветер, налетая из зимы, из тьмы ночной,
Бьется в ставни за стеной!"

Настежь тут окно раскрыл я – вдруг зашелестели крылья
И угрюмый черный Ворон, символ древности земной,
Без поклона шагом твердым в дом вошел походкой лорда,
Взмах крылом – и замер гордо он над притолокой дверной.
Сел на белый бюст Паллады – там, над притолокой дверной,
Сел – и замер предо мной.

От испуга я очнулся и невольно улыбнулся:
Так был чопорен и строг он, так вздымалась важно грудь!
"Хоть хохол твой и приглажен, – я заметил, – но отважен
Должен быть ты, ибо страшен из Страны Забвенья путь.
Как же звать тебя, о Ворон, через Стикс державший путь?"
Каркнул Ворон: "Не вернуть!"

Что ж, не мог не подивиться я словам престранной птицы:
Хоть ответ и не был связным, к месту не был он ничуть,
Никогда б я не поверил, чтобы в комнате над дверью
Видел этакое зверя кто-нибудь когда-нибудь,
Чтоб на мраморной Палладе вдруг увидел кто-нибудь
Тварь по кличке "Не вернуть".

Но сказав всего два слова, Ворон вдаль глядел сурово,
Как певец, когда сорвется с вещей струн последний звук.
Так сидел он, тень немая, черных крыл не подымая,
И сказал я: "Понимаю: ты пришел ко мне, как друг.
Но тому, чей дом – могила, ни друзей уж, ни подруг..."
"Не вернуть!" – он каркнул вдруг.

Вздрыгнул я слегка: ведь тут-то в точку он попал как будто!
Но решил: «Припев унылый – все, что слышать ты привык
В чьем-то доме, на который Фатум, на расправу скорый,
Натравил несчастий свору. И убогий твой язык
Из великой песни скорби лишь один припев постиг:
"Не вернуть!" – тоскливый крик».

Усмехнулся я украдкой, так легко найдя разгадку
Этой тайны, и вернулся в кресло, чтоб слегка вздремнуть...
Но взвилась фантазмов стая вокруг меня! И в хриплом грае,
В дерзком, мерзком этом грае все искал я смысл и суть.
В том зловещем кличе птичьим все хотел постичь я суть
Слов безумных "не вернуть".

Так сидел я, погруженный в ночь, в себя, во мрак бездонный,
Перед птицей, что горящим взором мне сверлила грудь.
Передумал я немало, головой клонясь устало
На подушек бархат алый, алый бархат, лампой чуть
Освещенный, – на который ту, к кому заказан путь,
Никогда уж не вернуть!

Вдруг пролился в воздух спальни аромат курильниц дальних,
Вниз, во тьму, с высот астральных заструился светлый путь,
И незримых хоров пенье слышу я: "Во исцеленье
Небо шлет тебе забвенья – так забудь ее... забудь..."
Пей же, пей вино забвенья, и покой вернется в грудь..."
Тут он каркнул: "Не вернуть!"

"Кто ты? – крикнул я с досадой. – Дух? пророк? исчадь ада?
Искусителя посланник? или странник в море бед,
Черным вихрем занесенный в этот край опустошенный,
В дом мой скорбный и смятенный? Но скажи мне: разве нет,
Нет бальзама в Галааде, чтоб вернуть слепому свет?"
"Не вернуть", – пришел ответ.

"Птица, дьявол ли, не знаю, – я вскричал, – но заклинаю
Этим небом, светом горним, указующим нам путь:
Напророчь мне, гость незванный, что в земле обетованной
Сможет вновь к груди желанной сердце бедное прильнуть,
И вернуть тот миг блаженный – пусть хоть там... когда-
нибудь".

Каркнул Ворон: "Не вернуть".

Тут я встал: "Твои признанья принял я – как знак прощанья.
Уходи же, кто б ты ни был – в бурю, в ад, куда-нибудь!"

Черных перьев не дари мне, лживых слов не говори мне:
Одиночество верни мне. Путь к моим дверям забудь.
И из сердца клюв свой вырви, чтобы жизнь вернулась в
грудь!"
Каркнул Ворон: "Не вернуть".

И с тех пор, как страж дозорный, он сидит, мой Ворон черный,
Надо мною, не давая ни проснуться, ни уснуть.
И в глазах у древней птицы демон дремлющий таится,
И от крыльев тень ложится, на полу дрожа чуть-чуть.
И души из этой тени, что легла плитой на грудь,
Не поднять – и не вернуть.

Перевод Игоря Голубева (2000, опубл. 2001)⁵¹

ВОРОН

Било полночь. Был я болен, духом пуст и обездолен,
Заблудился в старой Книге, в неразгаданных словах.
Пробуждением от кошмара прозвучали три удара,
Как когда-то – три удара старой битой на дверях.
Я подумал: там прохожий зябко ёжится в дверях,
Заблудившийся в полях.

Только я привстал со стула, лампа, помню я, мигнула,
Пламя словно бы от ветра закачалось на свечах.
И внизу качнулись тени – сумма смуты и смятений,
Не вопросы, просто тени, молча лёгшие во прах...
Ах, Ленор, моя утрата, ночи, лёгшие во прах...
Ты ушла – и мир зачах.

Зашуршало что-то в шторах, из угла донёсся шорох,
Будто ночи одиночеств отражаются в вещах,
Довершают мне потерю приглашением к суеверью,
Тут же кто-то ждёт за дверью с чёрной ночью на плечах...
Я нарочно медлю, что ли? Поневоле смутный страх,
Если полночь на часах.

Впрочем, хватит! Может, хуже там – кому-то – в зимней
стуже.

Я откинул крюк тяжёлый и за дверью нараспах
Огляделся: "Гость иль гостья, здесь темно как на погосте,
Где же вы? Не прячьтесь, бросьте!..." – Пустота и снежный
прах.

⁵¹ Игорь Андреевич Голубев (1940-1911) - поэт, переводчик, лингвист, теоретик искусства.
Опубликовано: Голубев И. Ворон // СТИХИИА, кн.3. М., Ладомир, 2001.
По информации автора перевод сделан в апреле 2000 г.
Воспроизведено по тексту первой публикации.

Леденеющий от злости, ветер гонит снежный прах,
Стонет в кленах и в кустах.

Но озноб бежит по коже не от ветра, не похоже,
Вроде б что-то или кто-то, заблудившийся в мирах,
Из глубин декабрьской ночи сообщить мне что-то хочет,
Передать мне что-то хочет знаком или на словах.
Вдруг "Ленор" шепнуло эхо... Может – я позвал впотьмах,
Может, просто шум в ушах.

У меня замёрзло сердце, я вернулся в дом согреться,
Сел к камину и услышал тот же стук, вернувший страх.
Но сказал себе: "Так часто клёны полночью стучатся,
Нам мерещатся несчастья, людям, жмущимся в домах, –
Будто призраки стучатся к людям, жмущимся в домах,
А всего-то – ветки взмах".

Но едва окно раскрыл я, вижу клюв, глаза и крылья –
Мне шагнул навстречу Ворон, и крыла тяжёлый взмах
Чадо Вечности и Ада перенёс на бюст Паллады...
Мне за слёзы так и надо – слишком горем я пропах.
Хоть какой, да собеседник: если горем я пропах,
Скажет "Крра!" в ответ на "Ах!..."

Как он важен, как вальяжен, хоть и чёрен, да не страшен,
И едва ль его жилище – на Летейских берегах.
Если был бы он и вправду Вестник Рая, Ворон Ада,
Мне узнать бы было надо, как зовётся в тех мирах.
Ну, давай! Ответствуй, Ворон, как ты звался в тех мирах!
Ворон горько каркнул: "Крах!"

Я отпрянул: ну и диво! Птица дьявольски учтива,
Хоть запуталась, бедняга, в разных птичьих именах.
Вышло чётко; но, однако, имя – нечто вроде знака,
Можно звать и так и всяко, но своих домашних птах,
Даже пусть больших и чёрных, но никто домашних птах
Не терзает кличкой "Крах".

Как он прочно сел над дверью! – видно, чувствует доверье.
В этом чудится мне что-то, встарь мелькавшее в мечтах.
Где мечты?... Где шатя братья?... Не могу друзей собрать я,
Словно некое проклятье на моих лежит друзьях.
Что же нужно, чтоб остался хоть бы ты – в моих друзьях?
Ворон горько каркнул: "Крах!"

Вздрогнул я. За чёрным словом – жалким жизненным уловом

Чей-то чёрный крест увидел на надеждах и делах.
Был хозяин птицы – нытик, духом полный паралитик,
Вы таких не окрылите, – он почти с восторгом чах.
Ворон слушал это слово, а хозяин чах да чах –
Сам себе накаркал крах.

Вещий Ворон, тощий Ворон, чей-то горестный позор он
Поневоле выдал миру: что ему в людских речах!...
Я придвинулся: наверно, понимает он неверно,
Но – сиянье или скверну слышит он в таких словах?
Что он, Ворон, смутно видит в человеческих словах –
Для примера, в слове "крах"?

Не "любовь" ли?... Вдруг воскресло, как она садится в кресло,
И опять сидим мы рядом и мечтаем при свечах...
Может, ей, такой прекрасной, к высшим таинствам
причастной,
На земле – такой несчастной, место – там, на Небесах?
Для неё, кого с рожденья ждали там, на Небесах,
Смерть – Призвание, а не крах?...

И в ответ мне – полузримо в клубах ладанного дыма
Появились серафимы с горним светом на челах.
"Вот мне знак! Теперь я знаю: горем я Ленор терзаю!...
Жечь, как я сейчас дерзаю, душу на ночных кострах –
Пусть оставлю! – и тогда мне вместо жизни на кострах
Будет..." Каркнул Ворон: "Крах!"

"Ты! Подделка под пророка! Не казни меня до срока!
Будь ты птица, будь ты демон, ты – знаток в таких вещах.
Не в пустыне злого Рока, так на папертях Востока,
Не в твоей стране порока, так в иных каких краях –
Подскажи – какое средство стать беспмятным как прах?!"
Ворон горько каркнул: "Крах!"

"Ты! Подделка под пророка! Ты – не морок, ты – морока.
Хоть бы видимость надежды отыскать в твоих словах!...
Подтверди мне не переча, что блаженной будет встреча,
Что Ленор, затеплив свечи, ждёт меня на Небесах.
Что же – ну, ответствуй, демон! – ждёт меня на Небесах?"
Ворон горько каркнул: "Крах!"

"Вот и знак, пернатый дьявол: ты мой враг, ты вновь слукавил,
Ты пронзил мне клювом сердце, – изыди, вселенский страх!
Не переча, не пророча – прочь, порочный отпрыск Ночи,
В дверь, в окно – решай, как проще, каркай там, в пустых
полях.
Что тебе в моих мученьях, что тебе в моих мечтах?..."
Ворон горько каркнул: "Крах!"

Так сидит и до сих пор он, и следит за мною Ворон,
Белый бюст и чёрный Ворон сторожат меня в дверях.
Взгляд – как огненная спица, и хотя недвижна птица,
Тень под нею шевелится, как крыла протяжный взмах,
Мне из глубины этой тени всё виднее каждый взмах,
Всё роднее слово "крах".

Перевод Сергея Муратова (2003)⁵²

ВОРОН

Как-то сидя у камина, в час ночной, забывшись книгой,
Над приятными листами позабытых древних знаний
Задремал я... Вдруг стучатся, тихо так – совсем неясно:
Будто кто-то нежным стуком сон нехочет мой нарушить.
«Вот и гость» – ворчу я в дреме – "стукнул в дверь моей
каморы –
Хоть бы так, зачем нам воры".

Как не вспомнить день ужасный, что Декабрь принес
ненастный:

Блики света от огня лижут пол вокруг меня;
Ждал я утра, но напрасно я искал в томах прекрасных
Прекращение печали по утерянной Линор –
Той девице лучезарной, что зовут в Раю Линор
Безымянной здесь с тех пор.

Вкрадчивый и жуткий шорох в складках занавес бордовых
Наполняет душу страхом мне доселе незнакомом.
Чтоб унять лишь сердца трепет, я твержу в надежде встретить
Гостя или молодницу, что сегодня в дверь стучится:
«Это только гость усталый стукнул в дверь моей каморы,
Так и есть, зачем нам воры».

И когда душа окрепла, я пошел судьбу изведать:
«Сэр»,- приветствовал я в мыслях – "извините, что не быстро
Двери вам я открывал – слишком тихо стук звучал;
Слишком тихо вы стучали в двери комнаты моей,
Да и сон мой был сильней", – тут открыл я дверь каморы –
Нет ни гостя и ни вора.

Так стоял я изумленный, в мрак полночный погруженный,
Сомневаясь, грезя сон, недоступный с давних пор.
Тщетно ждал я признак жизни, но не смог нарушить извне
Тишину, как мне в укор прошуршала ночь: «Линор!»
Это я шепнул и эхом мне вернулось имя это,
С эхом, спутником поэта.

В комнату назад, за двери, чтоб огонь души умерить,
Я вернулся; вскоре снова я услышал стук знакомый.
«Несомненно стук сей странный»,- я сказал, а сам за ставни:

⁵² Сергей Витальевич Муратов (р. 1954) - профессор по классам скрипки, альты и теории музыки, скрипичный мастер, переводчик-любитель.

Воспроизведено по электронной версии текста перевода:

<http://www.lib.ru/INOFANT/POE/crown3.txt>

Посмотреть, что там в окошке, может это были кошки
Или ветер там стучится в окна дома моего,
Ветер – больше ничего.

Быстро распахнул я ставни и в окно ввалился странный,
Величавый и забавный с давних пор известный малый –
Черный Ворон – вестник бед – он за всех держал ответ.
Ни малейшего поклона, без задержки, с видом Лорда,
Взгромоздясь на бюст Паллады у порога моего,
Сел – и больше ничего.

Я, конечно, улыбнулся, от печали вдруг очнулся,
Видя столь нелепый вид птицы страшной из Аид.
"Твой хохол ощипан в битве и задор твой очевиден,
Но скажи зловещий Ворон, что во Мраке жил суровом,
Как зовут тебя повсюду, где Плутона Мрак всегда"
Каркнул Ворон: «Никогда».

Я был полон удивленья, слыша птицы заявленье;
Хоть ответ ее был вздорен, и не понят мной тогда,
Мы не можем не признаться, что навряд ли может статься,
Чтобы где-нибудь на свете, вот так просто, как всегда
Сядет птица вам над дверью и заявит без труда
Громко имя «Никогда».

Да, сидящий одиноко над дверями гордый Ворон
Говорил одно лишь слово, как молитву в час суровый;
Ни крылом нешелохнувши, ни пером неустрепенувши,
Он сидел, а я промолвил: "Как друзья мои тогда
Утром он уйдет туда, где Надежды – навсегда!"
Каркнул Ворон: «Никогда!»

Вздрыгнул я в тиши полночной, услышав ответ столь точный.
"Несомненно затвердил он это слово, как Беда
Посетила вдруг сурово жизнь хозяина младого,
Понесла рекой бурливой, все Надежды разорила,
Унесла любовь, удачу и счастливые года
Этим словом «Никогда».

Отвлекаясь от печали, улыбнувшись, как вначале,
Сдвинув кресло до порога, где сидел на бюсте Ворон,
Опустился я в раздумьях на подушки, чтоб обдумать
В размышлениях мятежных образ птицы, что всегда
Изможденная и злая, предвещала в те года
Хриплым криком «Никогда».

Так сидел я весь в догатках, без вопросов, даже кратких,
К птице, чей горящий взор был как совести укор.
Утомившись от раздумий, я склонился к той подушке,
Чей лиловый бархат нежный под лучами люстр всегда
Манит искоркой надежды, но, как понял я тогда –
Не прильнуть ей – Никогда!

Воздух вдруг весь заструился, дымный аромат разлился
От кадила Серафима, чьи шаги глушил ковер.
«О, несчастный»,- я взмолился – "видит Бог – я исцелился,
Наконец-то в облегченье он послал ко мне забвенье –
Чашу чудного напитка от Линор на все года!"
Каркнул Ворон: «Никогда!»

От такого предсказания я вскричал: "О, зла создание!
Кем ты послан, Вещий Ворон, буря ль занесла сюда,
На пустынный берег суши, где сгорели наши души,
В этот дом, кошмаров полный,- правду мне скажи, когда
Получу я исцеленье" Заклинаю Богом я!"
Каркнул Ворон: «Никогда!»

Я взмолился: «Ворон Вещий, птица ты иль дух зловещий»
Мы ведь оба верим в Бога, что над нами Мир весь создал;
Ты скажи душе печальной, можно ли в Эдеме дальном
Встретить душу той Линор, что святая с давних пор,
Лучезарную подругу обнять можно ли когда"
Каркнул Ворон: «Никогда!»

«Все теперь, с меня довольно» – закричал я – "будь хоть
вольной

Птицей или бесом ночи, возвращайся в царство Тьмы!
Не оставь своих мне перьев, как приметы черной лжи!
Я один хочу остаться, так что с бюста прочь лети!
Вынь жестокий клюв из сердца, прочь лети и навсегда!"
Каркнул Ворон: «Никогда!»

С той поры сидит зловещий, гордый Ворон, Ворон Вещий
На вершине бюста словно черный траурный убор.
Он сидит в застывшей позе с взглядом Демона в дремоте,
И от лампы свет струится, тень бросая на ковер,
Но моя душа из тени, что колышится всегда
Не взлетит уж никогда!

Перевод Геннадия Аминова (2004)⁵³

ВОРОН

Полночь мраком прирастала; одинокий и усталый
Я бродил по следу тайны древних, но бессмертных слов.
Усыпляя, плыли строки; вдруг раздался стук негромкий,
Словно кто-то скребся робко в дверь моих волшебных снов.

⁵³ Геннадий Шарипович Аминов (р. 1967) - журналист, прозаик, поэт, переводчик.
Воспроизведено по электронной версии текста перевода:
<http://www.lib.ru/INOFANT/POE/crown3.txt>

«Странник, – вздрогнув, я подумал, – нарушает сладость снов,
Странник, только и всего».

О, я помню, дело было в декабре унылом, стылом,
И камин ворчал без силы, уступая теням спор.
Страстно жаждал я рассвета, – тщетно проискав ответов,
Утешений в книгах ветхих – по потерянной Ленор,
По прекраснейшей из смертных с чудным именем Ленор,
Чей был смертный час так скор.

Шорох шелковой портьеры, вкрадчивый, глухой, неверный,
Теребил, тянул мне нервы, ужас полнил существо,
Так что, страхи отгоняя, я твердил как заклинанье:
«О ночлеге просит странник у порога моего,
О ночлеге молит странник у порога моего,
Странник, только и всего».

Вскоре, мужества исполнясь, я шагнул как в омут в полночь:
«Сэр... мадам... – не знаю, кто вы – не ищите строгих слов:
Я в дремоте был печальной, и так тихо вы стучали,
Вы столь слабо постучали в двери дома моего,
Что, я думал, показалось...» – распахнул я дверь рывком –
Темнота и... – ничего.

В тьму недвижимым впившись взглядом, замер я; и будто
рядом

Ангел снов и страхов ада черное крыло простер.
Тишина была полнейшей, темнота была кромешной,
И лишь призрак звука нежный шепот доносил: «Ленор!»
Это я шептал, и эхо возвращало мне: «Ленор!» –
Эха бесполезный сор.

В комнату вернувшись грустно, без надежд, в смятенных
чувствах,

Я услышал те же стуки, – чуть ясней, чем до того.
Я подумал: "Да ведь это у окна скребется ветер;
Гляну – и в одно мгновение будет все объяснено,
Сердце стоит успокоить – будет все объяснено...
Ветер – только и всего!"

Но едва открыл я ставню, как на свет, с вальяжной статью
Благородной древней знати, ворон выступил из тьмы.
Не смущаясь ни секунды, извинений, даже скудных,
Предъявить и не подумав, он уселся над дверьми –
Как на трон, на бюст Паллады взгромоздился над дверьми –
Наяву взирать на сны.

Видя гордое величье, видя, как смешно напыщен
Этот лорд из рода птичьих, скрыть улыбку я не смог.
«Ты, хоть временем потрепан, но уж, верно, не из робких;
Так скажи: на тех дорогах, что ты в жизни превозмог, –
Звали как тебя в том аде, что ты в жизни превозмог?»

Каркнул ворон: «Nevermore».

Сей бесхитростною речью, сколь скупой, столь человеческой,
Удивленный бесконечно, я воззрился на него;
Потому как, согласитесь, смертным раньше и не снилось,
Чтобы птицы громоздились над порогами домов,
Чтоб на бюсты громоздились над порогами домов –
Птицы с кличкой «Nevermore».

Ну а ворон, в грусти словно, молвил только это слово,
Будто в этом самом слове вся душа была его.
И замолк, перо не дрогнет; из меня же слабый, робкий
Выдох вырвался негромкий: "Я друзей сберечь не мог, –
Так и он к утру исчезнет, как надежды до него".
Рек здесь ворон: «Nevermore».

Звук в ночи таким был резким, так пугающе уместным,
Что я дернулся с ним вместе, под собой не чуя ног.
"Но, конечно, – бормотал я, – это весь запас словарный,
Что какой-то бедный мальчик заучить ему помог,
Хороня свои надежды и кляня тяжелый рок
Бесконечным «Nevermore».

Ворон все же был забавен, и, чтоб грусть свою разбавить,
Я, дела свои оставив, кресло выкатил вперед;
В нем усевшись поудобней перед бюстом с птицей гордой,
Разрешить решил я твердо, что имел в виду сей лорд,
Что имел в виду сей мрачный, старый, мудрый птичий лорд,
Говоря мне «Nevermore».

Так сидел я отрешенно, в мир догадок погруженный,
Ну а ворон взглядом жег мне, словно пламенем, нутро;
Головой клонясь устало на подушки бархат алый,
Вдруг с тоскою осознал я, что склониться головой –
Что на этот алый бархат лишь склониться головой
Ей нельзя, о – nevermore!

Вдруг как будто сладость дыма от незримого кадила
Воздух в комнате сгустила, ангельский донесся хор.
«Глупый! – я вскричал. – Бог, видя, как горьки твои обиды,
С ангелами шлет напиток для забвения Ленор!
Пей же снадобье, пей жадно и забудь свою Ленор!»
Каркнул ворон: «Nevermore».

«О, вещун – пусть злой, все ж вещей! – птица ль ты, иль зла
приспешник!-
Послан ли ты силой грешной, иль тебя низвергнул шторм –
Сквозь безмолвье светлых далей, через брег, где волны спали,
В этот дом, юдоль печали, – говори: до сих ли пор
Есть дарующий забвенью сладкий сон среди вечных гор?»
Каркнул ворон: «Nevermore».

«О, вещун – пусть злой, все ж вещей! – птица ль ты, иль зла
приспешник!
Заклинаю Небесами, Богом, чей так мил нам взор:
Сей душе, больной от скорби, дай надежду встречи скорой –
Душ слияния с Ленорой, с незабвенною Ленор,
С той прекраснейшей из смертных, смертный час чей был так
скор».

Каркнул ворон: «Nevermore».

«Будь ты птица или дьявол! – этим словом ты доставил
Сердцу многая печали! – так закончим разговор!
Убирайся в ночь, обратно! Прочь лети, в объятья ада!
Там, наверно, будут рады лжи, что молвил ты как вор!
Прочь из жизни, сердца, дома! Растворись в ночи как вор!»
Ворон каркнул: «Nevermore».

До сих пор во тьме сердито все сидит он, все сидит он
Над моей мечтой разбитой, в сердце дома моего;
Черный огонь меж век струится, будто демон в нем таится,
Да и тень зловещей птицы в пол вросла уже давно;
И душе моей от этой черной тени не дано
Оторваться – nevermore!

Комментарии

Существует множество легенд, преданий и свидетельств о том, как Эдгар По сочинял свое знаменитое стихотворение. В результате тщательного изучения обстоятельств и сличения свидетельств Т.О. Мабботт⁵⁴ останавливается на двух историях, степень правдоподобия которых позволяет говорить о них как о возможных версиях. Так, в колонии художников Йеддо рядом с Саратогой, Нью-Йорк, существует предание, что По сочинил вариант "Ворона", когда посетил Бархайтский пруд в 1843 г. Утверждают, что он обсуждал стихотворение с Энн Ван Рипер Гиллспи Бархайд (Ann Van Riper Gillespie Barhute), женой Джона Бархайта, владельца, которая сама была поэтессой. Их дети, Джеймс и Мери, помнили По, а Джеймс утверждал, что слышал, как По декламировал фрагменты своего стихотворения на открытом воздухе. По действительно иногда сочинял вслух, это хорошо известно. Миссис Бархайд скончалась в апреле 1844 г., так что дата указывает, что версия стихотворения, которую он в конце концов опубликовал, была создана до этого времени.

Вудберри⁵⁵ полагает, что это именно та (саратогская) версия стихотворения, которая была отвергнута Грэхемом в Филадельфии...". Другая история, которую Т.О. Мабботт называет "несомненно правдивой", связана с вариантом "Ворона", который был опубликован: «Проживая на ферме мистера и миссис Патрик Генри Бреннан (Patrick Henry Brennan) вблизи реки Гудзон в конце 1844 г., По однажды, как рассказывают, уселся и стал писать; когда он заканчивал лист, то клал его на пол. Старшая дочь в семье, пятнадцатилетняя Марта Сюзанна (которую По величал "маленькой леди"), подняла листы и,

⁵⁴ Томас Оливер Мабботт (Thomas Ollive Mabbott; 1898 – 1968) – американский ученый–лингвист, исследователь биографии Эдгара По.

⁵⁵ Джордж Эдвард Вудберри (George Edward Woodberry; 1855–1930) - критик и литературовед.

сложив их, обнаружила, что это было стихотворение, озаглавленное "Ворон".

Самый полный отчет о произошедшем изложен мужем Марты генералом Джеймсом Р. О'Бейрном (James R. O'Beirne) в нью-йоркской "Мейл энд Экспресс" ("Mail and Express") 21 апреля 1900 г. (...) Мать Марты, Мери Бреннан (...) слышала, как По сочинял иногда вслух, а семейное предание гласит, что По читал ей свое знаменитое стихотворение еще до публикации».

Однако с таким романтическим имиджем поэта-импровизатора, сочиняющего здесь-сейчас, не очень вяжется свидетельство Сьюзен Арчер Телли Вайсе (Susan Archer Talley Weiss), с которой По обсуждал литературные проблемы. Так, по ее словам, в 1849 г. По утверждал, что стихотворение "пролежало на его столе более десяти лет неоконченным, и он работал над ним с большими перерывами, добавляя слова или строки, изменяя, исключая их и даже меняя замысел или идею стихотворения в стремлении достичь желаемого".

Подтвердить подлинность факта могли бы черновики (они не сохранились) или письма 1830-х годов (в них нет каких-либо упоминаний о "Вороне" - первое упоминание относится к 1844 г.). Биограф По Герви Аллен (Hervey Allen), касаясь этого непроященного вопроса, проявляет чрезмерную категоричность: «Нет никаких сомнений в том, что "Ворон" обрел свою окончательную форму в доме на холмистом берегу Гудзона (имеется в виду ферма Бреннанов). Столь же достоверно известно, что у По уже имелся первый вариант стихотворения, когда он переехал жить на блумингдейлскую ферму (ферму Бреннанов). (...) Идея "Ворона" зародилась четырьмя годами раньше в Филадельфии, когда По писал рецензию на роман Диккенса "Барнеби Радж", в котором эта птица играет важную роль». Конечно, нельзя исключить того, что По мог вынашивать замысел долгие годы, сумев осуществить его только в 1844 г. В любом случае указанием на длительность работы он хотел подчеркнуть значимость самого произведения.

История публикации текста "Ворона" - это полудетективная история со счастливым для культуры исходом. Когда произведение приняло законченный с точки зрения автора вид, По попытался продать его издателю Джорджу Р. Грэхему (George R. Graham) в Филадельфии. Грэхем отказался его приобрести и напечатать, но в редакции "Грэхемз Мэгезин" автору вручили в качестве моральной компенсации небольшую сумму (15 долларов или что-то вроде этого; существуют незначительные расхождения в освещении этого факта).

Неудача не сломила автора, и вторая попытка оказалась успешной. Джордж Хукер Колтон (George Hooker Colton), только что начавший выпускать "Американ Ревью" ("The American Review"), не только приобрел (предположительно за 15 долларов!) стихотворение для второго номера своего журнала (1845, февр.), но и написал предисловие, к которому, как небезосновательно считается (этой точки зрения придерживается и Т.О. Мабботт), приложил руку сам По. Автор "Ворона" укрылся под псевдонимом "Quarles" (Куорлз), который должен был возбудить воспоминание о поэте конца XVI - первой половины XVII в. Фрэнсисе Куорлзе и его книге "Символы" (Francis Quarles, 1592-1644, "Emblems", 1635), причем читателя мог озадачить и каламбурный эффект со словом "quarrel" (ссора, спор).

Однако стихотворение было перехвачено (с ведома По, конечно) Н.П. Уиллисом (N.P. Willis), который публикует его 29 января 1845 г. в нью-йоркской ежедневной газете "Ивнинг Миррор" ("The Evening Mirror") со ссылкой на готовящуюся публикацию в "Американ Ревью" ("The American Review") (в то время такие "предварительные перепечатки" не были редкостью), под подлинным именем автора с предисловием, выдержанным в панегирическом тоне ("непревзойденное в английской поэзии" стихотворение "по тонкости замысла, искусству стихосложения, неизменному полету воображения и "зловещему очарованию").

Вечером 29 января 1845 года в городе Нью-Йорке происходили странные вещи. Газетных киосков в ту пору ещё не было, и газеты прямо на улицах продавали мальчишки-разносчики, забиравшие свежие тиражи в типографии. Лишь самые уважаемые и солидные издания можно было приобрести в книжных лавках, где их выкладывали на столики у дверей. На этот раз и магазинные выкладки, и пачки у разносчиков закончились почти мгновенно. Вечерний номер газеты "Evening Mirror" уважаемая нью-йоркская публика

расхватала, как мороженое в летнюю жару. Повсюду на улицах стояли кучки людей, окружавших счастливого обладателя газеты и предававшихся престранному занятию: глядя в рот читающему, они хором повторяли за ним... стихотворные строки. Всё это походило на массовое помешательство. На следующий день не было ни одной самой захудалой газетки в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Ричмонде и Вашингтоне, которая не перепечатала бы текст, произведший такой фурор – стихотворение Эдгара Аллана По "Ворон".

С легкой руки Н.П. Уиллиса "Ворон" становится одним из самых популярных англоязычных стихотворений: 18 прижизненных публикаций в Нью-Йорке, Лондоне, Филадельфии, Ричмонде и других городах, еще 2 сразу после смерти поэта. Автор не прекращает работы над текстом, внося поправки - как мелкие, так и существенные. Обзор всех разночтений и вариантов приводится в книге, вышедшей под редакцией Т.О. Мабботта.

Каноническим признан текст, опубликованный 25 сентября 1849 г. в ричмондском "Семи-Уикли Экзаминере" ("Richmond Semi-Weekly Examiner"). Это последняя авторизованная версия "Ворона", опубликованная при жизни По и с его ведома (публикацию предваряет вступительное слово Джона М. Дэниела - John Moncure Daniel - выдержанное в исключительно хвалебных тонах). (Здесь, в частности, проводится мысль, что публикуемое произведение есть продукт гения, который он способен создать лишь "единожды".) Заслуживают доверия данные, согласно которым "еще в январе 1845 года, за каких-нибудь несколько дней до опубликования, По продолжал вносить исправления в уже окончательный, казалось бы, вариант. Последние поправки были предложены так поздно, что их даже не успели включить в текст".

Стихотворение Эдгара По "Ворон" – это 108 строк поэтического текста, равного которому по эстетической и стилистической изощрённости и психологическому воздействию на читателей англоязычная поэзия прежде не знала. Автор, трудясь над стихотворением более четырёх лет, вложил в него не только весь свой лирический дар, но и продемонстрировал все возможности английского поэтического языка, что называется, на грани предела.

Даже если бы Эдгар По не написал ничего, кроме "Ворона" – и тогда имя его осталось бы в истории англоязычной поэзии.

На русском языке стихотворение впервые опубликовано в переводе Сергея Андреевского в литературно-политическом ежемесячнике "Вестник Европы", 1878, № 3.